

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

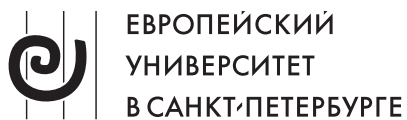
Факультет истории

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

Материалы одиннадцатой международной конференции
студентов и аспирантов
14–15 апреля 2017 года, Санкт-Петербург

Факультет истории

*Книга издана при поддержке
Комиссии по научному планированию ЕУСПб*

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

Материалы одиннадцатой международной
конференции студентов и аспирантов
14–15 апреля 2017 года, Санкт-Петербург

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61
К65

Составители и редакторы: *М. Газимзянов, Д. Дородных, И. Егорова, Е. Жданкова, А. Козлова, Е. Красильникова, О. Майстат, Д. Наволоцкая, Э. Росман, Д. Свирина*

К65 **Конструируя «советское»?** Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы одиннадцатой международной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2017 года, Санкт-Петербург). — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 200 с.

ISBN 978-5-94380-233-1

Настоящее издание является сборником материалов одиннадцатой международной конференции «Конструируя “советское”?», состоявшейся 14–15 апреля 2017 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В конференции приняли участие молодые исследователи из Иркутска, Казани, Москвы, Перми, Петрозаводска и Санкт-Петербурга, а также из Будапешта, Еревана, Киева, Мюнхена, Тарту. В фокусе внимания авторов статей — советский идеальный человек, политика памяти и память о «советском», революция 1917 года, религиозные практики в Советском Союзе, гендерные модели и забота в СССР. В докладах были использованы разнообразные письменные и визуальные источники, с помощью которых авторы предложили свое понимание феномена «советского».

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61

Конференция организована при поддержке
**профессуры компании ТАИФ по истории исламских народов
в составе России**

Организаторы конференции выражают благодарность
факультету истории искусств ЕУСПб за финансовую помощь
в организации лекции О. Булгаковой в рамках конференции

ISBN 978-5-94380-233-1

© Авторы, 2017
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Раиса Базанова</i> «ИЗБРАН. КОМАНДИРОВАН. МОБИЛИЗОВАН»: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПЕНСИОНЕРОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	9
<i>Екатерина Басманова</i> ТЕМА ИЗОБИЛИЯ В СОВЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ ХУДОЖНИКА П. В. КУЗНЕЦОВА)	16
<i>Александра Белянская</i> РЕШЕНИЯ ЦК ВЛКСМ О БОРЬБЕ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ МОЛОДЕЖИ В СССР В 1950-Е ГГ.	23
<i>Анна Богомолова</i> СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК НАСЛЕДНИК ПРОШЛОГО И АВАНГАРД БУДУЩЕГО МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	31
<i>Абигейл Бретчер / Abigail Bratcher</i> COMRADES' COURTS IN KHRUSHCHEV'S RUSSIA: A GENDERED READING	38
<i>Моррис Викстрём / Morris Wikström</i> IN SEARCH OF AMERICA — A READING OF JOHN STEINBECK'S A RUSSIAN JOURNAL	44
<i>Екатерина Воронова</i> МОДЕЛЬ ОТЦОВСТВА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ 1950-Х ГГ.	53
<i>Мария Вятчина, Анна Юдкина</i> НИЗОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В СССР: КЕЙС ГОРОДА РУДНИ	62
<i>Даулет Жанайдаров</i> СЦЕНАРИЙ ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» 1928 Г.: СТРАТЕГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ КЛАССИКИ	71
<i>Ринат Ишимухаметов</i> СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЛАСТНЫЕ ПРАКТИКИ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ (1948–1957)	79

<i>Яна Китаева</i> О «ПРАВДЕ» В СОВЕТСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРЕСТРОЙКИ	87
<i>Илья Концевой</i> ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ПЕРИОД «ДОЛГОЙ» РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.	93
<i>Екатерина Кулиничева</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ОЛИМПИЙСКОЙ ПАРАДНОЙ УНИФОРМЕ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ	101
<i>Антон Левцкий</i> ПРЕДОТВРАЩЕННОЕ БАНКРОТСТВО: БЕЛОРУССКАЯ НАЦИЯ И СОВЕТСКИЕ ПРОСТРАНСТВА «ВНЕНАХОДИМОСТИ»	108
<i>Мария Меньшикова</i> РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСИЛИЕ, РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКИ В РАНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	115
<i>Яна Никулина</i> МЕЖДУ СПЕКТАКЛЕМ И ОБМОРОКОМ: ДИСКУРС ЗАБОТЫ ОБ ЭВАКУИРОВАННЫХ АРТИСТАХ В ГОДЫ ВОЙНЫ	122
<i>Артеми́й Плеханов</i> УКРАИНСКАЯ ДЕКОММУНИЗАЦИЯ: БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО	131
<i>Михаил Погорелов</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ КАБИНЕТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1922–1929 ГГ.	139
<i>Джоанна Росс / Johanna Ross</i> THE MEN ARE BORED, THE WOMEN ARE WORRIED: WOMEN’S EMANCIPATION IN 1970S ESTONIAN LITERATURE	146
<i>Мария Старун</i> «УПАДОЧНИЧЕСТВО» В КОМСОМОЛЕ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.	152
<i>Андрей Ферт</i> «Я НЕ ПОНИМАЮ, О ЧЕМ ГОВОРIT ЭТОТ СВЯЩЕННИК»: КОМИССИИ СОДЕЙСТВИЯ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ КИЕВА В ПЕРИОД «ЗАСТОЯ»	160
<i>Рузанна Цатуриян</i> ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАСТРОНОМИЯ: ИЗОБИЛИЕ И ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ «АРМЯНСКОЙ КУЛИНАРИИ»	169

Александра Чебаковская

ДОСУГ ПО-ДЕТДОМОВСКИ: НОРМЫ И ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ
«СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ» В СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
КАРЕЛИИ В 1920-Х ГГ.176

Юлия Чернявская

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГЕРОЯ: ФИЛЬМ «ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ»
В ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ184

Владислав Яковенко

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ В 1919 Г.193

Раиса Базанова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
историко-политологический факультет, магистрантка 2 курса
raevich@gmail.com

**«ИЗБРАН. КОМАНДИРОВАН. МОБИЛИЗОВАН»:
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ
ПЕНСИОНЕРОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Советское государство постепенно создавало систему социального обеспечения, в частности, пенсионную систему. Последняя «не стремилась обеспечить всех стариков и нетрудоспособных»¹, но выделяла те категории граждан, которые требовали поддержки в первую очередь. Одним из ранних стал декрет 1923 г. об обеспечении персональными пенсиями², выделяющий особую категорию — *персональный пенсионер*. Возможность, которую давало законодательство в области персонального обеспечения, была достаточно перспективной: пенсионеры местного значения получали пенсию от 150 до 600 руб., республиканского — от 600 до 1200 руб.³ Это были вполне приемлемые деньги для того, чтобы за них побороться и обеспечить себе старость.

История становления советского государства не ограничивалась формированием политических институтов и практик, важная ее часть — эволюция коммуникации человека с властью. Существовая в процессе рождения и формирования нового властного дискурса, обычные люди учились овладевать новым языком вместе с властью. Это в работе «Красные автобиографии» демонстрирует Игал Халфин. Он изучает одну из про-

¹ Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: Социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е гг. // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: Идеология и повседневность. М., 2007. С. 27.

² До этого не было формулировки *персональная пенсия*. Так, в 1920 г. вышел Декрет СНК РСФСР от 16.07.1920 «О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед Рабоче-Крестьянской Революцией».

³ Положение о персональных пенсиях. Постановление Совмина РСФСР от 17.04.1946 № 242. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ba se=ESU&n=25104&dst=100001#0>.

цедур вступления в партию студентов в период 1920-х гг. — написание и обсуждение текстов автобиографий кандидатов-студентов⁴.

Спустя 25 лет, в послевоенное время, новый политический язык обрел свою форму, и часть граждан СССР научились «говорить по-большевистски» и оттачивала этот навык, в том числе в текстах своих автобиографий, создававшихся при каждой смене работы.

Настоящее исследование сосредоточено на автобиографиях, подытоживающих активную жизнь советского человека — текстах, написанных кандидатами на получение персональной пенсии в послевоенную эпоху. Как и все, будущие персональные пенсионеры писали автобиографии, а также собирали требуемые законом документы для получения пенсии. В отличие от вступающих в партию студентов, стремящихся показаться достойными представителями авангарда рабочего класса, продемонстрировать свою готовность послужить партии в будущем, кандидаты на получение персональной пенсии подвели итог своей жизни, напоминая государству о своем труде, и требовали за него вознаграждение. Данная статья поднимает вопросы о том, как конструировали себя и «изобретали» свою биографию претенденты на персональную пенсию. Как должна была быть прожита жизнь трудящегося в советской стране, чтобы он получил за это достойное вознаграждение?

Для исследования использованы 20 автобиографий персональных пенсионеров местного значения конца 1940 — начала 1960-х гг., хранящихся в Государственном архиве Пермского края. Это автобиографии служащих, рабочих и крестьян, большинство из которых имело только школьное образование. Их авторы в большинстве своем не обладали высокими должностями или званиями, их трудовые биографии могут быть названы скромными и невыдающимися. Некоторые из них были серьезно больны и просили деньги на самообеспечение⁵, и их болезнь, возможно, была решающим фактором при принятии положительного решения для выплаты пенсии. Тем не менее, нас интересуют сами тексты, а не механизм принятия решения комиссией по персональным пенсиям.

Стоит также отметить, что положения о персональных пенсиях очерчивали довольно широкое, но плохо определенное поле, остав-

⁴ *Halfin I. Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self. Seattle, 2011. P. 157.*

⁵ В положениях о персональных пенсиях инвалидность является одним из поводов выдачи такой пенсии.

ляющее простор для описания своих заслуг. Это были области «революционной, партийной, военной, хозяйственной, культурной, профессиональной и другой общественной деятельности, советского строительства, науки, техники, литературы и искусства»⁶.

Первой составляющей частью автобиографий является информация о происхождении. Авторы выстраивают ее по-разному. Некоторые пожилые люди довольно сухо и сжато пишут о времени и месте рождения, четко указывают классовое происхождение родителей, рассказывают о начале своей трудовой биографии:

*Я, родился 7 марта 1902 г. в селе Верх-Кунгуре Ординского р-на Пермской области в семье крестьянина-бедняка. Родители до революции и после революции занимались сельским хозяйством*⁷.

Другие же выстраивают повествование о начале своей жизни через описание сопричастности к биографии своих старших родственников, участвовавших в стачечном движении или революционной деятельности. Порой эти описания занимают до трети биографии. Так, Павел Б.⁸ пишет о том, что его отец, рабочий, не только имел большой трудовой стаж, но и «в 1905 г. был переведен царской охраной за забастовочное движение и заключен в Соликамскую тюрьму, был освобожден в 1907 г.»⁹ и проработал до 1937 г. Прасковья К. рассказывает о своем отце: «...когда же империалистическая война перешла в гражданскую, то отец первый организовал партизанский отряд и вместе с моим братом пошли на фронт с красной армией. Отец мой был старый большевик и он преследовался царским правительством, он проводил собрания в огороде в нашей бане. Я всегда находилась на карауле»¹⁰. Эти обширные сведения прибавляют перспективы классовой идентификации их авторов, демонстрирующих не просто знание о своем классовом происхождении, а наследственную причастность к истории

⁶ Положение о персональных пенсиях. Постановление Совмина СССР от 14.11.1956 № 1475. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=6835#0>.

⁷ Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 55. Л. 5.

⁸ Здесь и далее имена будут зашифрованы следующим образом: имя указывается полностью, фамилия — первой буквой.

⁹ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 56. Л. 3.

¹⁰ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 220. Л. 25.

рабочего движения. Предреволюционная Россия в этих рассказах — пространство угнетения и борьбы. Рассказывая о стачках, подпольной работе, наказаниях и просто тяжелых лишениях эпохи царского режима, герои становятся сопричастны дискурсу кризиса Российской империи, продуцируемому официальной исторической политикой.

Следующая часть автобиографии — описание участия в событиях Гражданской войны и становления советской власти.

Мужчины указывают на вступление в ряды Красной армии, подчеркивая характер своего решения как добровольное и иногда юный возраст: «мне не исполнилось 18 лет, но я записался добровольцем»¹¹. Большинство указывает на свое участие в Гражданской войне на региональном уровне: эвакуация завода¹², служба в местных полках и борьба с белогвардейцами на местах. Некоторые участвовали в военных действиях в разных частях России и подробно, на полторы страницы расписывают этот период своей биографии¹³, другие — и за ее пределами: на территории Монголии против барона Унгерна¹⁴.

Женщины становились медсестрами, как, например, София Й. или как Прасковья А. — член Пермского общества Красного Креста. Одна из участниц, Прасковья Б., сухо пишет: «С 1918 по 1922 была на фронтах»¹⁵, а затем в заявлении председателю Верховного Совета К. Е. Ворошилову указывает: «С образованием гражданской войны в 1918 г. в начале весны вместе со старыми большевиками Урала тов. Землячкой и [Стасовой] работала в Летучках санитарных отрядах»¹⁶.

Все, даже не участвовавшие в войне, пожилые люди отмечают в своей биографии хотя бы даты первых годов становления советской власти. Эти события являются ключевыми в истории страны, и они стремятся показать полноту своего участия в нем, по возможности указывая в своем биографическом нарративе сопричастность к большой истории, упоминая ярких участников гражданской войны, таких как Розалия Землячка, барон Унгерн-Штернберг. Враг описывается как сила, уничтожающая людей, борющихся за свою классовую свободу, как бандиты, стремящиеся ограбить, разрушить, наказать за со-

¹¹ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 16. Л. 8.

¹² ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 264 Л. 22.

¹³ Пермский краеведческий музей. Д. 667. ПОКМ-16408.

¹⁴ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 59. Л. 12.

¹⁵ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 36. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 8.

трудничество с большевиками. Авторы поддерживают и подтверждают своими рассказами и историей своего участия в этих событиях сложившееся в обществе мнение о них. В своих текстах пожилые люди в описании врага — «колчаковщина», «банды» — используют образцы газетного, публицистического языка, который не только дал название явлению, но и в такой формулировке сразу придал ему негативную окраску¹⁷. Царский период описывается как время репрессий. Интересна также позиция Прасковьи Б. Она не сразу пишет о том, что была знакома с видными революционерками, только в процессе отставания большего размера пенсии она подробно начинает рассказывать о том, где и с кем работала и чем занималась, тем самым повышая степень значимости своей персоны.

Обязательным пунктом автобиографий членов партии становится информация о времени вступления в партию и номер членского билета либо информация о том, что в партии они когда-то состояли.

После описания своего участия в революционных событиях идет следующий раздел автобиографии — трудовой. Эта часть обычно дается с различной степенью полноты: иногда как список дат и мест работы, часто как полные развернутые описания с датами. Большинство рассматриваемых персональных пенсионеров не получило специального образования. После окончания Гражданской войны, поступая на ту или иную должность, долго они на ней не задерживались. Большинство переводилось на другое место работы по распоряжению, рекомендации, направлению, выдвижению обл- или горисполкома, управления завода, партии и т. п. Герои подчеркивают несамостоятельность своих кадровых перемещений. Судя по их рассказам, они не искали карьерного роста, не гнались за званиями или ответственной работой, а чаще всего выступали послушным орудием в руках советских институтов управления.

Так, Хаим Ш. пишет: «В конце 1924 г. по решению ЦК КПБ был переведен на работу в г. Полоцк БССР. В августе 1925 г. по постановлению Полоцкого Окружного Комитета Партии был мобилизован на укрепление Улеской районной организации, где работал председателем Упрофбюро... В 1932 г. по окончании 2-х годичных курсов был назначен зам. Начальника Н. Волжского Крайдортранса»¹⁸. Прасковья Б. в автобиографии для социальной службы Перми просто излагает ин-

¹⁷ См., например: Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. № 121, 6 июня. С. 2.

¹⁸ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Ед. хр. 659.

формацию о своей работе, а в письме к Ворошилову уже иначе обставляет свою трудовую биографию: «1923 г. перешла на работу токаря завода имени Дзержинского. С этой же работы была направлена в Сов-Парт школу, по окончании которой в 1929 г. как выдвиженка завода получила пост на руководящую работу Ответственного секретаря окружного РОКК. В этой должности работала 3 года и с ликвидацией Округов, была направлена на должность массовика-парторга инвалидов артелей»¹⁹. Благодаря этому письму пенсию Прасковье Б. повысили с 310 до 500 рублей.

Как и в других подобных текстах, авторы редко пишут о личном участии в своем продвижении по карьерной лестнице. Случаются и исключения: так, Хаим Ш. пишет: «В сентябре месяце 1930 г. по моей просьбе и желанию квалифицирован в область дорожного строительства я был направлен на 2-х годичные курсы Комсостава в г. Ленинград, где окончил дорожное отделение и получил звание техника-дорожника»²⁰.

Некоторые кандидаты всю жизнь проработали на одном месте. Например, Григорий Б. «после возвратился домой... где работал в колхозе по данное время»²¹. Другой пример — Василий К.: «В 1929 г. я примыкаю к развернувшемуся в нашей стране по инициативе тов. Сталина социалистическому соревнованию и становлюсь в ряды ударников. Тридцать лет я проработал слесарем»²².

Стоит отметить также, что трудовая деятельность не отделяется ни от общественной, ни от партийной работы. Пенсионеры указывают, что всегда были частью коллектива и готовы были выполнять любую работу. Биографии этих советских тружеников нельзя в полной мере назвать карьерами, по крайней мере, они не описываются авторами как таковые. Кандидаты на получение «персоналки» стремятся показать, что их трудовая жизнь была прожита на благо страны, в деле этого служения была полезна всякая проделанная ими работа. Их трудовая биография — не движение по вертикали, а скорее история сохранения изначальной верности, приверженности большевистским идеалам.

Претенденты на персональную пенсию конструируют себе «политически верную» биографию. С успехом освоив большевистский

¹⁹ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 36. Л. 3.

²⁰ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 659. Л. 3.

²¹ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 57. Л. 9.

²² ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 264. Л. 22.

язык социальной идентификации, в своих текстах они показывают, что классово близки советскому государству. Многие из них подчеркивали свою сопричастность событиям Гражданской войны: Хаим Ш. описывает свое участие в обороне Сталинграда²³. В редких случаях, как у Петра А., указывается вклад в важные события в истории промышленности, такие, как изобретение электрической дуговой сварки Н. Г. Славяновым. Тем самым авторы воспроизводили одну из важных черт большевистской автобиографии: ее автор обладал чертами (культурного) героя, вовлеченного в ход событий и выступающего в качестве агента истории²⁴. Как пишет И. Халфин, партия ожидала, что ее члены окунутся в большевистское сообщество без остатка, оставив свою индивидуальность²⁵. Исследованные автобиографии демонстрируют это. Их авторы не акцентируют внимание на собственном «я», за редким исключением описывают свою чуть большую активность в решении вопросов карьеры. Они демонстрируют свое умение показывать влияние коллектива, партии, профсоюза на их жизнь.

Конструируя себя послушным орудием коллектива и партии, демонстрируя свою беззаветную преданность, эти люди не стеснялись, тем не менее, напомнить государству о себе и требовали за свой безупречный труд вознаграждения. Если их требования не выполнялись, то они писали повторные запросы, спорили с социальными службами, чтобы те выдали им заслуженную персональную пенсию или увеличили ее.

Кандидаты на получение персональной пенсии местного значения через описание своей трудовой, партийной, профсоюзной деятельности стремились разрешить противоречие: оставаясь такими, как все, быть лучшими; демонстрируя типическую автобиографию, попытаться показать свою особенность. Нельзя упускать из виду, что эти автобиографии — инструмент переговоров, орудие в борьбе за достойную старость. Парадокс в том, что, умело «оставляя свою индивидуальность» в нарративе, они добивались от государства признания.

²³ ГАПК. Ф. Р-1137. Оп. 2. Д. 659. Л. 4.

²⁴ *Halfin I. Red Autobiographies. P. 165.*

²⁵ *Ibid. P. 163.*

Екатерина Басманова

Российский государственный гуманитарный университет
институт «Русская антропологическая школа», магистрантка 2 курса
Ekaterinasb@mail.ru

ТЕМА ИЗОБИЛИЯ В СОВЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ ХУДОЖНИКА П. В. КУЗНЕЦОВА)

Советская живопись, призванная обслуживать идеологические цели, нередко отдавала предпочтение сюжетам, прославляющим советскую действительность и социалистическое строительство. Одной из ключевых тем советской живописи было изображение труда и его результатов, представляемых в избытке, изобилии. На уровне идеологической доктрины это «новое», обретаемое советским человеком изобилие противопоставлялось вчерашней бедности, характеризовавшей дореволюционную социальную ситуацию для рабочих и крестьян. Советское изобилие противопоставлялось также капиталистическому богатству. Последнее идеологически характеризовалось как частное, несправедливо нажитое, оторванное от своего производителя — «отчужденное», как не просто избыточное, но и излишнее. В советской символической системе такое богатство служило означаемым для группы людей, именуемых имущими классами, маркером буржуазии и дворянства. Капиталистическое богатство приобретало характер мифа (по Р. Барту)¹, мифа с выраженной отрицательной коннотацией. Визуально такое досоциалистическое богатство могло быть опознано по отличительным признакам: присущей ему роскоши (характеризующей, как правило, дворянскую повседневность) и индивидуальности предметов дворянского и мещанского быта. При этом роскошь, в отличие от советского изобилия, отличалась не количественной, а качественной избыточностью, понимаемой как утилитарная бесполезность, пустая расточительность². Индивидуальности капиталисти-

¹ *Барт Р.* Мифология / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М., 1996. С. 233–257.

² И. А. Морозов и О. Е. Орлова отмечают, что для «изобилия», в отличие от «роскоши», характерна положительная маркированность — оно всегда осознается «со знаком плюс»: *Морозов И. А., Фролова О. Е.* Тема изобилия в русской культуре XIX–XX веков в свете народных представлений // Традиционная культура. 2000. № 1. С. 91.

ческих предметов как знаку индивидуальности потребления противостояла обезличенная массовость продуктов советского производства, предназначенных для коллективного, всеобщего потребления.

Сквозь призму вышеозначенных оппозиций социалистическое изобилие не может быть просто охарактеризовано как синоним богатства, которое в советской знаковой системе представляет собой довольно неоднозначную категорию. Понятие «народное богатство» может быть соотнесено с советским изобилием, однако, будучи идеологическим штампом, мало что дает с методологической точки зрения. В то же время «изобилие» представляется более эффективным термином, применительно к советскому визуальному искусству характеризующимся изображением результатов (продуктов) социалистического труда массового производства, представленных в избыточном количестве и обезличенном виде — как правило, лишенных черт индивидуальности.

Смысловые связки «труд — результат труда», как и «массовое производство — массовое потребление» имеют в данном случае ключевое значение. Так, изображение результатов труда может соседствовать с образами трудящихся людей или отсылать к таким образам. Эти люди выступают не только производителями продукта, но и его символическими потребителями. Потребление легитимизировано сопричастностью потребителя к тому или иному производству — принадлежностью к классу трудящихся.

Нередко производитель, так же как и произведенный им продукт, оказывается визуально обезличенным, изображенным в массе идентичных трудящихся. Индивидуальность не важна — важна принадлежность к коллективу, выступающему машиной по производству изобилия.

Советское визуальное искусство предназначалось главным образом для коллективного обозрения. Трудящемуся коллективу на живописном полотне соответствовал коллективный зритель, рассматривающий картину в публичной галерее или на выставке. Советская живопись предназначалась для взаимодействия с массой и индивидом как частью массы. Взаимодействие осуществлялось на эмоциональном уровне: коллективного зрителя требовалось «заразить» энтузиазмом, погрузить в эйфорию праздника. Тема изобилия как нельзя лучше соответствовала этой цели коллективной «анестетики» (в терминологии Сьюзен Бак-Морс)³ и активно эксплуатировалась не толь-

³ *Buck-Morss S. Aesthetics and anaesthetics: Walter Benjamin's artwork essay reconsidered // October. 1992. Vol. 62. P. 3–41.*

ко в живописи, но и в массовом кино, а также скульптуре и архитектуре (например, скульптуре и архитектуре ВДНХ).

Раскрытие данной темы в живописи предлагается рассмотреть в настоящей работе на примере советского периода творчества художника Павла Варфоломеевича Кузнецова (1878–1968).

Первоначально П. В. Кузнецов — представитель объединения «Голубая роза», развивавшего в живописи направление символизма, а также художник-ориенталист, которому принадлежит цикл работ, посвященных Средней Азии. После революции П. В. Кузнецов много работает в жанрах индустриального и сельскохозяйственного пейзажа, создавая монументальные полотна. Ряд его работ посвящен теме сбора урожая и изобилия плодов: «Сбор винограда» (1928, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург), «Сбор хлопка» (1931, Государственная Третьяковская галерея, Москва), «Возвращение тракториста» (1936–1937, Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева, далее — СГХМ им. А. Н. Радищева), «Капустное поле» (1937, СГХМ им. А. Н. Радищева), «Сбор капусты» (1937, СГХМ им. А. Н. Радищева), «Девушка с корзиной яблок» (конец 1930-х, СГХМ им. А. Н. Радищева), «Корзины с яблоками» (конец 1930-х, СГХМ им. А. Н. Радищева), «Сбор яблок» (конец 1930-х, СГХМ им. А. Н. Радищева) и другие.

Примечательно, что при изображении сельскохозяйственного труда предпочтение отдается именно сценам сбора урожая и соответствующей теме плодового изобилия. Во второй половине 30-х гг. становится обычным изображение изобилия овощей и фруктов⁴. Эти образы отсылают нас к традиционной символике Рая и райского сада в живописи, к «...поэтике библейских пейзажей, — с щедрым цветением земли и молочно-медовыми реками»⁵. Однако изображаемый советский «рай» являет собой новый, секуляризованный миф, обслуживающий коммунистическую идею⁶. Этот «рай» — не загробный мир, и не только и не столько коммунистическое грядущее: он уже

⁴ Хузина Т. Е. Предметный мир в советской живописи 30-х гг.: Семантический анализ: автореф. дис. канд. искусствовед. СПб., 2009. С. 20.

⁵ Соколов М. Н. Принцип рая. М., 2011. С. 34.

⁶ В. В. Воскресенская отмечает также влияние идей русского «космизма» на формирование «райских» образов изобилия в советской живописи: Воскресенская В. В. Модификации чувства природы П. Кузнецова и М. Сарьяна в условиях советской художественной культуры (1930-е годы) // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2009. № 3. С. 17.

существует здесь и сейчас и простирается в бесконечность. На ряде сельскохозяйственных пейзажей П. В. Кузнецова линия горизонта намеренно сдвинута к краю полотна, для неба оставлена лишь узкая полоска. Основное внимание отведено земному, материальному, которое рисуется избыточным, непрекращающимся, бесконечным. Техника письма П. В. Кузнецова на этих полотнах импрессионистская.

Советские художники были свободны в выборе художественных стилей, которые рассматривались лишь как средства для достижения главной цели — идеологически верного изображения советской жизни. Для П. В. Кузнецова базовым стилем советского цикла стал импрессионизм. Влияние французской живописи на творчество П. В. Кузнецова прослеживалось и раньше. Так, в картине «Спящая в кошаре» 1911 г. (Государственная Третьяковская галерея) видится влияние Поля Гогена. Эта композиция позднее будет повторена Кузнецовым на картине «Отдых» (1925, СГХМ им. А. Н. Радищева), на которой изображена спящая во ржи крестьянка. Но по сравнению со «Спящей в кошаре» цветовая палитра «Отдыха» более сдержанна, а краски прозрачны, что характерно для импрессионизма.

Другой сюжет, повторенный Кузнецовым — это сбор винограда. Картина «Сбор винограда»⁷ 1907 г. представляет собой образец символической живописи выставки «Голубая роза»: изображение дуохромно и лишено перспективы, выполненные в голубоватых тонах человеческие фигуры статичны и нереалистичны, гроздья винограда неразличимы в зелени — мы их не видим, но можем лишь догадываться о них. Эта же тема, реализованная на одноименном полотне 1928 г. («Сбор винограда», 1928, Государственный Русский музей), обретает иной вид: реалистично изображенные работающие люди находятся в динамических позах, видны гроздья винограда. Количество винограда явно преувеличено, он обрамляет картину сверху и по бокам, но лишь на переднем плане хорошо прописан. Применение глубокой перспективы в сочетании с импрессионистской размытостью цвета создает на полотне ощущение изобилия и бесконечности: изобилия винограда и несчетного количества людей, занятых на его уборке.

Монументальные полотна П. В. Кузнецова апеллируют к эмоционально-чувственному восприятию. Использование импрессионистских техник письма с размытостью цветов и очертаний предме-

⁷ Местонахождение картины неизвестно. Считается, что она была утрачена при пожаре на вилле Н. П. Рябушинского «Черный лебедь» в 1914 г. (Киселев М. Павел Кузнецов. М., 2002. С. 15.)

тов, отсутствием черного и голубоватой дымкой создает впечатление ускользающей иллюзии или сна. Впечатление, контрастирующее с реалистичностью и прозаичностью сюжета. Действительность, пропущенная через импрессионистский фильтр, становится плодом эйфорического восприятия — действительностью с примесью галлюцинации.

Динамику в импрессионистское полотно приносят фигуры работающих людей. На картинах «Сбор чая» (1928, СГХМ им. А. Н. Радищева), «Сбор гусениц» (конец 1930-х, СГХМ им. А. Н. Радищева), «Сбор урожая» (1956, СГХМ им. А. Н. Радищева) эти фигуры малы и однотипны, они являются гармоничной частью пейзажа. Однако и в случае вынесения фигур работников на первый план, как это сделано на полотнах «Сбор яблок» (конец 1930-х, СГХМ им. А. Н. Радищева), «Сортировка хлопка» (1931, Государственная Третьяковская галерея), их лица оказываются сходными, не прорисованными четко, серийными.

Ситуация повторяется и на картинах производственного цикла «Обработка арктического туфа» (1930–1931, частное собрание, Москва), «Строительство в Ереване» (1930–1931, частное собрание, Москва). На обеих картинах мы видим импрессионистскую палитру, узкую полоску неба, изобилие туфа или кирпича, схематичность и однотипность фигур рабочих.

Присутствие работников указывает на антропогенное происхождение изобилия, на его рукотворный характер. Коллектив работников выступает в роли машины по производству изобилия, в качестве его *perpetuum mobile*.

Серийности рабочих соответствует серийность производимого продукта — будь то туф или урожай. Производимый продукт прост и не имеет отношения к роскоши. В случае сельскохозяйственного продукта это может быть капуста, свекла, яблоки и т. д. В ограниченном количестве, в составе натюрморта эти продукты могли бы подчеркнуть аскетичность стола, но в поле, представленные в избыточном количестве, они выступают знаком изобилия.

Возвращаясь к оппозиции «советское изобилие — капиталистическое богатство», отметим, что в контексте советской культуры капиталистическое богатство определялось как частное, как богатство меньшинства на фоне бедности большинства, в то время как изобилие рассматривалось как всеобщее — коллективное. Этим можно объяснить выбор художественных сюжетов для демонстрации изобилия: сельскохозяйственный или производственный пейзаж, прилавков магазина, т. е. места массового производства и потребления. В то же время в пространстве частного дома может наблюдаться другая картина.

Так, в советском продовольственном натюрморте 20-х гг. XX века господствует аскетизм, часто им «свойственен оттенок суровости и даже жесткости»⁸.

Советский аскетизм, однако, не следует рассматривать в качестве противоположности изобилию. Аскетизм и изобилие соотносятся как индивидуальное (частное) и коллективное (всеобщее). При этом аскетизм на идеолого-мифологическом уровне мог преподноситься не как недостаток чего-либо (пускай и временный), но как советская культура потребления — как разумная умеренность в потреблении, избегание индивидуального богатства, не свойственного советскому человеку. В такой форме советский аскетизм (индивидуальный) также будет противопоставляться «капиталистическому богатству» (индивидуальному).

Применительно к натюрморту в пространстве частного дома это будет означать, что изобилие на столе мы увидим скорее в качестве знака праздника, особого случая, но не повседневности. Для демонстрации ежедневности изобилия используется магазинный прилавок. Способом демонстрации изобилия будет повторяемость элементов — серийность (или «пересчет»⁹ в терминологии С. С. Ершовой), в сочетании с разнообразием. Серийность элементов была характерна и для сельскохозяйственных пейзажей П. В. Кузнецова, в то время как разнообразие элементов в сочетании с серийностью характерно для его продуктовых натюрмортов, таких как «Натюрморт с халами» (1955, СГХМ им. А. Н. Радищева), «Хлеба» (1955, СГХМ им. А. Н. Радищева). Число представленных на данных картинах элементов, а также их ассортиментное разнообразие указывает на то, что перед нами прилавок или витрина магазина, а не частный стол.

Традиционное символическое значение хлеба — отсутствие голода, насыщение. Однако хлеб, изображенный без каких-либо дополнительных продуктов (мяса, фруктов и т. п.), может символизировать и бедность. Данное обстоятельство вынуждает П. В. Кузнецова «утяжелить» хлебные натюрморты разнообразием серийных элементов, а также выбирать усложненные элементы для натюрморта: плетенки, плюшки и булочки разнообразной формы. Это усложнение в контексте «хлеб» не воспринимается как роскошь. Контекст нейтрализует качественную избыточность, так как хлеб выступает знаком насы-

⁸ *Ершова С. С.* Предмет и время в натюрмортах советских художников 1920-х — 1930-х годов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 2. С. 203.

⁹ *Ершова С. С.* Предмет и время в натюрмортах советских художников 1920-х — 1930-х годов. С. 204.

щения, но не чревоугодия. Необходимость демонстрации изобилия определяет также предпочтение белого хлеба черному — последний традиционно ассоциируется с бедностью.

На картине «В булочной» (1955, СГХМ им. А. Н. Радищева) представлена сцена продажи хлеба в магазине. Картина выполнена П. В. Кузнецовым в известной импрессионистской манере. Эффект изобилия достигается размытостью и градиентом цвета: если на прилавках переднего плана еще различимы очертания хлеба, то на заднем плане он сливается в цельный золотисто-желтый фон. Изображение наполнено солнечным светом и золотом, которое, будучи цветом хлеба, не является роскошью. Количество покупателей в магазине — семь, количество продавщиц немногим меньше — четыре. Эта численная избыточность продавцов создает эффект множества дающих рук, что наряду с избыточностью хлеба является знаком изобилия. Силуэты продавщиц нарочито сходны, белый цвет их одежды добавляет в импрессионистскую палитру воздуха. Язык цвета используется для передачи метафоры Рая: голубой (потолок — «небо»), желто-золотой (хлеб — «свет, божественное сияние»), белый (продавцы — «ангелы»).

Подводя итог нашему обзору темы изобилия у П. В. Кузнецова, отметим, что идеологическая нагрузка художественных работ не ведет к утяжелению визуального ряда, что является следствием применяемых художником импрессионистских техник письма. В рассматриваемых работах П. В. Кузнецова идеология присутствует не в форме текста, а как настроение, как идеологическая эйфория, которая в хайдеггеровском смысле предшествует появлению картины, выступая средой, в которой произведение искусства зарождается и формируется (концепция настроения у М. Хайдеггера согласно Я. Э. Мановас)¹⁰. Таким образом, переживаемое советским коллективным зрителем чувство радости и эмоционального возбуждения при взгляде на картину вторично — оно является резонансом изначального авторского возбуждения. При этом идеологическая эйфория не относится к сфере сознательного выбора ни у автора, ни у зрителя.

¹⁰ Данная точка зрения на концепцию настроения у М. Хайдеггера высказана Я. Э. Мановас в докладе «Применение хайдеггеровской концепции настроения для анализа произведений искусства и литературы», сделанном в рамках круглого стола УНИ «Русская антропологическая школа» IX Международного научного форума «Гуманитарные чтения РГГУ — 2016» (6 апреля 2016 г., Москва). В данном докладе концепция настроения рассматривалась исследовательницей на примере работ Пабло Пикассо.

Александра Белянская

независимый исследователь
belyanskayas@gmail.com

РЕШЕНИЯ ЦК ВЛКСМ О БОРЬБЕ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ МОЛОДЕЖИ В СССР В 1950-Е ГГ.

История советской повседневности получила особое внимание исследователей после распада Советского Союза и открытия доступа к ранее засекреченным архивам. Большой блок работ, затрагивающих тему маргинальных слоев населения, в частности, малолетних преступников, посвящен 1920–1930 гг.¹ Благодаря имеющимся исследованиям появилась возможность проследить, как образ несовершеннолетнего правонарушителя менялся в сознании власти. Если 1920-е гг. схожи с 1950-ми гг. реальными попытками борьбы с преступными элементами путем перевоспитания, то 1930–1940-е гг. отличаются единственным методом борьбы — лишением свободы². Архивная революция начала 1990-х гг.³ привела к возникновению большого количества профессиональных исследований, посвященных социальной и политической истории СССР. В них рассматриваются особенности механизмов принятия решений, идеология, политика, система власти, взаимодействие «управляющих» структур в период «либерального коммунизма»⁴.

¹ *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. СПб., 1999; *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917–1940 гг.). СПб, 2015; *Ball A.* And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley, 1994; *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley, 1993; *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, 2000.

² *Kelly C.* Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991. New Haven, 2007. P. 221.

³ Подробнее см.: *Козлов В. А., Локтева О.* «Архивная революция» в России (1991–1996) // Свободная мысль. 1997. № 1. С. 113–121; № 3. С. 115–124; № 4. С. 116–128.

⁴ *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: История власти: 1945–1991. М., 1998; *Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия.* М., 1995; *Лейбович О.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993;

В период «оттепели» в основе отношения государства к несовершеннолетним преступникам устанавливается принцип «воспитывать, а не наказывать». Таким образом, акцент был сделан на воспитательной составляющей борьбы с девиантным поведением, в связи с чем возросла роль ЦК ВЛКСМ. Именно комсомольские организации оказались в центре профилактических работ с правонарушителями. Они контролировали молодежную советскую печать, работали в школах и на заводах, содействовали милиции, организовывали практически все культурное пространство для молодежи.

Партийное руководство в период «либерального коммунизма»⁵ поставило перед собой задачу проявить заботу о детях с девиантным поведением, сделать из них новых, порядочных советских людей. Если раньше в центре внимания находились правонарушения, то теперь на их месте оказывалась личность правонарушителя. Чтобы исключить возможные преступления среди несовершеннолетних, государство начало отслеживать статистику по разным вопросам и заботиться о получении обязательного среднего образования и дальнейшем трудоустройстве, об условиях проживания и наличии культурных программ, позволяющих с пользой проводить свободное время. Регулировать эти процессы должна была молодежная организация ВЛКСМ, являвшаяся главным помощником партии в сфере воспитания молодого поколения. Данный текст фокусируется на работе комсомольских организаций, действиях, которые они предпринимали в отношении несовершеннолетних правонарушителей с целью их перевоспитания. Исследование касается видов девиантного поведения несовершеннолетних граждан, связанных с нарушением общественного порядка (хулиганство, пьянство, сквернословие и т. д.). Рассмотрение в едином контексте идей (теорий) и практических методов борьбы с преступностью среди несовершеннолетних дает возможность получить более полное представление о гуманизации законодательства в период «оттепели» в целом.

Одним из первых признаков нового поворота от репрессивной к воспитательно-профилактической политике по отношению к право-

Безбородов А. Б. Феномен академического диссидентства в СССР. М., 1998 и др.

⁵ «Либеральный коммунизм» — условный термин, введенный историком В. А. Козловым, относящийся к эпохе Хрущева и Брежнева (*Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х). М., 2009. С. 36).

нарушениям детей и подростков, к гуманизации нормотворчества в этой сфере стало постановление бюро ЦК ВЛКСМ от 25 июня 1954 г. «О борьбе комсомольских организаций с проявлениями хулиганства среди молодежи»⁶. В этом документе в качестве одной из основополагающих причин распространения хулиганства обозначается недостаточно качественная работа комсомольских организаций. До этого основной инстанцией, ответственной за борьбу с девиантным поведением молодежи, считались органы милиции. С момента принятия постановления комсомол официально начинал нести ответственность за предотвращение хулиганских действий молодежи наравне с милицией.

В указанном постановлении ЦК ВЛКСМ обвиняет комсомольские организации в том, что они «терпимо относятся к проявлениям хулиганства среди молодежи, зачастую мирятся с тем, когда хулиганы бесчинствуют, устраивают драки, сквернословят, не получая должного отпора»⁷. На первый план ставится воспитательная работа со стороны комсомольских организаций: профилактика пьянства, проявления хулиганских действий и недисциплинированности.

Подобного рода профилактика задумывалась как идейно-воспитательная политика в отношении не только подростков с девиантным поведением, но и общества в целом. Идея создания нового советского человека посредством воспитания, которая была популярной еще в 1920-е гг., в 1950-е гг. получила новый импульс⁸ и окончательно оформилась в «Моральном кодексе строителя коммунизма»⁹ в 1961 г. Положения будущего «Морального кодекса» прослеживаются уже в постановлении 1954 г.: «Комсомольские организации должны усилить работу по воспитанию у молодежи и детей высоких моральных качеств, чувства общественного долга, ответственности за свои поступки»¹⁰. Воспитательная функция должна была подкрепляться практическими мерами: например, ЦК ВЛКСМ предложил внедрить

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 513. Л. 48–49.

⁷ Там же. Л. 48.

⁸ Подробнее об обсуждении воспитательных мер см. Стенограмму XII пленума ЦК ВЛКСМ: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 422. Л. 362.

⁹ Подробнее см.: *Чеботарев Л. М., Чеботарева Э. П.* Моральный кодекс строителей коммунизма. Иваново, 1962.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 513. Л. 48.

практику наблюдения за порядком в общественных местах специальными комсомольскими постами совместно с милицией и общественными бригадами содействия милиции, а также проводить рейды.

Таким образом, комсомольские организации должны были не только полностью сосредоточиться на предотвращении девиантного поведения среди молодежи, но и способствовать трудоустройству, следить за материальными условиями жизни и, в случае необходимости, проявлять товарищескую заботу, помогать в социализации бывшим воспитанникам колоний для несовершеннолетних и детям из неблагополучных семей, заботиться о благоустройстве молодежных общежитий и проведении там культурных мероприятий, усилить массово-политическую работу, включавшую в себя проведение лекций, докладов и бесед по вопросам этики, морали, товарищества и коммунистического воспитания, организовать проведение культурно-массовых мероприятий в городских зданиях и на открытых площадках, организовывать досуг.

Выход постановления 1954 г. не дал ожидаемых результатов, поэтому в мае 1955 г. секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Шелепин обращается в ЦК КПСС с инициативой издать специальное «закрытое письмо» о борьбе с хулиганством среди молодежи¹¹. Идею санкционировали, и 22 августа 1955 г. вышло закрытое «Письмо Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи всем комсомольским организациям, райкомам, горкомам, обкомам, крайкомам комсомола и ЦК ВЛКСМ союзных республик»¹², которое необходимо было обсудить во всех первичных комсомольских организациях. В нем содержался призыв к усилению мер, применяемых комсомольцами к хулиганам, и улучшению идейно-воспитательной работы с молодежью. Впервые также поднимается вопрос о разделении зон ответственности между милицией и комсомолом. Сфера ювенальной юстиции полностью переходит под контроль Р. А. Руденко¹³, а за воспитательную политику (борьбу с хулиганством, алкоголизмом и т. д.) ответственным становится А. Н. Шелепин¹⁴.

¹¹ На «краю» советского общества: Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е гг. М., 2010. С. 29.

¹² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 878. Л. 73.

¹³ Руденко Роман Андреевич — генеральный прокурор СССР, 1953–1981.

¹⁴ Шелепин Александр Николаевич — первый секретарь ЦК ВЛКСМ, 1952–1958.

Рассмотрению данного письма было уделено большое внимание во всех союзных республиках. По результатам обсуждения в ЦК ВЛКСМ направлялись справки из обкомов, в которых описывался процесс рассмотрения письма, а также меры, которые уже были приняты для разрешения проблемы правонарушений. Обсуждение письма и определение дальнейшей политики борьбы с правонарушениями выносились даже на областные комсомольские конференции.

Проблема безработицы остро стояла перед обществом и полностью отрицалась официальной пропагандой. По состоянию на 10 марта 1955 г. в Москве не училось и не работало 3 174 подростка, из которых 1 673 человека были исключены из школ¹⁵. Ответственность за трудоустройство на 1955 г. несли исполкомы райсоветов депутатов трудящихся, которые, согласно статистике¹⁶, не применяли должных мер к трудоустройству молодежи. Закрытое письмо 1955 г. принуждало комсомольские организации способствовать трудоустройству всех не работавших по разным причинам юношей и девушек. Главная проблема заключалась в том, что комсомол не мог заниматься данным вопросом самостоятельно. Из-за неспособности комиссий при исполкомах организовать эту работу многие подростки оставались нетрудоустроенными. Особенно это касается детей, оставшихся без родителей, за которых отвечали детские приемники-распределители, в чьи обязанности вопросы трудоустройства не входили; а также исключенных из школ, так как за их трудоустройство не несли ответственности ни органы народного образования, ни директора школ. В связи с этим во многих республиках, областях и краях к 1956 г. не удалось до конца решить данную проблему.

Помимо отсутствия действующего органа, способствовавшего трудоустройству подростков, существовало и другое препятствие для ликвидации безработицы среди молодежи. Работодатели отказывались брать на работу молодых людей до 19 лет по причине нерациональной траты денег на обучение новых сотрудников, которые в скором времени должны были уйти в армию¹⁷. Все это приводило к тому, что выпускники школ не попадали в зону действия каких-либо соци-

¹⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 802. Л. 14.

¹⁶ Согласно статистическим данным, на 1955 г. в Челябинской области насчитывалось около 1 300 нетрудоустроенных подростков, в Минске — 500, в Киеве — 1 000, в Саратове — 300, в Горьковской области — 1 400 и т. д.

¹⁷ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. С. 103.

альных институтов, кроме милиции. Отсутствие позитивного влияния постепенно приводило к накоплению опыта «асоциальных действий и конфликтного поведения»¹⁸.

Уже в 1954 г., после выхода постановления ЦК ВЛКСМ о хулиганстве, можно наблюдать очень низкий уровень воспитательной работы в школах. В отчете о хулиганстве в РСФСР говорится о том, что школьники повсеместно проявляли грубость в отношении учителей и родителей, самовольно покидали занятия, портили школьное имущество, занимались воровством как в школе, так и вне ее стен¹⁹.

Актуальной проблемой долгое время оставалось пьянство, на почве которого совершались преступления. Поэтому главная задача (и главная сложность) заключалась в ограничении продажи детям спиртных напитков и табачных изделий. Одни предлагали полностью прекратить продажу алкогольных напитков, другие — выдавать литр в месяц на душу населения, как в Финляндии²⁰. При ограниченности альтернативных форм досуга одной из причин злоупотребления спиртными напитками являлась доступность торговых точек, продающих спиртное²¹.

Сложилась полноценная система информирования о фактах недостойного поведения молодых людей. Милиция передавала сообщения комсомольским организациям, последние, в свою очередь, доносили информацию до партийных и хозяйственных руководителей, учителей, родителей, чтобы провести совместную работу по перевоспитанию правонарушителей разными методами. Городской штаб направлял письма с перечислением всего, в чем провинились нарушители. Эти письма выносились на всеобщее обсуждение на собраниях, товарищеских судах и т. д.

Несмотря на большое количество отчетов, свидетельствующих об эффективности мер, введенных после выхода письма²², система по-прежнему оставалась несовершенной. Это было вызвано тем, что часть комсомольских организаций так и не подключилась к систематической борьбе с хулиганством. Некоторые комсомольские руководители находили количество антиобщественных элементов незначительным и считали, что с ними должны разбираться суд, прокуратура и милиция.

¹⁸ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР... С. 104.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 802. Л. 15.

²⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 811. Л. 39.

²¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 812. Л. 24.

²² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 878. Л. 73.

Ввиду того, что воспитательная работа с бывшими заключенными трудовых воспитательных колоний была проигнорирована рядом организаций, уровень преступности если и снижался, то незначительно. Молодежь, освобожденная из мест заключения, не сумевшая быстро социализироваться, вновь вставала на путь преступлений. Отсутствие работы по интеграции бывших заключенных было связано также с тем фактом, что общество отказывалось их принимать. Это было вызвано массовым освобождением заключенных, характерным для периода «оттепели». В сознании простых граждан бывшие заключенные не разделялись на категории. Это, в свою очередь, сформировало одинаково подозрительное отношение как к политическим и уголовным «возвращенцам» из ГУЛАГа, так и к освобожденным из трудовых воспитательных колоний подросткам, которые были помещены туда за мелкие правонарушения²³.

В письме ЦК ВЛКСМ, направленном в ЦК КПСС 27 января 1956 г., выделен ряд недостатков в работе комсомола. По мнению ЦК ВЛКСМ, меры, применяемые после получения закрытого письма на местах, не дают должного результата. Не только комсомол должен был нести ответственность за существующие недостатки в воспитании, но и профсоюзы, органы Министерства культуры СССР, работники культпросветучреждений, физкультуры и спорта, ДОСААФ, а также некоторые министерства и ведомства. Идея закрытого письма со стороны ЦК ВЛКСМ заключалась в том, что комсомол не должен был брать на себя полную ответственность за статистику правонарушений, а должен был помогать другим организациям улучшить ее²⁴.

25 декабря 1958 г. вышел закон об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик²⁵, повышающий общий возраст уголовной ответственности с 14 до 16 лет, а минимальный с 12 до 14 лет. Появилась возможность применять к несовершеннолетним, совершившим мелкое преступление, принудительные меры медицинского и воспитательного характера.

Таким образом, прослеживается определенная система смягчения наказаний для несовершеннолетних правонарушителей. Заключительным этапом гуманизации законодательства стал Уголовный кодекс

²³ Добсон М. Холодное лето Хрущева: Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М., 2014. С. 8.

²⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 812. Л. 14.

²⁵ Закон об утверждении основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик. URL: <https://goo.gl/8LvQso>.

РСФСР и других союзных республик, вступивший в силу в 1960 г.²⁶ Он сокращал количество преступлений, предусматривающих привлечение к ответственности детей от 14 до 16 лет, менял порядок применения мер принудительно-воспитательного воздействия к несовершеннолетним в целом.

В период 1954–1960 гг. начинает формироваться система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и защиты их прав. Центр тяжести переносится с карательных практик на меры воспитательного характера. Если еще в 1950 г. за мелкие карманные кражи или уличное хулиганство несовершеннолетних привлекали к уголовной ответственности²⁷, то с середины 1950-х совершение тех же поступков не влекло за собой лишения свободы.

Несмотря на увеличение количества превентивных мер, их эффективность оставалась достаточно спорной. С одной стороны, профилактика действительно работала: в комсомольские организации вступало больше новых членов, люди опасались попадания в печать историй о своих вызывающих публичное осуждение действиях, возникало больше возможностей для досуговой активности молодежи, была налажена четкая система идеологической пропаганды в печати. С другой стороны, статистика правонарушений несовершеннолетних, несмотря на небольшое сокращение количества задержанных, продолжала оставаться тревожной. В 1957 г. в детский приемник МВД СССР поступило 88 773 человека, на 17,6% меньше, чем в 1955 г.²⁸

²⁶ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950.

²⁷ На «краю» советского общества. С. 266.

²⁸ Там же. С. 295.

Анна Богомолова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Москва
аспирантка 1 курса
bogomolovaannav@gmail.com

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК НАСЛЕДНИК ПРОШЛОГО И АВАНГАРД БУДУЩЕГО МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Идеологи режима и советские интеллектуалы обращались в ходе всей истории Союза к беспрецедентным по размаху проектам в области идеологии и культуры. Эти проекты освещали сходные по масштабу концепции. Так, наряду с идеей мировой революции к ним стоит отнести и концепцию «мировой литературы», которая плотно вошла в культурный и политический дискурс уже в первые послереволюционные годы и стала частью глобального социалистического проекта.

Само понятие «мировой литературы», освященное авторитетом Гете¹, позже было актуализировано Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии»². Идеей «мировой литературы» были вдохновлены также деятели культуры и искусства задолго до сталинской эпохи. Все это обеспечивало вполне органичное встраивание понятия в советскую культурную повестку. Какова же была политическая прагматика конструирования советской литературы как мировой и культурной апроприации мировой литературы прошлого в идеологическом ключе? Мы постараемся раскрыть этот вопрос на материале истории издательских проектов 20–30-х гг., обращаясь к стенограмме Первого съезда советских писателей.

Идея «мировой литературы» легла в основу концепций целого ряда культурных проектов. Хронологически первым крупным начинанием стало основание издательства «Всемирная литература» в 1919 г. Максим Горький, возглавлявший издательство, в своей работе преследовал, с одной стороны, цели просветительские — воспитание

¹ *Эккерман И.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 219.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 50 т. М., 1955–1974. Т. 4. 1955. С. 428.

«нового советского человека». С другой — неоднократно подчеркивал в письмах³ внешнюю роль «Всемирной литературы» — репутационную: «Это — огромная работа, и, конечно, она хорошо поставит Советскую власть в глазах интеллигенции Западной Европы»⁴. В работе редакции также принимали участие ученые, «люди с именами европейскими»⁵, что отмечал Горький, говоря об агитационном значении проекта. В письме Вацлаву Воровскому⁶ он сообщает: «На днях будет готов наш проспект, напечатанный по-английски, по-немецки и по-французски, мы посылаем его во все страны: в Германию, Францию, Америку, Италию, Англию, скандинавам и пр. Как видите — задача грандиозная, и никто еще до сей поры не брался за ее осуществление, никто в Европе. Этому делу власть должна энергично помогать, ибо пока — это самое крупное и действительно культурное предприятие, которое она может осуществить»⁷. В реализации парадигмы «мировой литературы» в издательском деле сплелись горьковская тяга к просветительству и «культурному строительству» с четким пониманием конъюнктуры. А поддержка советским государством культурного проекта, не имевшего по масштабу аналогов в других странах, служила способом демонстрации величия революционных преобразований в Союзе.

В попытке охватить культуру прошлого через создание «систематической библиотеки выдающихся произведений мировой литературы»⁸, советское книгоиздание с момента возникновения «Всемирной литературы» служило способом апроприации художественных текстов. Лев Каменев, являвшийся главой издательства “Academia”, редакция которого во многом наследовала издательский портфель «Всемирной литературы»⁹, писал: «Мировая художествен-

³ Цит. по: *Хлебников Л. М.* Из истории Горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // *Литературное наследство: В 100 т. М., 1931–2012.* Т. 80. 1971. С. 668–703.

⁴ Там же. С. 677.

⁵ Там же. С. 674.

⁶ Вацлав Воровский в 1919 г. занимал пост заведующего Государственным издательством.

⁷ Цит. по: *Хлебников Л. М.* Из истории Горьковских издательств. С. 673.

⁸ Цит. по: *Крылов В. В., Курчатова Е. В.* Издательство “Academia”: Люди и книги: 1921–1938–1991. М., 2004. С. 65.

⁹ *Чужовский К.* Собрание сочинений: В 15 т. М., 2001–2013. Т. 5: Современники. 2012. С. 52.

ная литература в своих лучших произведениях — сокровищница, в которой человечество в ходе классово-идеологической борьбы накопило громадные ценности. Овладеть этой сокровищницей, критически переработать ее содержание, сделать доступным строителям социалистического общества <...> — такова задача “Academia” в свете лозунга т. Сталина!»¹⁰ Овладение литературными текстами происходило через вписывание их «в круговорот современной идейной борьбы»¹¹ посредством создания аппарата, содержащего сопроводительные тексты и комментарии, благодаря которым те или иные авторы и произведения актуализировались сквозь призму идеологии и вводились в советский канон «мировой литературы».

Таким образом, к 30-м гг. уже сложилась определенная парадигма реализации идеи «мировой литературы» как суммы художественных книг. И эта траектория стала программным направлением культурного строительства на протяжении всей советской истории. Однако в 30-е гг. возникает новый вектор, напрямую связанный с внешнеполитической проблематикой. Вместе с интернациональным поворотом во внешней политике писательское сообщество, столь тесно связанное с партийной номенклатурой, стало главным его проводником в условиях литературоцентричности сталинской культуры. Именно писатели выступали в роле дипломатов и принимали активное участие в налаживании связей со странами Запада. К тому же в целом работа, направленная на мобилизацию в области культуры, и активная деятельность ряда интеллектуалов в государственных органах пропаганды стирали границы между интеллигенцией и властью. И если политическая дипломатия в рамках работы Коминтерна была освещена идеей мировой революции, то для писательского сближения с властью подходящей стала именно концепция «мировой литературы».

Дальнейшая эволюция концепции в последующее десятилетие происходила в несколько ином политическом и культурном контексте. На ее судьбе отразился целый комплекс факторов. Первый и самый широкий контекст — внешнеполитический: приход к власти Гитлера в 1933 г. послужил толчком для усиления поляризации мира по принципу левых и правых убеждений. Для Советского Союза это стало шансом на волне антифашистских настроений завоевать особое положение в мире. Закономерным является то, что 30-е гг. — это

¹⁰ Начинаем обсуждение тематических планов издательств на 1934 // Литературная газета. 1933. 23 дек.

¹¹ Там же.

время многочисленных международных мероприятий, конференций в СССР и Европе, в том числе писательских. Тут стоит упомянуть Международную конференцию революционных писателей 1930 г. в Харькове и создание МОРП, Всемирный антивоенный конгресс в Амстердаме в 1932 г., Международные конгрессы деятелей культуры и писателей в Париже 1935 г., Антифашистский конгресс деятелей культуры во Львове в 1936 г. и другие. Примечательно, что на парижском конгрессе в защиту культуры, в организации которого активное участие принимал Советский Союз, главной мантрой, по выражению Катерины Кларк, была именно «мировая литература»¹².

Поворот в сторону культурного интернационализма также обеспечивался и внутренними переменами. Значимым обстоятельством стало постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. с последующей ликвидацией РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) и отказом от идеологии главного печатного органа организации — журнала «На литературном посту» — с его нападками на писателей-попутчиков. Сходная история разыгрывалась и на внешнеполитической арене. МОРП (Международное объединение революционных писателей), основанное в 1930 г. и являвшееся «литературным крылом» Коминтерна, в начале десятилетия отличалось радикальными настроениями в отношении иностранных коллег, «друзей» Союза. В этом смысле настроения участников РАПП с их критикой непартийных писателей были созвучны взглядам МОРП. После попыток реорганизации МОРП была ликвидирована. Иностранная комиссия Союза советских писателей стала в некотором смысле ее заменой. В ней за международное взаимодействие отвечали журналист Михаил Кольцов, являвшийся главой новой комиссии, и писатель Сергей Третьяков в качестве заместителя. Оба они и прежде работали с иностранными коллегами. Все эти преобразования придавали гибкость культурной политике СССР. Альтернативой же всем предшествующим литературным организациям внутри страны стал Союз писателей, созданный в 1934 г. на Первом съезде советских писателей. Оргкомитет Союза писателей, занимавшийся организацией съезда, было предложено возглавить Максиму Горькому, который по-прежнему оставался одним из главных сторонников того, чтобы советская культура укрепляла свою международную репутацию.

¹² *Clark K.* Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941. London, 2011. P. 179.

Таким образом, установка на централизацию в литературе, ориентация на интернационализм и общеевропейские тенденции позволяют рассматривать Первый съезд советских писателей как логичный шаг с точки зрения внутренних и внешних задач, стоящих перед руководством СССР. Благодаря инициативе Горького в съезде приняли участие иностранцы. Претерпела изменения тематика и повестка мероприятия. Если еще в 1933 г. «единственному предметному обсуждению предполагалось подвергнуть драматургию»¹³ и национальные литературы союзных республик, то в 1934 г. программа съезда была дополнена введением международной проблематики с назначением в качестве докладчика Карла Радека. Сама фигура Радека была прочно связана с внешнеполитическими вопросами, так как именно он в 1932 г. стал главой нового органа — Бюро международной информации при Отделе культуры и пропаганды ЦК¹⁴. Новая организация была относительно независима, подчинялась Политбюро и лично Сталину и занималась вопросами внешней политики, в том числе проблемами стратегий влияния на общественное мнение за границей.

Доклад Радека «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства» интересен с точки зрения того, что в нем дана наиболее общая картина литературного процесса, подчиненная идее «мировой литературы». Исходя из убеждения в обреченности на гибель капиталистической системы, он развивал свое оригинальное видение истории литературы. Радек говорил о наступлении нового этапа в мировой истории, в ходе которого зарождается новая «мировая литература». В докладе он также очерчивает географические границы новой «мировой литературы»: СССР, Америка, Франция, Германия, Япония. Эти страны он упоминает в качестве значимых центров новой литературы, по-видимому, рассматривая их как наиболее перспективные с точки зрения будущих революционных преобразований в социалистическом ключе. Радек связывал «мировую литературу» с «мировой буржуазией» и полагал, что «буржуазная мировая литература» утратила свое значение и уже не отвечает запросам современности. Советская литература должна была ответить на новые потребности и стать будущим «мировой литературы».

¹³ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости: 1921–1941 годы. М., 2014. С. 490.

¹⁴ Кен О. Карл Радек и Бюро Международной Информации ЦК ВКП(б): 1932–1934 // Cahiers du Monde russe. 2003. No. 44/1. P. 147.

Обращаясь к другим материалам съезда, мы хотели бы отметить общий для большинства участников взгляд на него как на событие мирового значения. В речах выступавших мероприятие позиционировалось как беспрецедентное для всей предшествующей культуры. Ораторы приводили аргументы, которые должны были убедить слушателей в мировом масштабе события. Выступающие указывали на пристальное внимание к съезду за рубежом и его огромное влияние на другие страны. В сходном ключе и близкой интонации высказываются и зарубежные гости. Американский писатель Роберт Геснер утверждал: «Наши молодые революционные писатели смотрят на вашу литературу, как младенцы смотрят на мать, следя за каждым ее движением, прислушиваясь к каждому ее слову. Но особенно мы прислушиваемся к словам Максима Горького»¹⁵. Несмотря на торжественный и официальный характер и тон речей, как у участников съезда из СССР, так и у иностранных гостей не было иллюзий на счет того, что мероприятие — некий автономный интернациональный праздник, в ходе которого обсуждается общее дело социалистической литературы и ее будущего. В один голос делегаты Первого съезда советских писателей говорят о том, что, как и грядущая мировая социалистическая революция, так и мировая литература имеет своих вождей в лице Сталина и Горького¹⁶.

Идея наследия прошлого «мировой литературы» на съезде подавалась зачастую в качестве преимущества, которым обладает именно социалистическая литература. Главным аргументом в риторике выступавших было противопоставление СССР фашистской Германии, где сжигались книги, и буржуазному Западу, где культурному наследию прошлого не уделяли и не могли уделять должного внимания. К слову, последнее утверждение будет тиражироваться и дальше. Уже в 1935 г. развернулись споры о Шекспире, «забытом» на родине классике. Сергей Динамов в своем выступлении привел наиболее расхожие представления об отношении современников к литературной классике: «До революции призраки и туман закрывали здание мирового искусства. А теперь под солнцем социализма оно стоит во всей сказочной яркости своих красок»¹⁷.

¹⁵ Первый всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. М., 1934. С. 670.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ Там же. С. 449.

Итак, в 30-е гг. концепция «мировой литературы» служила эмблемой величия СССР и использовалась в борьбе за мировое признание. С одной стороны, Советский Союз позиционировал себя как единственное государство, гражданам которого было доступно наследие «мировой литературы» через книжные издания для народа. Писатели СССР, впитавшие литературный опыт прошлого, единственные в мире способны были создавать литературные памятники, равные мировым. А благодаря «прогрессивности» идеологии, адептами которой являлись советские писатели, литература Союза выдвигалась в качестве главного и единственного претендента на то, чтобы считаться «авангардом мировой литературы». Однако все эти процессы, направленные на завоевание культурной гегемонии в мире, не отменяли того факта, что под концепцию «мировой литературы» в СССР подверстывались практики, связанные с внутривнутриполитической прагматикой, такие, как обеспечение лояльности со стороны республик внутри Союза.

Абигейл Бретчер / Abigail Bratcher

Central European University
Department of Gender Studies, Masters student
abratch1@gmail.com

COMRADES' COURTS IN KHRUSHCHEV'S RUSSIA: A GENDERED READING

When Joseph Stalin was alive, “enemies of the people” — kulaks hoarding grain, and wreckers destroying state property in the factory — dominated the attention of Soviet security officials. In contrast, a decade later in the Khrushchev era, the primary targets of state persecution were hooligans, social parasites, and *stiliagi* (style-mongers) flaunting their brightly colored clothes and political apathy. Everyday life, especially family and domestic concerns, took on a new political significance in the post-war era that previously was of little concern to government authorities¹. To monitor daily life, the Khrushchev administration reinvigorated a network of volunteer social control institutions for the expressed purpose of both devolving central authority to local governments, and relieving the overburdened police and backlogged People's Courts. Taken as a whole, this network of informal social-political organizations is called *obshchestvennie organizatsii*².

In this paper, I focus on a single iteration of these volunteer organizations: the comrades' court (*tovarishcheskii sud*) at the First Moscow Kirov Watch Factory. Previously, historians have understood comrades' courts and the other volunteer social organizations as yet another instrument of the state, used to infiltrate the private lives of its citizens³. Or, scholars have highlighted that in the absence of state regulation, these organizations authorized zealous volunteers to overstep their mandate⁴. Here, I am more concerned with how citizens (men and women) used and produced the or-

¹ *La Pierre B.* Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance During the Thaw. Madison, 2012. P. 76.

² *Breslauer G.* Khrushchev Reconsidered // *The Soviet Union Since Stalin* / ed. S. Cohen, A. Rabinowitch and R. Sharlet. Bloomington, 1980. P. 55–57.

³ *Kharkhordin O.* The Collective and the Individual in Russia. Berkeley, 1999. P. 288.

⁴ *La Pierre B.* Hooligans in Khrushchev's Russia. P. 150.

ganizations. To access this alternate vantage point, I analyze the very words people said during a court session: my primary source base is the court transcripts from the watch factory from 1954–1964. When these hundreds of male and female workers gathered for meetings of the comrades' courts, court members, defendants, and the audience all steered conversations about violations of labor discipline and public disorder into a workshop on gender roles and family structure. The court became a community forum to expose and re-educate errant families, with little emphasis on the defendants' infractions as workers or citizens. The format of the court — namely, community inspections, interrogation practices, and the open participation of the audience — facilitated conversations about what was permissible and prohibited for men and women, husbands and wives, fathers and mothers. These conversations reveal the shortcomings of post-war state campaigns of pro-natalist initiatives against violence and alcohol use, as well as the workers' creative use of the structure of a volunteer workplace court to do the relational work that the politics of the state failed to achieve. Comrades' courts enabled invasive, interpersonal contact in a public setting, which helped to shape the families that its members wanted to be a part of, and it did so in ways that top-down legislation and propaganda could not.

To contextualize the specific mechanics of the comrades' court, I will first posit the 1944 Family Code and subsequent pro-natalist campaign as a foil to highlight the insufficiencies of the state's legislative and judicial means in molding functional families. The 1944 Family Code was presented to the public as the state providing protection for single mothers and strengthening the family, but archival evidence has shown that in back-door conversations involving Khrushchev and leading officials, they had devised the plan to repopulate the country after the devastating effects of the Great Fatherland War⁵. The 1944 code recognized only the children of legal marriages, and assured single mothers that the state would be the new patriarch of the family in the absence of a legal husband⁶. This effectively encouraged husbands to impregnate as many women as they wanted, while demanding that women reproduce (within marriage) as often as possible. The Code also made divorce procedures incredibly time-consuming and expensive. In her studies of post-war reproduction politics, Mie Nakachi

⁵ *Nakachi M. N. S. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 41.*

⁶ *Ibid.. P. 46.*

has shown that the 1944 Law actually served to de-stabilize gender relations and family life, creating millions of fatherless children who were then often abandoned at orphanages⁷. Women were stuck in abusive relationships because obtaining a divorce was so difficult, and for fear of losing material support from their husbands. The 1944 Family Code could not address systemic, endemic problems within families. Rather, the workplace comrades' courts of the Khrushchev era were sites where workers used different mechanisms in their attempts to create families they wanted to live in.

After the brutal years of Joseph Stalin's excesses, Khrushchev intended to devolve central administration to local soviets, trade unions, and volunteer organizations. Comrades' courts were re-invigorated to combat the nagging problems of hooliganism, parasitism, and violations of labor discipline. By the late 1950s, the Soviet legislature tossed around statutes instituting comrades' courts legality. They were to be formed in industrial enterprises of more than 50 people, apartment buildings, and educational institutions. The primary aim of comrades' courts was not punitive but rehabilitative: instead of prison sentences, these courts delivered administrative reprimands, transfers to lower-paying positions, or, in rare cases, dismissals from work⁸. By some estimates, there were 197,000 comrades' courts in the Soviet Union in 1964⁹. Khrushchev's priority for greater informal political participation was hardly hollow rhetoric.

During the 1950s–1960s, the First Moscow Watch Factory employed upwards of 7,000 people; many of the departments within the factory had their own volunteer court, which was often the court of first instance for many of the cases that came before the larger, all-factory court. Notably, nearly 70% of the employees at the watch factory were women, but of the 176 people that the court tried during the decade, only 35, or 20% were women. The few men of the factory, then, were overwhelmingly taking the stand in the volunteer court. Nearly all cases began with an initial interrogation by the court members of the defendant, and continued with a call for members of the audience to volunteer testimony for or against the accused, or weigh in on the path the trial should take. During the initial interrogation and the public discussion, the defendant's peers discussed the details of a

⁷ *Nakachi M.* Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union, 1944–1955: Ph.D. diss., University of Chicago, 2008. P. 318.

⁸ *Polozhenie o tovarishcheskikh sudakh* 1961. Moscow, 1961.

⁹ *Gorlizki Y.* Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // *The American Journal of Comparative Law*. 1998. Vol. 46. No. 3. P. 403.

community inspection that court members or colleagues had done into the home life of the person on trial. In this paper, I will focus on the initial interrogation and community inspection as the mechanisms that enabled discussions about gender roles and domestic disruptions.

From the start of the trial, the court members explored the defendant's position in his or her family to uncover the hidden precursors to crime. In nearly every initial interrogation, following the presentation of facts, the court inquired explicitly about the defendant's family. A typical interrogation, like this one with Comrade V. in 1961, asked questions like "What is the composition of your family? What are your living conditions?.. Do you drink at home in your free time?"¹⁰. Another example, when the court tried Comrade F. for missing work, the court asked how the defendant conducted himself at home, and particularly how Comrade F. acted around his wife and children. Does he scandalize her or them? Comrade F. blankly responded, "Anything happens in a family," shielding his family life from further scrutiny¹¹. For the court, when men were on trial, the court delved deeper into the defendant's family situation for a fuller picture of the defendant's workplace infraction.

Importantly, it wasn't just the court members prying into men's family lives during the initial interrogation. Men also offered their family situations as mitigating circumstances, or as the cause, to their violations. For example, in December 1954, Comrade G. appeared before his factory's court for showing up to work drunk¹². In the initial investigation, Comrade G. offered that his relationship with his wife at home was strained; this admission shows that, even in the eyes of defendants, they viewed their families as broken and in need of intervention. Another Comrade S. appeared in 1958 for being drunk at work. After the court asked him who comprised his family (the defendant, his wife, and two children), Comrade S. expounded on this and explained that his relations with his wife weren't friendly, and that they just didn't understand each other. He quickly added that he didn't fight with his wife (*do drak ia doma ne dokhodil*), and that he pays alimony for the children¹³. Comrade S. followed the state's laws for conduct in the private relationships to the letter: he paid child support, and didn't physically abuse his wife, both of which were

¹⁰ Protokol 25.05.1961 // Tsentral'nyi Gosudartsvennyi Arkhiv goroda Moskvyy (hereafter TsGAGM). F. 365. Op. 1. D. 663. L. 137–151.

¹¹ Protokol 20.07.1964 // TsGAGM. F. 365. Op. 1. D. 968. L. 159–170.

¹² Protokol 15.12.1954 // TsGAGM. F. 365. Op. 1. D. 248. L. 25–31.

¹³ Protokol 29.09.1958 // TsGAGM. F. 365. Op. 1. D. 421. L. 39–44.

against the law. However, Comrade S. found the laws insufficient to produce a home life hospitable to healthy behaviors that he then blamed for leading him to drink. The family increasingly came under the purview of court dialogue as the trial progressed, abandoning any pretense of investigating violations of labor discipline, and moved on to fix family discord. This initial interrogation shifted the domain of the debate, and was the first step in revealing the gaps that the state family policies had left behind.

According to the 1961 comrades' court statute, members of the court, factory management, and other concerned citizens may participate in a verification of the facts of the case — what I term a “community inspection”¹⁴. Often, this involved a visit to the defendant's apartment building to ask family members and neighbors about his or her conduct in the private realm. Members of the community inspection raised the findings of the investigation after the initial interrogation, once the court accepted statements from the audience.

Critically, community inspections of the watch factory's comrades' court brought the horrors of domestic violence into the public realm. Domestic violence was notoriously hard to prosecute in official Soviet courts, and many women avoided interacting with the police for fear of further harassment or not being believed. Historian Marianna Muravyeva notes that between the 1930s–1960s, the Soviet state did not single out family violence in any of their criminological statistics because it wasn't differentiated from other forms of physical assault or deviant behavior¹⁵. Even when women tried to use formal pathways of redress, like appeals to the police force, they often were met with indifference¹⁶. The People's Courts were so backlogged with personal injury cases that often women didn't come forward with their stories of abuse. And divorce, as previously noted, was out of the question for many women. Although the volunteer court at the watch factory did not prosecute domestic violence as such because light and serious bodily assault was still a criminal offense, the courts were a space where domestic violence was publicly recognized. The community inspection procedures of the court exposed instances of domestic violence that previously would have remained hidden in the private sphere, and offered them for community deliberation.

¹⁴ Article 10. Polozhenie o tovarishcheskikh sudakh 1961. Moscow, 1961.

¹⁵ *Muravyeva M.* Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia // *Aspasia*. 2014. Vol. 8. P. 93.

¹⁶ *La Pierre B.* P. 133.

For example, Comrade S. appeared before the comrades' court in 1960 for a banal case of skipping work for three days. Instead of confining the conversation to the consequences such violations of labor discipline have for workplace productivity, the court focused on the community inspection that revealed a much more troubling picture. Comrade M. claimed that when he had come to Comrade S.'s apartment for an inspection, he found the defendant was drunk, and his wife beaten. A woman corroborated that Comrade S. is always drunk, and "habitually abuses his wife"¹⁷. Similarly, to return to the case of Comrade F., who dismissively sighed that anything happens in a family during the initial interrogation, a community inspection revealed that "anything" really meant domestic violence. Comrade I. visited the defendant's home and talked to his neighbors, whereupon Comrade I. learned that he often comes home drunk, and scandalizes his wife¹⁸.

Far from being an unwanted invasion into private life, the community inspection revealed an act of violence against women that would have previously been confined to kitchen-table rumor. It's hard to say from the transcripts what (if anything) was done about the allegations of domestic violence that Comrade S.'s and Comrade F.'s co-workers raised at the session. But community inspections allowed for revelations in a public, semi-official space that violence still persisted between men and women in intimate relations despite the state's efforts to formally legalize gender equality in the public sphere. Recognizing a problem is the first step to fixing a problem. The state's legislative and judicial methods had failed to instill communist morality in its citizens, but the comrades' court stepped in to finally provide a home life free of violence.

¹⁷ Protokol 05.05.1960 // TsGAGM. F. 365. Op. 1. D. 576. L. 85–98.

¹⁸ Protokol 20.07.1964 // TsGAGM. F. 365. Op. 1. D. 968. L. 159–170.

Moppyc Вукспрэм / Morris Wikström

European University at St. Petersburg

Department of Political Science and Sociology, Master student

morrisw@live.se

IN SEARCH OF AMERICA — A READING OF JOHN STEINBECK'S *A RUSSIAN JOURNAL*

When the American author John Steinbeck in 1947 decided to travel to the Soviet Union together with the photographer John Capa to write *A Russian Journal*, he did so at a time when the American discourse about the Soviet Union was in a state of change. At the same time John Steinbeck himself had problems finding a position to write from in America. This text seeks to combine these different positions — and thus shed some light on how they are linked—in order to explore how Steinbeck's personal life is intertwined with the geopolitical discourse being present in *A Russian Journal*. This is done using a discourse analysis, which bases its conclusions on the notion that the borders between different statements are productive, in the sense that they establishes categories, through which patterns of thoughts are arranged. In doing so, this approach offers a different perspective on *A Russian Journal* than that of Jonathan Zachary Jacobson's article "A Russian Journal: John Steinbeck's Quixotic Quest to the Soviet Union"¹, in which Jacobson sees the conflict between the rural and the city life is the most notable aspect of Steinbeck's work.

Before commencing on Steinbeck's encounters in the Soviet Union, this text will touch upon the different personal and geopolitical circumstances under which *A Russian Journal* was written. As is mentioned in the very beginning of *A Russian Journal*, John Steinbeck, while in America, was not clear about what he was supposed to think of the news coming from the Soviet Union in the years after the war had ended. He was "depressed, not so much by the news but by the handling of it". He continued, "News has become a matter of punditry. A man sitting at a desk in Washington or New York reads the cables and rearranges them to fit his own mental pattern and his byline"². This coincided with Steinbeck being

¹ *Jacobson Z. J. A Russian Journal: John Steinbeck's Quixotic Quest to the Soviet Union // The Steinbeck Review. 2016. Vol. 13. No. 1. P. 50–65.*

² *Steinbeck J. A Russian Journal. London, 2000. P. 1.*

badly treated by the people he met in California, after trying to once again settle there, as well as accusations of him being a communist after publishing the novel *Grapes of Wrath*. He also experienced problems in his personal life, having suffered from a long depression³.

In the field of geopolitics, the United States and the Soviet Union had drifted apart soon after the end of the war. Having been allies during WWII with a mutual enemy, many Americans had argued for the importance of trying to establish connections with the Soviet Union, with the eventual goal of paving the way for political reforms in the Soviet Union. The hopes relied on several different thoughts, with different actors advocating for their efficacy in influencing the Soviet Union. According to David S. Foglesong, the most prominent efforts were connected with expectations for a religious uprising⁴, a deeper cultural influence on the Soviet citizens⁵, as well as influence being transferred through the needs of the Soviet Union — capitalism would prevail in the long run, due to the need for American products⁶. These hopes were, however, abandoned after the war. Instead a feeling of resignation took hold, perhaps best portrayed by John F. Kennan, who described the Soviet people as completely in the hands of the authoritarian regime⁷. Still, however, the American discourse did make a difference between the Soviet regime and the ordinary people — a difference that nurtured hopes of influencing the mindset of the Soviet population⁸.

While given the title *A Russian Journal*, Steinbeck and Capa nevertheless travels not only to Russia, but also to Georgia and Ukraine. This, as we will see, has certain implications for the narrative being established by Steinbeck. By going through the different chapters, covering Russia, Ukraine and Georgia, we will see how the narrative changes, depending on which republic Steinbeck writes about.

³ *Jacobson Z. J. A Russian Journal: John Steinbeck's Quixotic Quest to the Soviet Union*. P. 51.

⁴ *Foglesong D. S. American Mission and the 'Evil Empire': The Crusade for a 'Free Russia' Since 1881*. New York, 2007. P. 83.

⁵ *Ibid.* P. 100.

⁶ *Ibid.* P. 85.

⁷ *Ibid.* P. 103–105.

⁸ *Ibid.* P. 104.

Steinbeck in Moscow

No chapter in the book is so concentrated on politics as the chapters describing actions taking place in Moscow. This is partially due to the fact that Steinbeck and Capa encounter Soviet bureaucracy for the first time. In Moscow they, as foreigners, are to be guided and escorted by members of the VOKS⁹, the bureau for cultural exchanges with foreigners in the Soviet Union. It is through the contacts with the representative of VOKS that Steinbeck draws conclusion on the Soviet population and their preferences: “It seems to us that one of the deepest divisions between the Russians and the Americans or British, is in their feeling toward their governments. The Russians are taught, and trained, and encouraged to believe that their government is good, that every part of it is good, and that their job is to carry it forward, to back it up in all ways. On the other hand, the deep emotional feeling among Americans and British is that all government is somehow dangerous, that there should be as little government as possible, that any increase in the power of government is bad, and that existing government must be watched constantly, watched and criticized to keep it sharp and on its toes”¹⁰. Here, Steinbeck uses the discussion with the representatives of VOKS to show the differences between the Soviet “intelligentsia” and the American authors and journalists. The author represents a liberal ideal, and positions himself as the watchdog of the public sphere and underlines its value for society as a whole, while the Russian authors belong to the political establishment. This pattern is repeated throughout the text.

Another discursive model is presented when Steinbeck writes about their first stay in Moscow, and highlights the lack of modernization. This lack is not just a material one, but it also regards the ideas among the youth in Moscow, which he contrasts against American standards. “We learned of the wave of morality that is upon the young people of the Soviet Union. It is somewhat like the morality of an American small town a generation ago”¹¹.

John Steinbeck and Robert Capa set off to Ukraine, and while waiting at the airport Steinbeck dwelled for a moment on the huge, omnipresent portraits of Stalin. “To Americans, with their fear and hatred of power invested in one man, and of perpetuation of power, this is a frightening thing and a distasteful one”, writes Steinbeck, continuing by describing some-

⁹ Vsesoiuznoe Obshchestvo Kul'turnoi Sviasi s zagranitsej — the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries.

¹⁰ *Steinbeck J. A Russian Journal*. P. 26.

¹¹ *Ibid.* P. 30.

thing much more deep and intriguing than a simple difference in ideology and political systems. “It is one of those things an American is incapable of understanding emotionally”¹².

For these two Americans are in Moscow, there is a distinct pattern, a juxtaposition that occurs as soon as Soviet society is described or thought of: America becomes the norm that contrasts the Soviet.

Steinbeck in Ukraine

If in Moscow Steinbeck uses America as the good example, against which he contrasts Soviet society, he finds in Ukraine a different way of using the image of America. In Ukraine, Germany becomes the referent. This model is introduced early in the two chapters that cover the visit to Ukraine. According to Steinbeck, the Ukrainians are more cheerful and more relaxed than the Russians that the two Americans met in Moscow. Steinbeck even goes as far as saying that Ukrainians are a “separate species of Slav”¹³. Everywhere Steinbeck sees the traces of destruction that the Germans did during the war, and makes judgments of the Germans in several places. “This was not fighting, this was the crazy destruction of every cultural facility the city had, and nearly every beautiful building that had been put up during a thousand years. Here German culture did its work. And one of the few justices in the world is that German prisoners are helping to clean up the mess they made”¹⁴, writes Steinbeck, describing the Germans who were executed after the war as “sadists”¹⁵.

When looking out over the streets in Kiev, the author thinks about the scale of destruction in Ukraine, and tries to translate it to American terms. “If the United States were completely destroyed from New York to Kansas, we would have about the area of destruction the Ukraine has,” writes Steinbeck¹⁶. This direct mirroring is repeated when Steinbeck and Capa visits a circus, where one of the clowns are dressed up as “an American”: “Just as some of our clowns wear long black beards, and carry bombs, and are labeled Russians, so the Russian clowns labeled themselves Americans”¹⁷.

¹² Ibid. P. 48.

¹³ Ibid. P. 52.

¹⁴ Ibid. P. 50.

¹⁵ Ibid. P. 58.

¹⁶ Ibid. P. 55–56.

¹⁷ Ibid. P. 64.

The perhaps most positive and vibrant description of Soviet is to be found in the chapter where Steinbeck and Capa travels to collective farms in Ukraine. The people are described as happy, cheerful and generous, and here the picture of America normalizes the extravagances that are offered to the two Americans. Dwelling over the fact that American readers might think that Steinbeck and Capa were greeted overly enthusiastically, and thus were not able to see things for what they were, Steinbeck replies that yes, indeed “the people in this village did put on a show for us. They put on the same kind of show a Kansas farmer would put on for a guest”¹⁸. What is being constructed in the chapter is very much a resemblance between Ukrainian farmers and Americans. Besides the generosity, Ukrainians are described as lovers of sports, or more precisely soccer, for which they have the same strong feelings as “Brooklynites about their baseball”¹⁹. They are described as anti-political people, not aware of details about the American foreign policy, but with a thorough knowledge of the value of the land, “because they are farmers themselves”²⁰. And further, “They love machines as much as Americans do, and a new automobile will draw a crowd to stand around and gaze at it almost with reverence”²¹. The kindness of the Ukrainian farmers is contrasted against the Germans, who “had destroyed all the fruit trees”²² and “killed all the animals”²³. “It is hard to imagine these Germans. Hard to imagine what went on in their heads, what their thinking process was, these sad, destructive, horrible children,” concludes Steinbeck²⁴.

It has been, quite successfully, argued by Zachary Jonathan Jacobson that Steinbeck’s text here acquires an anti-modern tendency, in which the rural life of the farmers is contrasted with the city life. And Jacobson correctly notes that such a theme is present in much of Steinbeck’s writing²⁵. But it also gives some insight into the American position towards Soviet at the time. Generally speaking Steinbeck’s description of the Ukraine moves from a typical Cold War-discourse (so present in Moscow) to a typical World War-

¹⁸ *Steinbeck J.* A Russian Journal. P. 78.

¹⁹ *Ibid.* P. 87.

²⁰ *Ibid.* P. 82.

²¹ *Ibid.* P. 89.

²² *Ibid.* P. 71.

²³ *Ibid.* P. 91.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Jacobson Z. J.* A Russian Journal: John Steinbeck’s Quixotic Quest to the Soviet Union. P. 58.

discourse, in which Soviet and the US have mutual interests. The obvious presence of the not long since ended war seems to call for another narrative. Steinbeck feels nothing but compassion when he spends his days among the farmers. Furthermore that feeling is underscored by the “Americanness” of the Ukrainians. In line with this narrative Steinbeck describes mutual attributes and manners, as well as experiences from the war²⁶.

While in Ukraine Steinbeck also begins to understand the legacy of Roosevelt in Eastern Europe. “His name is throughout the world a symbol of wisdom, and kindness, and understanding”²⁷, writes Steinbeck.

Steinbeck in Georgia

The experience in Georgia stands out in more than one way among the other descriptions of the Soviet Union. One reason is the conflicting narratives that are present in the text. Georgia was untouched by the Germans during the war²⁸. Therefore Steinbeck cannot use the World War-narrative. But the Cold War-narrative does not apply fully to Georgia, since Georgia is something other than Russia. It lacks the bureaucracy of Moscow, as well as is it the kindness of the collective farmers. Georgia is described as something almost beyond comprehension, something that raises above the earth²⁹. In Georgia Steinbeck sees in the geography and the landscape reminiscent to his own homeland: California. “It might have been the coast of California, except that the Black Sea is not turbulent and violent like the Pacific, and the coast is not rocky”³⁰, writes Steinbeck when describing the landscape underneath the airplane.

Still there is a certain discursive figure that does not fit into the idyllic picture, for it is in Georgia that Steinbeck writes about the uniqueness of American music. This theme is present also in Moscow, and thus introduced early in the text, but it acquires its core in Georgia. Listening to a Georgian jazz band, Steinbeck cannot but think of his homeland. “It is only when one sees the mess that is made of American swing music by most Europeans that one is able to realize how definite, how expert, and how unique American music is”, writes Steinbeck when he and Capa visit Georgia. He continues: “We realized why they could not play American

²⁶ *Steinbeck J.* A Russian Journal. P. 90.

²⁷ *Ibid.* P. 83.

²⁸ *Ibid.* P. 147.

²⁹ *Ibid.* P. 144.

³⁰ *Ibid.* P. 145.

music well. Our swing music is invented and improvised. The musician puts himself and his imagination into his playing, whereas this Russian orchestra slavishly imitated records that it heard, and such records are not imitable”³¹. Here the American swing music becomes a symbol for the individual, the unique and the freedom of imagination, which the Soviet people did not understand.

Furthermore, Steinbeck describes himself and Capa as “not very literary people”³², which in the mindset of Steinbeck would place him closer to the people. Therefore, when the Georgian writers find out that poetry is not as highly appreciated in America as in Georgia, and asks the two Americans if it is due to the distance between the poets and the people, he is surprised. This is obviously a strange thought to Steinbeck, who says that popularity in America is measured by the selling figures (and hence is not the product of a state canon to which everyone would need to adhere). Therefore, the answer cannot be that poets are alien to the people – whether or not poetry is popular is just not a question of great importance. “We do not think it makes very much difference whether Americans like poetry or not. But to the Georgians, whose love for poetry is traditional, the lack of love for poetry is almost a crime”³³.

In Georgia Steinbeck and Capa visits a tea factory, and although it is, of course, state run. Steinbeck notes that it is “run like an American corporation”, and the manager “might easily have been a manager of a branch factory of an American company”³⁴.

The overall impression of Georgia is a highly positive one. Steinbeck even writes that “in these Georgians we had met more than our match”, “nothing can break their individuality or their spirit. That has been tried for many centuries by invaders, by czarist armies, by despots, by the little local nobility. Everything has struck at their spirit and nothing has succeeded in making a dent in it”³⁵.

When analyzing Steinbeck’s description of Georgia, Zachary Jonathan Jacobson makes the point that in Georgia Steinbeck found the “noble savage”³⁶. Such an argument is underscored by the description of the

³¹ *Steinbeck J.* A Russian Journal. P. 172.

³² *Ibid.* P. 156.

³³ *Ibid.* P. 158.

³⁴ *Ibid.* P. 176.

³⁵ *Ibid.* P. 182–183.

³⁶ *Jacobson Z. J.* A Russian Journal: John Steinbeck’s Quixotic Quest to the Soviet Union. P. 61.

Georgian landscape, as well as by the rumors that had preceded the author's visit to Georgia, which posited the country as a heaven on earth. But the picture, however, is more blurred. After all, in Tbilisi Steinbeck stumbles upon not only the tea factory, but also the intellectual society of writers in Tbilisi. They are by no means "savages". In fact, Steinbeck positions himself as less educated (in terms of literature) than the Georgian writers, and after all it is Americans who are capable of improvising and get in touch with the swing music, not only repeat what has already been recorded by someone else. Rather the discursive formation here once again circles around the intelligentsia as opposed to the simple apolitical people.

Another argument, being made by Olga Zhgenti, is based upon the fact that Steinbeck had abandoned his own homeland, California. Therefore Georgia was experienced as a substitute for the California he had lost³⁷. And indeed, upon returning to America, Steinbeck did start working on his new novel *East of Eden*, in which he once again wrote about the homeland that he for some years had thought was lost to him³⁸. Such an analysis is further supported by the numerous references to the Californian landscape.

Conclusion

When reading Steinbeck's text in the context of American-Russian relations, we see that the discursive models that are set in play in the texts are very much in line with the discursive formations that were present in America at the time. A World War-narrative, focusing on the similarities between the Soviet Union and the United States, is still present, especially in Ukraine. Such a narrative is underscored by the presence of Germans in the text, which makes America a third entity, connected to the suffering of the Ukraine and their honesty and down-to-earth mentality. Furthermore, the similarities are stressed because the narrative falls in line with a popular narrative at the time in America, which portrayed Soviet people as something different than the Soviet government. These two narratives combined make up for an almost naïve description of a rural population that does not engage in politics.

The difference between the anti-political approach that the Ukrainians hold and the conservative, dull and over-politicized Moscow is portrayed by the use of another narrative, which came to replace the World War-narrative.

³⁷ Zhgenti O. The Belied and Implied Edens and John Steinbeck's "A Russian Journal" 60 years after // *The Steinbeck Review*. 2009. Vol. 6. No. 2. P. 71.

³⁸ *Ibid.* P. 72.

Moscow becomes a symbol for the Soviet civilization, where everything is politics, and hence becomes the Other for the American visitors. Steinbeck stresses the bureaucratic system, the lack of service and the absence of inspiration, as well as the insufficient critical dialogue among the intellectuals.

In Georgia, untouched by German forces, but at a safe distance from the Moscow bureaucracy, Steinbeck finds the California he lost during the 1930s. The individuality and gayness of Georgians are to a certain degree tamed by the intelligentsia, who think of themselves as representatives of the power, but the climate and the landscape (so reminiscent of California) do their best to resist. “Their energy not only survives but fattens on a tropical climate”, writes Steinbeck when he describes the characteristics of individuality of the Georgians³⁹.

While Jacobson argues that Steinbeck found an authentic land in the Soviet Union, especially in Georgia and Ukraine, there is another answer to the question. In every sense, America is the point of return, and throughout the text it works as the norm and exchanging node. It is through America that the Ukrainians are portrayed as “normal”, it is through America that the Georgian landscape acquires its almost heavenly qualities, and it is, last but not least, through America that the absurdities and failures of the Soviet system become visible.

³⁹ *Steinbeck J. A Russian Journal*. P. 182.

Екатерина Воронова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Москва
факультет гуманитарных наук, студентка 2 курса
Kathy-voronova@yandex.ru

МОДЕЛЬ ОТЦОВСТВА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ 1950-Х ГГ.

Для поколения, рожденного в 1930-х гг., «безотцовщина» была достаточно распространенным явлением: отцы или погибли на войне, или были репрессированы, или же об их существовании не было ничего известно. При этом «отец» был образцом для подражания, одновременно созидателем и защитником. Можно предположить, что имела место некоторая идеализация образа, с одной стороны, но, с другой стороны, в повседневности 1940–1950-х гг. присутствовало достаточное количество «отцов-маргиналов», что противоречило той идеалистической модели отца, которая существовала в культурном и информационном пространстве. Таким образом, модель отца менялась — на страницах печатных изданий, в сознании людей. И здесь возникают вопросы о том, насколько эта трансформация была распространена, как она выражалась, носила ли она либеральный или консервативный характер.

Стоит сразу оговориться, что данное исследование не стремится к воссозданию реальных практик советского отцовства. Нас интересует то, какие смыслы общество вкладывало в понятие «отец» и «отцовство» и какими чертами оно их наделяло. Таким образом, основное внимание будет сфокусировано на общественных представлениях 1950-х гг. о роли отцов и отцовства, которые впоследствии получат законодательное оформление.

Идеология построения социалистического государства предполагала разрушение традиционного гендерного порядка. При патриархальном укладе женщина — это в первую очередь жена и мать, а мужчина — глава рода, который несет ответственность за всех членов семьи, является для них не только источником материального благосостояния, но и нравственным ориентиром. Новый жизненный уклад, формировавшийся советской властью, подразумевал уравнивание женщин и мужчин как в исполнении семейных обязанностей, так

и в трудовой, профессиональной деятельности. Так, на смену старым гендерным ролям должна была прийти «новая женщина», и, соответственно, «новый мужчина». Однако на практике для женщин это означало двойную загруженность — и на производстве, и в быту, а для мужчин — их изъятие из семьи и полную занятость при работе на государство¹.

Распространенность данного явления обуславливает выбор предлагаемого ракурса рассмотрения фигуры советского отца. Если «отцовство» может быть проанализировано как одно из выражений советской маскулинности, дискуссионным остается вопрос о том, насколько оно вписывалось в общие ведущие модели «мужественности» в СССР. Проще говоря, насколько отцовство было атрибутом маскулинности, было ли это определяющей характеристикой «настоящего мужчины»?

Для понимания этой проблемы необходимо проследить смену ролевых моделей советского отцовства, которая в 1950–1960-е гг. трансформировалась наряду со сменой моделей маскулинностей, а к концу 1960-х гг. обрела нормативное закрепление. Так что здесь хотелось бы сосредоточиться на репрезентации «семейного» советского мужчины, в частности, на том, как общественный дискурс определял границы реализации отцовского потенциала, что считал нормой, а что отклонением от нормы.

Большинство исследователей признает этатистский характер конструирования гендерных ролей в Советской России², когда государство формирует тот или иной формат «женственности» и «мужественности» с точки зрения их целесообразности для общества. Для эпохи сталинизма идеал мужественности — это герой-патриот, который самоотверженно строит или защищает новый мир, это «сильный» мужчина,

¹ *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015. С. 224.

² *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Советский этатистический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007. С. 96–137; *Чернова Ж. В.* Модель «советского» отцовства: Дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок. С. 138–168; *Казьмина О., Пушкарева Н.* Брак в России XX века: Традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: модели для сборки: сборник статей / сост. и ред. С. М. Ушакин. М., 2004. Кн. 1. С. 185–219; *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: Нормы и аномалии: От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

которому чужды человеческие слабости³. Безусловно, он гетеросексуален, у него, как правило, есть семья, однако постоянного присутствия в семье от мужчины не требуется в той же степени, что от женщины: служение Отечеству требует безоговорочной самоотдачи.

Изменения в моделях маскулинности и феминности обнаруживаются после смерти Сталина. Деконструкция «большого стиля»⁴ изменила повседневность, из которой ушли «монументальность» и «коллективная героика». Появился интерес к чему-то более «повседневному», частному, что проявилось и в стремлении к гендерному равенству. Дегероизация мужчин и женщин подразумевала переключение внимания от служения Отечеству и чувства долга к индивидуализму, к частной жизни, в том числе — семейной.

Эпоху 1960-х гг. исследователи обозначают как время «кризиса маскулинности»⁵, когда в прессе появляются статьи о разрушении «истины мужественности», что задавало дискурс виктимизации мужского населения страны. В процессе поиска причин этого явления начинается и поиск иных форм маскулинности. И снова возникает вопрос о том, насколько «кризис маскулинности» мог коррелировать с «кризисом отцовства». Был ли вообще кризис отцовства в 1950–1960-х гг.?

И здесь стоит затронуть нормативный аспект этого вопроса — как модель отцовства формировалась в советском законодательстве. Прежде всего стоит упомянуть, что слово «отец» не упоминалось в Конституции 1937 года, и дискурса отцовства там не было, государство брало на себя функцию защитника детства и материнства⁶.

Другой важной вехой в трансформации отцовства в нормативном дискурсе является указ от 8 июля 1944 г.⁷ Помимо описания льгот и

³ Чернова Ж. В. Модель «советского» отцовства: Дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок. С. 138–168; Звонарева А. Е. Советское отцовство: Становление, конструирование и трансформация практик. Иваново, 2014; Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Советский этнографический гендерный порядок. С. 96–137.

⁴ Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы.

⁵ Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб., 2015.

⁶ Чернова Ж. В. Модель «советского» отцовства. С. 153.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская

поощрений матерям, в нем также отмечалось, что «законными» могут считаться только те дети, которые родились в зарегистрированном браке. В противном случае в метрике ребенка было лишь имя матери, в графе «отец» ставился прочерк, а сам отец освобождался от ряда обязательств, включая выплату алиментов⁸. Кроме того, усложнялась процедура развода: супругам требовалось пройти через несколько судебных инстанций и заплатить в качестве госпошлины значительную сумму денег⁹. На наш взгляд, здесь можно проследить характерное для последующего времени принципиальное различие между «биологическим» и «социальным» отцом. Если социальное отцовство почти всегда обозначало и биологическое, то биологическое не всегда совпадало с социальным. Такое разделение можно обнаружить не только в нормативном, но и в общественном дискурсе.

Изучение общественного сознания советских людей осложнено прежде всего выявлением источников, в которых отразился процесс формирования, эволюции и трансформации этого образа. В качестве релевантных свидетельств нами были выбраны два типа источников: статьи 1953–1960-х гг. из «Литературной газеты» (особенно стоит отметить статьи Елены Серебровской о «безотцовщине»¹⁰ и известное коллективное письмо Маршака, Шостаковича, Сперанского и Эренбурга «Это отвергнуто жизнью»¹¹), журнала «Работница» за 1953–1960 гг., а также «письма во власть» советских граждан того же периода, сохранившиеся в фонде Юридической комиссии при Совете Министров (ГАРФ). Если материалы периодических изданий отражают часть публичной дискуссии, участие в которой принимали различные представители читательской аудитории и пользовавшиеся специфическими профессиональными приемами журналисты, то письма граждан значительно увеличивают разнообразие «голосов снизу» и позволяют более детально рассмотреть процесс трансформации модели отцовства в советском общественном дискурсе 1950-х гг.

слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37, 14 июля.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Серебровская Е.* Жизнь вносит поправку // Литературная газета. 1954. 16 янв.; *Серебровская Е.* Еще раз о метриках // Литературная газета. 1956. 7 июня.

¹¹ *Маршак С. Я., Сперанский Г. С., Шостакович Д. Д., Эренбург И. Г.* Это отвергнуто жизнью // Литературная газета. 1956. 9 окт.

Модель отцовства в «Литературной газете» и «Работнице»

В годы «оттепели» печатный орган Союза писателей СССР «Литературная газета» становится своего рода общественной трибуной и начинает поднимать темы, волновавшие интеллигенцию и образованную часть населения. Более того, «Литературная газета» не только влияла на формирование общественного мнения по той или иной теме, но также транслировала «голоса из народа» при публикации читательских писем.

На ее страницах впервые начали обсуждаться проблемы, так или иначе связанные с ролью и статусом отца: положение «незаконнорожденных» детей и матерей-одиночек, оформление метрик («прочерк» в графе отцовства), разводы, социальные последствия «безотцовщины». Примечательным является упоминание отцовства в связи с поиском решения проблем роста детской преступности и девиантного поведения подростков. На мой взгляд, объяснить это можно тем, что до 1950-х гг. воспитание рассматривалось как сфера коллективной ответственности общества и государства или же индивидуальной ответственности матерей. Однако после смерти Сталина и в связи с потеплением политического и общественного климата стало очевидным, что общество не справляется с этой задачей. Матери, которым предписывалось также работать, вести общественную деятельность и заниматься самообразованием, не всегда могли проводить с детьми столько времени, сколько нужно для их полноценного воспитания. В качестве альтернативы материнскому и общественному воспитанию была выдвинута фигура отца. Именно он должен был участвовать в интеграции детей в общество, отвечать за них перед учителями, подавать им пример для подражания. В «Литературной газете», однако, наблюдается доминирование критики в отношении отцов, которые не соответствуют социальным нормам (отцы-пьяницы, мужчины, занимающиеся рукоприкладством в семье, неверные мужья). Отец, отличающийся девиантным поведением, не только не может воспитывать детей, но и сам нуждается в «воспитании», а его дети — в изоляции от родителя. Вместе с тем прослеживаются и идеи о том, что дети могут «воспитать отца», и, вольно или невольно, пристыдить его, что составляет «девиантного отца» одуматься и встать на путь исправления.

«Женский» журнал «Работница» был ориентирован на женскую аудиторию, и потому уровень концептуализации и теоретизации проблем, связанных с отцовством, был максимально упрощен. Самые яркие образы отца, представленные на страницах издания — «вос-

кресный отец» и «сильная рука», которые могут быть одновременно обозначены и как модели отцовства, и как модели воспитания. Однако эти образы являются неоднозначными и вызывают различные интерпретации и оценки со стороны авторов статей.

«Воскресный отец» — это мужчина, который проявляет свою заботу о ребенке в виде проведения с ним совместного досуга, общаясь и делясь с ним опытом. Несмотря на редкость таких встреч, они очень важны для ребенка. Эти встречи раскрывают культурно-социальную роль отца, исполняющего функции интеграции ребенка в общество и передачи гендерных моделей. Однако статьи, в которых есть образ «воскресного отца», нетипичны, и их не так много.

«Сильная рука» — это такая модель воспитания, практикуемая отцами, как наказание детей, внушение, авторитет и т. д. Эта воспитательная стратегия также требует разового вмешательства, и отец здесь олицетворяет силу и родительский авторитет, которые не всегда может обеспечить мать. Очень часто «сильная рука» — это не только строгий, но и жестокий отец, который не гнушается физическими наказаниями. Впрочем, в глазах тогдашнего общественного мнения такое поведение считалось достаточно эффективным методом воспитания, хотя и не самым лучшим. Как следует из материалов журнала, «сильная рука» как принцип воспитания являлся исключительно прерогативой мужчины (отца), пропагандируемая модель женщины (матери) лишалась «силовой» компоненты. Таким образом, распределяя родительские роли, общественное мнение возлагало роль «строгого» родителя на мужчину, а «доброего» — на мать, что, как представляется, формировало картину полноценного воспитания детей.

Кроме того, можно выделить отдельную группу моделей, которую мы предпочли бы обозначить как «личностные» варианты отцовства, в которых важны личные качества отца, без прямой зависимости от семьи: «(анти)пример для подражания», «глава семьи» и «эгоистичный отец». Особенно интересна последняя — это скорее биологическая, а не социально-культурная роль. Мужчина становится отцом, однако не несет никакой ответственности за детей, или же его вмешательство в их жизнь минимальное. Так или иначе, он «живет для себя», собственными интересами, но для одних авторов это «пошляк и вертопрах», для других — «эгоист, который лишает себя радостей отцовства».

«Отца» определяла ответственность, т. е. у него был ряд обязательств по отношению к своей семье. Материальная ответственность выражалась в функции «добытчика», т. е. считалось само собой разумеющимся, что мужчина обеспечивает свою семью деньгами. Другой

важной функцией была «статусная» — самим фактом присутствия отца в семье гарантировалось некое социальное благополучие детей. В то же время наличие законных детей у мужчины наделяло его привилегированным положением, в отличие от мужчин, платящих налог на бездетность. Помимо этого существовала еще «воспитательная» функция отцовства, которая заключалась в социализации детей и передаче им своего опыта, однако эта роль была скорее эпизодической — для того чтобы отец вмешался, должно произойти что-то серьезное. Иными словами, отцам вменялось в обязанность отвечать за детей перед обществом — ходить на родительские собрания, к учителям, в детскую комнату милиции. Поэтому и идет речь о «сильной руке» — если ребенок не соответствует ожиданиям общества, то его необходимо заставить им соответствовать. Во внутрисемейных делах влияние отца менее очевидно и редко затрагивается публицистами, или, как минимум, не рассматривается в позитивном ключе: если отец слишком заботиться о детях, значит, он меньше времени уделяет работе — главной сфере мужской ответственности. Для сравнения, отношения матери с детьми не рассматривались в связке с ее работой и карьерой, предполагалось, что женщина должна в равной степени быть успешной и как работница, и как воспитательница.

Контексты, в которых возникает тема отца и отцовства, зачастую связаны с обсуждением общественных проблем, таких, как девиантное поведение детей и подростков, разводы, пьянство, «безотцовщина» и т. д. Отдельно можно выделить «отцов-подлецов» и «отцов-беглецов» — это конкретный образ отца, который бросает женщину с ребенком и не платит алименты. И хотя по закону он и не обязан этого делать (если брак неофициальный), тем не менее публицисты резко критикуют таких отцов.

«Отцовство» в письмах граждан в Юридическую комиссию

Письма граждан в Юридическую комиссию при Совете Министров СССР представлены в достаточно большом количестве, начиная с конца 1940-х гг. и вплоть до конца 1960-х гг. Они объединены тематикой «предложения об изменениях в брачно-семейном законодательстве» и потому, как представляется, могут отражать потепление политического климата и заинтересованность общественности в модификации законодательства. Их можно разделить на две группы: обращения, адресованные во властные структуры, и отзывы на статьи по данной проблематике, направленные в редакции газет и журналов. В дан-

ных текстах нами рассматриваются такие вариации характеристик и свойств отцов, из-за которых женщины были вынуждены просить власть о помощи. В письмах, как и в статьях, используется устойчивое словосочетание «отцы-подлецы».

Во-первых, «плохие отцы» рассматриваются не в аспекте их биологического отцовства, а в контексте их отношений с женщинами в деле воспитания детей. Во-вторых, женщины просят о небольшой уступке — о юридической процедуре признания отцовства (фиксация имени в метрике), и максимум, о чем они просят — это о материальной помощи (алименты). О помощи в воспитании детей речи не идет, просительницы 1950-х гг. озабочены нехваткой средств и общественным порицанием, которому подвергаются они и их дети.

Наконец, важно отметить, что, по-видимому, в 1950-х гг. в советском обществе было распространено нетерпимое отношение к женщинам, воспитывающим детей в одиночку — судя по жалобам в Юркомиссию, и женщины, и «дети-безотцовщина» стигматизировались. Да, их было довольно много, однако общество считало это девиацией и женщины, и ребенка — такой своего рода виктимблейминг. Женщины винят в таком положении дел и себя, и мужчин, и несправедливый закон. Многие отмечают также, что общество «потокает» нечестным отцам, т. е. им прощается их поведение, а матерям — нет. Сами же женщины в своих письмах просят о помощи государство — о помощи с метриками и с алиментами; отцы упоминаются исключительно в негативном контексте, однако нет просьб «повлиять» на них. Скорее это констатация факта, что больше ждать помощи не от кого.

Выводы

Таким образом, в преддверии эпохи «кризиса маскулинности» (1950-е гг.), в контексте обсуждения реформы брачного законодательства и ряда проблем, связанных с этим, в общественном дискурсе возникает фигура отца.

В публицистике тема отцовства появляется в контексте общественных проблем и развивается в отдельную проблему («отцы-маргиналы», «отцы-подлецы»). В «письмах во власть» отцы, сознательно или невольно, являются источником проблем. Такая широкая дискуссия, в которой преобладал критический взгляд на отцовство, свидетельствует о том, что всем стали интересны насущные проблемы, касающиеся каждого, у кого есть семья. Другим важным изменением стало и то, что монолитная, цельная фигура отца становится более сложной,

противоречивой. Мужчина может быть ценным работником, членом партии, но в частной сфере он может вести себя неподобающе — таких примеров много и в статьях, и в письмах женщин, которые столкнулись с этим в своей жизни.

«Идеальной модели отца» не обнаруживается, однако можно зафиксировать ряд свойств, качеств отцов, которые являются желательными или нежелательными.

Можно заключить, что в контексте 1950-х гг., с гендерным дисбалансом, повышением уровня криминала в обществе и политическим «потеплением» люди были живо заинтересованы в стабилизации ситуации и возвращении к привычному балансу сил, пусть и со старым гендерным порядком. С другой стороны, происходит некоторая либерализация гендерных отношений, не столь яркая, но сопоставимая с происходящей на Западе.

Мария Вятчина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
институт международных отношений, истории и востоковедения,
аспирантка 2 курса
maria.vyatchina@gmail.com

Анна Юдкина

независимый исследователь
a.b.yudkina@gmail.com

НИЗОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В СССР: КЕЙС ГОРОДА РУДНИ

Мемориальная политика в СССР в период после 1945 г. развивалась под влиянием многочисленных факторов, однако Холокост никогда не становился отдельным ее объектом¹. Как отмечает А. Ассман в работе «Новое недовольство мемориальной культурой», понятие мемориальной культуры охватывает гораздо большее, нежели государственные мемориалы и выступления государственных функционеров или публичных политиков: мемориальная культура «опирается на живую активность гражданского общества, осуществляющуюся в виде бесчисленных исторических проектов [...] Импульс для локальных инициатив рождается в конкретных населенных пунктах, жители которых слой за слоем открывают для себя свою историю»². Память о трагедии находит воплощение в виде публикации воспоминаний, обращений к теме в публичных выступлениях, в виде музейных экспозиций и мемориалов. Но кем были эти люди, которые «слой за слоем открывали свою историю»?

В данной статье мы попытаемся ответить на вопросы о мотивах и формах активностей людей, которые организовывали мемориальные проекты. Территориальные рамки исследования охватывают

¹ Вопрос о мемориальных практиках, связанных с Холокостом в СССР на общегосударственном уровне, рассматривается в работах М. Альтшулера, А. Зельцера и др. Они указывают, среди прочего, на такие ключевые события, как работа Антифашистского еврейского комитета или публикация стихотворения о Бабьем Яре Е. Евтушенко.

² Цит. по: Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2016. С. 70.

Смоленскую область, где в 2015 г. проходила полевая школа по иудаике Центра «Сэфер». Данные интервью были дополнены архивными изысканиями в Смоленске, Москве и Иерусалиме³.

Далее будет рассматриваться низовая инициатива по мемориализации Холокоста в городе Рудне Смоленской области, а также данные о подобных мемориальных активностях в населенных пунктах Смоленской области и в других регионах СССР.

Кейс Рудни показателен по ряду причин. Во-первых, памятник был создан по проекту известного советского архитектора Л. Кербеля и представляет собой не типичную стелу, как в остальных обследованных населенных пунктах⁴, а мемориал со статусом памятника культуры. Во-вторых, в архиве центра «Яд Вашем» удалось обнаружить источники, в которых задокументирован ход работ по сбору пожертвований и установке памятника (1964–1969 гг.), проводившихся силами инициативной группы земляков. Таким образом, кроме устных свидетельств (интервью) и официальных документов (материалов Совета по делам религий), репрезентирующих специфику надзорных органов, мы получили источник, в котором мемориальный проект представлен «автобиографически», т. е. от лица участников инициативной группы.

Между памятными знаками и мемориальными инициативами

Среди исследовательских взглядов превалируют две точки зрения на то, от кого исходили мемориальные инициативы: согласно первой, установлением памятников занимались только родственники погибших (память как личная и семейная идентификация, память как дело общины)⁵, согласно второй — память о Холокосте существовала в диссидентской среде⁶. Так, в исследовании политики Советского

³ Материалы собраны благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group).

⁴ Материалы о памятниках жертвам Холокоста (разной степени полноты) собраны в следующих населенных пунктах Смоленской области: г. Смоленск, г. Рославль, г. Рудня, п. Монастыршина, п. Шумячи, д. Вязовеньки, д. Петровичи.

⁵ *Альтигулер М.* Деятельность евреев по увековечению памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина // *Яд Вашем: исследования.* 2009. С. 171–192.

⁶ *Макаров А.* Неофициальная память о Холокосте в СССР: Прологомены к исследованию // *Гэфтер.* 2013. URL: <http://gefter.ru/archive/10859>.

государства по отношению к иудаизму С. Чарный отмечает, что «борьба за право обустройства мест захоронения погибших во время Холокоста»⁷ была одним из видов деятельности еврейских общин. Нельзя исключать ни ту, ни другую точку зрения, как и то, что эти группы могли пересекаться.

Для данного исследования важен подход, при котором локальные инициативы рассматриваются как *grassroots*, т. е. «движения снизу». Исходя из этого, мы выделяем четыре группы акторов, участие которых предопределяло успешность того или иного мемориального проекта в советский период: «еврейская община / родственники», «лояльная администрация», «активисты» и «неравнодушные граждане». У каждой из этих групп была своя функция. С распадом СССР изменились стратегии взаимодействия, а также появились новые акторы (например, религиозные организации — среди них Союз евангельских христиан-баптистов; социальные инициативы — международный проект по мониторингу захоронений «Вернуть достоинство» и т. д.).

Контекст: памятные знаки о «погибших советских гражданах»

На территории СССР установление мемориальных знаков на местах расстрелов началось практически сразу после освобождения оккупированных территорий, т. е. еще до фактического окончания войны. Далее наблюдается некая лакуна, которую можно объяснить антисемитизмом («Дело врачей») и ужесточением государственной политики в отношении еврейских общин. Если посмотреть на даты сооружения памятников жертвам Холокоста на Смоленщине, то можно увидеть отчетливую тенденцию открытия официальных монументов в 1960-е гг. Почему именно в этот период?

Во-первых, на это время пришелся очередной виток антирелигиозной кампании, который «спровоцировал» необходимость поиска новой формы поминовения погибших, до этого осуществлявшейся в рамках религиозной традиции. При этом донесения в Совет по делам религии сообщали, что Таборная гора на 9 мая становилась местом сбора: «В День Победы 40–60 евреев собираются на Таборной горе, у

⁷ Чарный С. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели»: 1953–1964: дис. канд. истор. наук. М., 2008. С. 104.

памятника (место расстрела евреев в период оккупации)»⁸. Эта практика фиксируется надзорными органами на рубеже 1970–1980-х гг. и подтверждается данными интервью; не исключено, что подобное происходило и ранее.

Во-вторых, в указанные годы наблюдается «мемориальный бум», который сопровождает крупные и важные даты, какими на тот момент были 50-летие революции и 20-летие победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Это было бы невозможно без наращивания некоторого экономического потенциала: страна по большей степени преодолела в производственном отношении последствия войны. Следует отметить, что 20-летний юбилей Победы был отправной точкой в большом проекте мемориализации и создании культа Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что тема Холокоста никак не включалась в программу пропаганды, можно предположить, что этот «мемориальный бум» позволял легитимизировать низовые инициативы по сооружению памятников.

В этом отношении необходимо различать **установку памятного знака и мемориальный проект**. Мемориальная активность не ограничивалась одним лишь фактом создания памятника — скорее это можно назвать целью, которая достигалась решением целого ряда задач. В данном кейсе мемориальный проект понимается как групповая инициатива по увековечению памяти о погибших. Рассмотрим подробнее на примере кейса г. Рудни репертуар активностей по созданию памятника.

Основным источником для изучения кейса города Рудни стали документы из архива «Яд Вашем» — это папка, состоящая из разнородных документов, без соблюдения хронологического принципа, переданная на хранение в конце 2000-х гг.⁹ Фактически это летопись работы инициативной группы в 1964–1969 гг. К сожалению, нет возможности узнать имя человека и историю получения им документов. Внешний анализ дает возможность предположить, что папка была сформирована кем-то из участников инициативной группы. Помимо протоколов собраний, выполненных на пишущей машинке, списков имен погибших, перечней денежных переводов на установку памятника и сопутствующие работы, в папке хранятся вырезки из газет с информацией о памятном событии и копии писем чиновникам.

⁸ Документы о деятельности групп иудейской религии (миньен) в г. Смоленске и в г. Рославле за 1977–1981 гг. // Государственный архив Смоленской области (далее — ГАСО). Ф. Р-985. Оп. 3. Д. 35. Л. 1.

⁹ Yad Vashem Archives [далее — YVA]. О. 37/121; YVA. О. 41/1044.

Деловая переписка, которая велась непрерывно с 1964 г. (согласно датировке самого раннего документа), «эволюционировала», о чем говорит изменение языка документов, включение копий и появление пометок, в скольких экземплярах выполнен тот или иной бланк. Например, в самом раннем письме к администрации авторы именовали себя «инициативной группой», затем использовали личные данные в виде имен и фамилий, а с октября 1964 г. в бланках писем появляются дополнения в виде ранжированных чинов / статусов участников инициативной группы. Возглавляет список «Подполковник в отставке», далее следуют «Майор в отставке», «Подполковник», «Кандидат технических наук», «партизанка Великой Отечественной войны», «Пенсионер-инвалид Великой Отечественной войны», «Работник госплана», и замыкает его «пенсионер».

Почему они «сообщают об этом в Москву»? Алгоритмы работы с властной географией

Документы содержат минимальное количество биографических данных: адреса для переписки, указание на статус или звание, выписки из корреспонденции с эпизодами военной жизни (истории спасения и эвакуации, вести с фронта). Сами инициаторы мемориального проекта именуют себя в документах «инициативной группой». Однако анализ материалов дел и фамилий, а также косвенных данных позволяет сказать, что движение по установке памятника в Рудне было начато родственниками погибших. Важно заметить, что все они территориально находились вне Руднянского района. Более того, документы, датированные временем после установки монумента, имеют географические привязки, из чего становится ясно, что инициативная группа имела два важных центра организации денежных сборов — в Москве и Ленинграде. Этот факт можно объяснить наибольшей концентрацией земляков в двух крупнейших советских городах. В одном из писем члены ленинградской инициативной группы в письме выражают благодарность участникам московской группы, что указывает на разделение функций: практически всю переписку до момента установки памятника вели москвичи, а подписи ленинградцев относятся к документам позднее 1967 г., когда стали вестись работы по облагораживанию прилегающей территории.

Перечисления денежных средств — это то, что маркирует группу «неравнодушных граждан». География подписчиков крайне обширна (Крым, города центральной России, Сибирь). Можно предположить,

что денежные переводы (а это второй по популярности способ «содействия» после передачи лично в руки одному из участников инициативной группы) производились на два или три адреса — в зависимости от того, кто сообщал о денежном сборе или кто с кем состоял в постоянной переписке.

Изменения в языке коммуникации инициативной группы и чиновников касаются не только формы подписи. Группа начинает презентовать себя в переписке как «инициативная группа», хотя первые письма подписывались от имени родственников погибших. Меняется и тональность: если в первых письмах используется личное местоимение «мы», то впоследствии отправители переходят на нейтральную ноту третьего лица — неопределенное «они» («инициативная группа связалась»). Подавление эмоциональности¹⁰, как и ряд перечисленных выше признаков, указывает на укрепление канала коммуникации с административными органами, освоение жанра чиновничьей переписки, что не в последнюю очередь предопределило успешность проекта.

Отталкиваясь от сформулированной А. Юрчаком идеи о развитии авторитетного дискурса и перформативном сдвиге в СССР, можно утверждать, что в документах инициативной группы мы видим пример того, как проявлялась стандартизация формы письма. При этом решающим фактором становилось то, что «чем более стандартной и повторяющейся становилась форма авторитетных высказываний и символов, тем *менее* стандартным и предсказуемым был смысл, который мог соответствовать этой форме в различных контекстах»¹¹. Сложно говорить напрямую о способах манипуляции с письмом, но из документов видно, что такой метод письма оказался включенным в систему властных коммуникаций.

В числе адресатов инициативной группы значится огромное количество организаций: от районных органов до канцелярий министерств; от Смоленского похоронного треста и Мытищенского завода, который изготовил плиты для гравировки имен жертв, до Руднянского

¹⁰ В этом отношении показательно, насколько иным десятилетием ранее был язык переписки еврейской общины г. Рославля с московскими и областными органами по вопросу деятельности молельного дома и ухода за местом расстрела. В письмах рославльские евреи перманентно указывают на свой статус «бедных стариков».

¹¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М., 2014. С. 93.

завода по изготовлению сгущенки, к которому инициативная группа обратилась с просьбой взять шефство над памятником. Все документы соответствуют обобщенному делопроизводственному стандарту: имеются даты, указание страниц, подписи, аккуратные списки в виде таблиц, не говоря уже о протоколах собраний этой неформальной организации, которые воспроизводят шаблон протокола заседаний советских партийных органов. Тот факт, что поверх печатных листов содержатся пометки о получении средств ручкой, свидетельствует, что протоколы печатались на машинке в скором времени после встречи участников группы.

Умение ориентироваться в административной системе и грамотное распределение ресурсов проявилось, например, в том, что данные о нерешенной проблеме немедленно сообщались в Москву. Так, после известия об усадке фундамента памятника члены группы позвонили в г. Смоленск и. о. управляющего трестом Смоленсксельстрой № 1 товарищу Бойко, как сообщается в протоколе от 29 мая 1968 г. Последний «заверил, что фундамент будет срочно отремонтирован и был удивлен, что руднянские организации не обратились по этому вопросу непосредственно в трест, а сообщают об этом в Москву»¹² [курсив наш. — М. В., А. Ю.]. В документах группы не упоминаются жители Рудни, которые бы принимали активное участие в работах. Можно предположить, что землячество воспринималось местными чиновниками не только (и не столько) как инициативная группа, а как некая надзорная, связующая с Москвой организация. Таким образом, можно сделать вывод, что территориальная удаленность участников мемориального проекта от места, где проект был осуществлен, играла важную роль — как в смысле статусности («подполковник») и компетентности членов группы, так и с точки зрения их определенной смелости, навыков решения вопросов («не-провинциальный подход») и обращения к административным структурам.

«Инициативная группа справилась со своей задачей»: что дальше?

Можно попытаться реконструировать этапы «биографии» мемориального проекта. Очевидно, что существование большого числа выходцев из Рудни в Москве и Ленинграде предопределило появление двух центров мемориального движения, которое в первую очередь зани-

¹² Письмо председателю райисполкома г. Рудня // YVA. О. 41/1044. Л. 74.

малось сбором адресов земляков на разных территориях и рассылкой информации о ходе работ. В 1964 г. московская часть инициативной группы организовала эксгумацию в Рудне, после которой началась кампания по подготовке проекта памятника. Помимо финансовой стороны, необходимо было заручиться поддержкой местной и областной администрации. В этот момент впервые в документах фигурирует имя Льва Ефимовича Кербеля, который на тот момент был молодым скульптором, но уже «остепененным» званием лауреата Сталинской (1950 г.) и Ленинской (1961 г.) премий. Во время поездки в Смоленск Кербель, очевидно, передал просьбу руднянского землячества, потому что в следующих письмах к нему речь идет о подготовке самого памятника. В результате мемориал «Скорбящая мать»¹³ был возведен с использованием проекта Л. Е. Кербеля, а на постаменте были написаны слова смоленского поэта Н. Рыленкова. Особую роль землячества подчеркнул сам скульптор, подписывая фотографию-образец памятника, адресованную, по всей видимости, поэту: «Это еще не весь памятник. Это его главная часть. Вырублен в камне для г. Рудня. Мне приятно соседство муз, означающее крепость уз двух земляков».

Согласно текстам документов, участники инициативной группы считали временем окончания работы по проекту июль 1969 г. Это следует из письма ленинградской инициативной группы (которая, судя по всему, обеспечивала завершающий этап) в Москву: «При сем сопровождается протокол совещания Ленинградской инициативной группы по сооружению памятника в г. Рудне, из которого видно, что все работы завершены. Выражаем Вам искреннюю благодарность за участие в сборе средств. Желающие могут посетить памятник, а также гранитные плиты с начертанными на них фамилиями погибших, начиная с 20 июля 1969 г.».

* * *

Случай г. Рудни — во многом уникальный. Эта успешная мемориальная инициатива советского периода завершилась установкой па-

¹³ Здесь мы сознательно не останавливаемся на подробном анализе иконографии образа *скорбящая мать*, который заслуживает отдельного рассмотрения. См. об этом: Тимофеев М. Ю. Помни о Матери-Родине!: Конкурирующие места памяти // Лабиринт. 2015. № 4. С. 43–63; Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 76–77.

мятника (в остальных случаях на территории Смоленской области мемориалы на местах, связанных с Холокостом, представлены однотипными стелами), выполненного по проекту известного скульптора. Данный факт — художественная ценность вкупе с мемориальной значимостью — позволили инициативной группе уже через два года после открытия мемориала обратиться в областную администрацию с просьбой обеспечить уход за «памятником культуры»¹⁴, что свидетельствует о еще одном аспекте успешности проекта: не только построить мемориал, но и убедиться, что в дальнейшем ему будут уделять хотя бы минимальное внимание.

¹⁴ В 1968 г. участники инициативной группы сигнализировали в письмах в областную администрацию о случаях вандализма. Логичным выглядит предположение, что присвоение памятному знаку статуса памятника культуры могло быть вызвано опасениями за его дальнейшую судьбу.

Даулет Жанайдаров

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Москва
факультет гуманитарных наук, аспирант 1 курса
asterod92@gmail.com

СЦЕНАРИЙ ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» 1928 Г.: СТРАТЕГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ КЛАССИКИ¹

В программной статье «Как ставить классиков» Виктор Шкловский заявлял, что «кино — великий искажитель. Каждая эпоха имеет право переделывать предыдущую»². Он призывал заново ставить классические произведения, опираясь на новый материал и новое видение предмета изображения. Запас фактов, которые можно почерпнуть из произведений Толстого, Пушкина, Лермонтова, корректируется позднейшими данными и неизбежностью художественного вымысла. Необходимо на их основе создавать новые тексты, обогащенные новыми сведениями и новыми задачами.

Тезисы эти, характерные для первого пореволюционного десятилетия, хорошо иллюстрируют магистральную для молодого советского государства политику обращения с наследием прошлого. Шкловский, всегда тонко чувствующий, откуда дует ветер, откликнулся на запрос современности сценарием, в котором переделал классическое произведение с «правильных» позиций. Литературный оригинал в данном случае воспринимался не столько как шедевр, а как материал для исторического сюжета. Задействовав в подготовке сценария данные литературоведения, истории и социологии, Шкловский создал произведение, в котором искусство стало проводником научных идей: в данном случае — марксистского понимания истории.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 16-05-0037) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

² Шкловский В. Б. Как ставить классиков // Советский экран. 1927. 16 авг. Цит. по: [«Шерсть, стекло и кружева»], «Как ставить классиков»: статьи. 16 августа 1927 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 562. Оп. 1. Д. 151. Л. 5.

Историю переделки «Капитанской дочки» логично начинать с доклада, прочитанного Шкловским 6 марта 1927 г. на «Диспуте о формальном методе», в котором также участвовали Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, Б. Томашевский и другие. Статья «В защиту социологического метода», написанная на основе доклада, была впервые напечатана в «Новом ЛЕФе» в том же году. В ней Шкловский критикует подходы В. Переверзева и А. Воронского в изучении Гоголя и Пушкина.

Важными выводами, касающимися непосредственно «Капитанской дочки», можно считать следующие. Во-первых, якобы «внеклассовые» тексты, которые можно читать без поправки на исторический контекст, являются цитатными, заимствованными. Во-вторых, Пушкин в «Капитанской дочке» намеренно «извратил» историю, умолчал о реальных событиях и вынес их в примечания или вовсе в «Историю пугачевского бунта». В-третьих, уже само сочетание литературного и фактографического материала со временем превращается в обывательское «чтиво», теряющее прежнюю актуальность и контекстуальную остроту. Таким образом, единственный способ вернуть классической вещи историческое измерение, восстановить ее первоначальную значимость — это «перевести произведение на другой материал»³, «дешифровать текст, чтобы восстановить подлинную Капитанскую дочку, а не ту, которую мы привыкли по известным ассоциациям воспринимать, как читатели»⁴.

Так возникает идея пересказать прозу Пушкина языком кинематографа, для чего нужно найти практическое применение теоретико-литературным концепциям. Формально сохраняя сюжетный каркас Пушкина, Шкловский кардинально меняет идейную подоплеку «Капитанской дочки». Сценарист перерабатывает весь образный ряд в зависимости от классовой принадлежности персонажей и их отношения к пугачевскому восстанию.

Петр Гринев выведен трусливым недалеким недорослем, человеком без достоинств: «не злой и не добрый человек», «человек без большого самолюбия», «на старости будет, как все». Прочие персонажи также не воспринимают его всерьез: Пугачев «к Гриневу

³ Шкловский В. Б. В защиту социологического метода // Новый ЛЕФ. 1927. № 3. С. 20–25.

⁴ Протоколы и стенограммы обсуждений фильма Ю. В. Тарича «Капитанская дочка». 16 августа 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 103. Л. 32.

милостив, как к дурачку», Швабрин «молодого Гринева презирует, как неуча и человека дурного тона», Савельич не по чину «покровительствует»⁵.

Савельич же, в противоположность своему хозяину, умен, надежен и смел. После захвата крепости Пугачевым он «изменяется в повадке, прямее держится» и переходит на сторону восставших, становясь писарем их предводителя.

Командант крепости Миронов становится крестьянским эксплуататором, люди его типа «через 50–60 лет... были городничими из “Ревизора”»⁶, и в сценарии в итоге его вешали угнетаемые им башкиры⁷. В финальной версии картины, однако, его не вешали, о чем Шкловский на одном из обсуждений фильма забыл, но затем добавил, что «надеялся, что его повесят»⁸.

Швабрин превращается в Шваневича. В нем значительно больше от Шванвича из «Истории пугачевского бунта», нежели от Швабрин «Капитанской дочки». Сценарный Шваневич не тождественен реальному Шванвичу, чья остзейская фамилия Шванвиц произносится на польский манер. Чтобы отделить своего героя от исторического персонажа, Шкловский вставляет в фамилию букву «е», дополнительно ее полонизируя.

Шваневич образован, храбр, дерзок и благороден, это «предок кающихся дворян», который «мечтает о вольности»⁹, а на сторону Пугачева переходит не из страха смерти, а по убеждениям. Именно Швабрин-Шваневич становится главным положительным героем обвленной «Капитанской дочки».

В работе над сценарием Шкловский опирался главным образом на историческую литературу. В архивном «Списке книг, необходи-

⁵ Шкловский В. Б. Капитанская дочка: комментированный сценарий. М.; Л., 1929. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Например, см. сцену:

«Старик-башкир говорит:

СОЛЬ ИЗ ОЗЕР НАМ БРАТЬ НЕ ДАЮТ, ДАЙ ГОСУДАРЕВУ СОЛЬ.

Величественный Миронов трет большим пальцем об указательный (“дай денег”» (Там же. С. 29).

⁸ Протоколы и стенограммы обсуждений фильма Ю. В. Тарича «Капитанская дочка». 31 июля 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 2647. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 25.

⁹ Шкловский В. Б. Капитанская дочка. С. 14.

мых для разработки темы «Капитанская дочка»», более сорока наименований¹⁰. В нем особенно отмечено — «самое важное» — дело Швабрина-Шваневича с пушкинскими пометками на полях, «по какому материалу и нужно, конечно, обрабатывать сценарий»¹¹. Можно сказать, что «Капитанская дочка» Шкловского — не столько экранизация литературного произведения, сколько полемика кино с литературой на основе исторических материалов.

Шкловского в «Капитанской дочке» интересует бунт, его истоки и течение, тогда как любовная история сохраняется лишь затем, чтобы «столкнуть эти две линии», иначе ««Капитанская дочка» сама по себе, а пугачевщина сама по себе»¹². Первый набросок сценария и вовсе назывался «В бурную годину»: уже в нем в целях положительной характеристики пугачевского движения акцент делается на планах и стратегических решениях восставших. Развернуто показаны эпизоды с захватом Белогорской крепости: прописана схема осады гарнизона, разведка Пугачева и военные хитрости. Встречаются комментарии о составе войска Пугачева: «Некоторая часть обывателей крепости и толпы Пугачевской перепилась и разграбила ряд домов. Яицкие казаки /основное ядро пугачевцев/ ведут себя сдержанно и дисциплинированно»¹³. Заканчивается этот первый вариант так же, как повесть Пушкина, счастливым воссоединением Маши Мироновой и Петра Гринева — тоже вполне пушкинских. Таким образом, романтическая линия была подвергнута переделке после пересмотра линии восстания, когда стала ясна необходимость последовательной опоры на классовый подход.

Шкловский много времени посвятил исследованию подоплеки и социально-экономических причин восстания¹⁴: отсюда появившиеся в сценарии эпизоды, характеризующие экономическое положение региона в описываемый период:

¹⁰ Тарич Ю. В., Шкловский В. Б. «Капитанская дочка»: киносценарий, монтажные листы, либретто, список литературы, сводка работы по фильму. 1927–1928 гг. // РГАЛИ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 45. Л. 120.

¹¹ Там же. Л. 121.

¹² Шкловский В. Б. Капитанская дочка. С. 8.

¹³ Тарич Ю. В., Шкловский В. Б. «Капитанская дочка». Л. 111–115.

¹⁴ В данном аспекте можно найти параллели с публиковавшимся в то же время исследованием «Материал и стиль в романе Льва Толстого “Война и мир”», в котором Шкловский отошел от анализа внутреннего содержания в сторону экономических реалий.

«Ковыльная степь. Маша идет, раздвигая траву руками, смотрит. Гарнизонные солдаты в треуголках пашут степь — на зябь, под озимь. (Впечатление огромной фактории)»¹⁵.

Еще одним способом введения экономического элемента в сценарий является изменение мотивировок персонажей при сохранении внешней канвы событий. Первый вариант сценария начинался с картины тяжелой жизни крестьян при крепостном праве и сна Гринева-отца, где он видит покушение на свое поместье могущественного соседа Орлова. Проснувшись, старик полон решимости послать сына не в столицу, а в Оренбург — «край бесконечных возможностей колонизации, с целью добиться необходимой информации об этом крае»¹⁶.

Действие классического сюжета постоянно прерывается сценами в Петербурге. Таким способом происходит смещение акцента с маленькой личной истории, «семейной хроники» Гриневых на уровень исторического полотна. Через монтаж разноплановых явлений, связывающихся в сознании зрителя, конструируется контекст восстания. В фильме Екатерина II больше озабочена своими адюльтерными делами, чем разворачивающимся в ее стране бунтом. В характеристике, данной ей Шкловским, заметны иронические нотки: «любит мужчин и кофе», «в Германии была бы довольно “честной женой”», «к любовникам... относится очень внимательно, подчиняется им»¹⁷.

По Шкловскому выходило, что императрица удовлетворяла просьбу Маши Мироновой не из доброты, а желая заполучить себе нового любовника. В сцене, идущей вслед за аудиенции Маши у императрицы, с Гринева спадают кандалы, и его тотчас же «одновременно бреют, чешут, моют»¹⁸. Затем он приходит ночью в спальню Екатерины, чтобы его «проверила» пробир-дама Перекусихина, а утром уходит, так и не допущенный к телу царицы с вердиктом «ничего особенного».

Шкловский объяснял эту вставку тем, что «выпустить такую благодетельную даму, которая спасла Гринева, потому что была очень добродетельна — исторически было нельзя»¹⁹. Режиссер Юрий Тарич рассказывал, что в изначальном варианте все было гораздо откровен-

¹⁵ Шкловский В. Б. Капитанская дочка. С. 30.

¹⁶ Тарич Ю. В., Шкловский В. Б. «Капитанская дочка». Л. 111–112.

¹⁷ Шкловский В. Б. Капитанская дочка. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 64.

¹⁹ Протоколы и стенограммы обсуждений фильма Ю. В. Тарича «Капитанская дочка». 16 августа 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 103. Л. 28.

нее: «Спальня Екатерины, она лежит на кушетке, распустив волосы, а Гринев подползает к ней на коленях, она принимает его в свои объятия, и в них стреляет амур»²⁰. Впрочем, даже аскетично поданный адюльтерный эпизод вызвал шквал критики уже на стадии предварительных просмотров: «почему вдруг вся социальная сущность восстания выявилась в такую, с позволения сказать, похабщину», «вряд ли введение такого элемента желательно в фильме, берущемся осветить серьезную историческую тему»²¹, «у зрителя же остается в памяти: ...сластолюбивые похождения Екатерины»²².

Нарочитая вульгаризация, с одной стороны, вступает в противоречие с заявленной фактурой большой истории и отходом от любовной линии. С другой стороны, она мотивируется дистанцией между материалом Пушкина и методом Шкловского. Он не впервые применяет здесь прием остранения — намеренного отхода от привычного значения, причем на уровне как объекта, так и метода. Бульварное разрешение конфликта, таким образом, делает классику понятной и провоцирует современность признать, что ее интересует именно «сниженная» трактовка.

Шкловский был не одинок. Так, в 1927 г. состоялась премьера спектакля «Ревизор» в постановке Игоря Терентьева. Режиссер не только намеренно уходил от натурализма в актерской игре, декорациях и костюмах, но и скандализировал и огрублял многие моменты в пьесе. В одной из сцен Хлестаков запирается с Марьей Антоновной в туалете — под одобрительные реплики Городничего («Вона, как дело-то пошло!»). Присутствовали также намеки на сексуальный контакт между Хлестаковым и Городничим²³. Даже если Шкловский не видел спектакль, он точно слышал отзывы о нем, да и в целом ввод эротики в классическое произведение как способ модернизации материала был в духе первого революционного десятилетия²⁴.

Говоря о работе Шкловского над сценарием, также нельзя не упомянуть внимание, которое он оказывал материальной сфере — и не

²⁰ Протоколы и стенограммы обсуждений фильма Ю. В. Тарича «Капитанская дочка». 24 августа 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 103. Л. 101.

²¹ Там же. Л. 3, 109.

²² Н. В. «Капитанская дочка» // Известия. 1928. 25 сент.

²³ *Деполь Ж.* Заумный «Ревизор» Терентьева // Н. В. Гоголь и театр: Третьи Гоголевские чтения / под ред. В. П. Викуловой. М., 2004. С. 230–240.

²⁴ См.: *Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, NJ, 1997.

просто предметам быта, но значимым деталям, рельефно вскрывающим контекст эпохи. В списке книг, необходимых для разработки темы, Шкловский особенно выделял «Жизнь и приключения Андрея Болотова»: «Вещь капитальная, нужная для всех лент по истории Екатерины. Много бытовых подробностей»²⁵.

Впрочем, верность бытовым деталям не спасла картину от сокрушительного провала. Режиссер Юрий Тарич позже писал в автобиографии, что «был оглушен» критикой и «надолго закаялся ставить исторические фильмы»²⁶. Свои разногласия с режиссером Шкловский называл одной из причин неудачи постановки. Он писал, что, «к сожалению, сценарий был снят не так, как задуман»²⁷, жаловался на многочисленные переделки сценария: «...пора оставить это хоровое пение и пора снимать то, что пишут и с чем согласился Худ. Совет», «сценарий переделывается, потом вешают собак и таким образом отталкивают культурных людей от кино»²⁸. Одним из важнейших недостатков постановки Шкловский считал отсутствие иронии: «Тарич — реалистический режиссер»²⁹, а сценарий же «в основе своей... ироничен»³⁰.

Если Тарич быстро открестился от неудачной картины, то Виктор Шкловский в 1929 г. еще пытался оправдывать свою работу: «Я думаю, что вина за сценарий лежит не на мне одном»³¹. Он пытался донести до зрителей и читателей свой оригинальный замысел: «Я свои сценарии издаю, издам и сценарий Капитанской дочки, потому что трудно смотреть чужой сценарий»³². Однако спустя десять лет он уже однозначен в признании промахов экранизации и своего сценария, причем настолько, что предлагает переснять ленту в звуке, «точно следуя пушкинскому тексту и удаляя только явные нецензурные места»³³.

²⁵ Тарич Ю. В., Шкловский В. Б. «Капитанская дочка». Л. 120.

²⁶ Цит. по: Красинский А. В. Юрий Тарич. М., 1971. С. 74.

²⁷ Шкловский В. Б. Капитанская дочка. С. 9.

²⁸ Протоколы и стенограммы обсуждений фильма Ю. В. Тарича «Капитанская дочка». 16, 24 августа 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 103. Л. 26, 62.

²⁹ Там же. Л. 38.

³⁰ Шкловский В. Б. Капитанская дочка. С. 9.

³¹ Там же. С. 5.

³² Протоколы и стенограммы обсуждений фильма Ю. В. Тарича «Капитанская дочка», 16 августа 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 103. Л. 25.

³³ Шкловский В. Б. Письмо в редакцию // Литературная газета. 1937. 2 янв.

На волне пышного празднования пушкинского юбилея было небезопасно защищать радикальную переделку классика: в 1937 г. вышла статья, в которой Шкловский рассуждал об ошибках, сделанных им в инсценировке повести. В ту пору над Шкловским снова сгустились тучи, и жанр покаянной статьи, уже хорошо знакомый писателю, был одной из опробованных мер. Хотя если вчитаться в текст статьи, становится заметно, что, при формальном признании ошибок, структурные элементы сценарного замысла «Капитанской дочки» Шкловский считал обоснованными³⁴. Что лишний раз доказывает правоту тех, кто не абсолютизирует внешний прессинг в истории кризиса формализма³⁵.

В 1945 г. Шкловский все еще активен в применении покаянной риторики к своим кинематографическим опытам с пушкинским текстом. «Что я сделал с «Капитанской дочкой» Пушкина — по ночам снится!»³⁶ Однако если учитывать характерную для Шкловского «раздвоенность» мнений, публично высказываемого и личного, можно предположить, что эта самокритика оставалась в основном ритуальной. Владимир Огнев вспоминал, как в конце 50-х гг. рассказал Шкловскому о замысле поставить «Хаджи-Мурата», на что тот вдохновился и показал свою сценарную заявку на экранизацию повести Толстого. Огнев пишет, что либретто Шкловского «к повести Толстого... не имело никакого отношения. Как поставить головоломные парадоксы в кино, в современной эстетике, было непонятно»³⁷.

Таким образом, несмотря на то, что «Капитанская дочка» во многом останется в истории кинематографа неудачным и забытым фильмом, она является одним из свидетельств бурного десятилетия советского авангарда, с его свободным обращением с классикой, и ярким примером политики актуализации исторического и литературного нарратива в русле советской идеологии.

³⁴ Шкловский В. Б. Сценарий «Капитанская дочка» // Искусство кино. 1937. № 2. С. 47.

³⁵ Sheldon R. Reply to Victor Erlich // Slavic Review. 1976. Vol. 35. No. 1. P. 119–121.

³⁶ Цит. по: Левин Е. В. Экранизация: историзм, мифография, мифология // Экранные искусства и литература. Звуковое кино / под. ред. Ю. А. Богомолова. М., 1994. С. 90.

³⁷ Огнев В. Ф. Амнистия таланту // Знамя. 2000. № 8. С. 164.

Ринат Ишмухаметов

Иркутский государственный университет
факультет истории, студент 4 курса
rinat.ismyhametov@gmail.com

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЛАСТНЫЕ ПРАКТИКИ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ (1948–1957)

Послевоенный период в Советском Союзе был связан с некоторыми послаблениями в отношении верующих. Вопреки ожиданиям, религия не исчезла из жизни советских людей и сохранялась, несмотря на репрессивные меры против верующих и религиозных институтов. При этом, хотя различные антирелигиозные практики имели место на протяжении всего советского периода¹, интенсивность и характер мер, принимаемых «на местах», сильно разнились в зависимости от конкретного региона. Изучение региональной специфики деятельности местных властей в отношении верующих, с одной стороны, и ответных стратегий верующих, с другой, может многое сказать об особенностях как религиозной жизни, так и собственно властных практик в СССР.

В настоящей работе меня интересует следующий вопрос: как в послевоенный период складывались отношения между советской властью и мусульманскими общинами в Иркутской области в свете изменений общей политики власти в отношении верующих и почему, несмотря на многочисленные общины мусульман в области до революции, после войны по инициативе верующих была открыта всего одна мечеть? В качестве материала были выбраны два кейса: попытка открытия мечети в двух городах Иркутской области — Усолье-Сибирском и Черемхово.

История мусульманских общин на территории Иркутской области в целом остается малоизученной. Многочисленные исследования религиозной жизни населения Иркутской области в разные историче-

¹ *Сосковец Л. И.* Антирелигиозные практики советского государства: Цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (35). Ч. II. С. 179.

ские периоды, начиная с XVII в., преимущественно посвящены изучению православия и старообрядчества². Значительная работа была проделана Г. А. Бобковой, описавшей в своей книге «Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX — начало XX в.)» жизнь татарского населения, а также многие аспекты религиозной жизни мусульман города Иркутска. Материал, касающийся социально-экономического положения мусульман на территории Восточной Сибири в целом и Иркутской области в частности, широко представлен в монографии Н. А. Константиновой «Мусульмане на территории Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX веков». При этом до самого недавнего времени не существовало исследований, посвященных кавказским горцам, проживавшим в Иркутске в конце XIX — начале XX в.³ Религиозная жизнь мусульман Иркутской области в середине — второй половине XX в. до сих пор не описана.

Самое раннее упоминание о мечети в Иркутской губернии относятся к 1772 г. Мечеть находилась в селе Новоямском, куда иркутские мусульмане ездили на праздники молиться⁴. Мусульманские общины на территории Иркутской области в дореволюционный период существовали также в селах Голуметь, Залари, Кутулик, Слюдянка, Александровское, Олонки, Манзурка, Тайшет, Нижняя Слобода, Тракт Кавказ, на переселенческих участках Кулиш, Тарей, Черемшанский, Чернореченский, Чичиковский, Ново-Утямишинский, Харагун, Шаховский, в городах Нижнеудинске и Иркутске⁵. В интересующих нас в рамках данного исследования населенных пунктах — Черемхово и Усолье-Сибирском — мечети были построены в 1895–1905 гг. Первая мечеть в Черемхово была открыта в 1901 г. и функционировала вплоть до 1929 г.⁶ Архивных данных об открытии и закрытии

² Дулов А. В. Изучение истории конфессий на территории Иркутской области в XIX — начале XXI вв. // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года: материалы. Иркутск, 2008. С. 41–52.

³ В настоящее время готовится к публикации статья Максима Кудели, посвященная погромам «черкесов» в Глазковском предместье Иркутска в 1906 г.

⁴ Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 767. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

⁵ Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX — начало XX в.). Иркутск, 2009. С. 130.

⁶ ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Ед. хр. 50. Л. 61.

мечети в городе Усолье-Сибирском не сохранилось⁷, но в документах конца 1940-х гг. упоминается *«здание мечети — каменное, специальное, но требующее большого ремонта»*⁸.

В городе Усолье-Сибирском история открытия мечети оказалась очень короткой, но весьма показательной. В начале марта 1946 г. местные мусульмане подали ходатайство в горисполком с просьбой открыть мечеть⁹ и приложили списки верующих, включающие 50 человек¹⁰. Ранее здание нефункционирующей мечети хотели разобрать и использовать в строительных целях, но исполнительный комитет Усольского городского совета категорически запретил разрушение и постановил *«передать мечеть верующим татарам»*¹¹. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов Иннокентий Трофимович Житов писал в Москву 30 марта 1946 г.: *«...по-моему мнению, имеются все данные для открытия мечети: 1) заключение исполкома 2) ходатайство мусульман 3) список двадцатки 4) письмо исполкома Усольского горсовета»*¹². СДРК давал разрешение на открытие мечети при условии, что мусульмане самостоятельно проведут ремонт здания, требующего капитального ремонта, о чем общине сообщил уполномоченный¹³. Тем не менее на собрании мусульман в июле 1946 г. было принято решение *«от мечети отказаться в связи с непосильным ремонтом»*¹⁴, и на этом дело было прекращено. Мечеть в Усолье-Сибирском была открыта а только в 2000 г.

Обстоятельства этого дела и его конечный исход позволяют сделать ряд выводов: во-первых, местные власти не противодействовали открытию мечети, в том числе прямо запретили снос здания до выяснения позиции местных мусульман; во-вторых, уполномоченный и СДРК также никак не препятствовали открытию мечети, выдвинуто было только одно условие — самостоятельный ремонт здания. В то же время списки, поданные мусульманами в горисполком и уполномоченному, позволяют сделать следующий вывод: либо количество мусульман в Усолье-Сибирском было минимальным, либо активных

⁷ Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии. С. 133.

⁸ ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Ед. хр. 48. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2–3.

¹⁰ Там же. Л. 10–11.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 12.

среди них было немного. В списках значатся в основном пожилые люди — неработающие пенсионеры¹⁵. Представляется сомнительным, что СДРК целенаправленно поставил условие, которое нельзя было выполнить. Скорее в Усолье-Сибирском отсутствовал запрос со стороны верующих мусульман как на официальную регистрацию общины, так и на реставрацию здания мечети. Описанный сюжет резко контрастирует с процессом, происходившим примерно в это же время в городе Черемхово, расположенном в 70 километрах от Усо́лья-Сибирского.

Первое ходатайство о регистрации общины и открытии мечети мусульмане Черемхово подали в 1946 г.¹⁶ К ходатайству прилагался список верующих, включавший 264 человека в возрасте от 20 до 80 лет¹⁷. На собрании в 1947 г. был избран мулла¹⁸. Изначально, как и в случае с Усольем-Сибирским, ходатайство рассматривалось положительно и местными властями¹⁹, и Советом по делам религиозных культов²⁰. Однако в 1948 г. срочной телеграммой из СДРК иркутскому уполномоченному было предписано *«приостановить деятельность общины, после изучения обстоятельств Совет даст указания»*²¹. В том же году от ДУМЕС мусульманская община получила постановление *«об утверждении на должность имама / муллы Фазлиева Зайнуллы»*, избранного общиной на специальном собрании²². Неясно, почему в постановлении фамилия муллы *Фазлиев* — в сохранившихся отчетах горисполкому²³ он называет себя Рангулов.

Зайнулла Рангулов (1884–1971) был последним указным муллой деревни Янсайтово недалеко от Уфы²⁴. Согласно ревизионной записке 1816 г., Рангуловы были потомственными муллами в Янсайтово²⁵.

¹⁵ ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Ед. хр. 48. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 15.

¹⁷ Там же. Л. 2–14.

¹⁸ Там же. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 28.

²⁰ Там же. Л. 41.

²¹ Там же. Л. 47.

²² Там же. Л. 50.

²³ Материалы хранятся в частном архиве родственников Зайнуллы Рангулова в г. Черемхово.

²⁴ История башкирских родов: Унлар / *Хамидуллин С. И.* [и др.]. Уфа, 2014. Т. 4. С. 106.

²⁵ Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 165. Л. 510.

Зайнулла Рангулов был раскулачен в 1931 г. и вместе со всей семьей выслен за пределы Башкирии²⁶. В Черемхово до сих пор проживает дочь Зайнуллы — Нихая Аюпова (1922 г.р.). Таким образом, первым муллой в Черемхово после войны и вплоть до 1972 г. был бывший указной мулла, обучавшийся, по утверждению его дочери, в медресе города Белебей. При этом постановление ДУМЕС — это единственный документ из архива уполномоченного, где упоминается Зайнулла.

С этого времени верующие каждый год подают ходатайства²⁷, трижды прилагают списки верующих, в среднем по 400 человек²⁸. Обращения с течением времени изменяются по форме, содержанию и адресату: первое, сразу после прекращения оформления общины, адресовано в горисполком и содержит просьбу о возвращении старого здания мечети; также мусульмане предлагают обеспечить жильем семьи, проживающие в нем²⁹. В обращении 1949 г., адресованном непосредственно уполномоченному И. Т. Житову, мусульмане жалуются, что мулла назначен, и в том числе просят разрешить им *«молиться в чистом поле на окраине города»*³⁰. С 1951 г. в обращениях появляется просьба построить или купить дом на свои средства специально под нужды общины³¹. Отдельно стоит отметить, что весной 1956 г. (12.03.1956 г. и 2.04.1956 г.) мусульмане написали два письма председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову примерно схожего содержания — с просьбой разрешить открытие мечети *«в соответствии с советскими законами»*³². Ответ был получен 27 октября 1956 г., однако в иркутском архиве хранится лишь конверт от письма из Москвы.

Уполномоченный, судя по всему, не имел намерения препятствовать регистрации общины в отсутствие четких указаний сверху. В частности, в 1955 г. И. Т. Житов писал в СДРК *«я всякий раз отклоняю их просьбу под тем или иным предлогом»* и просил дать ему четкие инструкции, поскольку у него заканчивались поводы для отказов³³.

²⁶ История башкирских родов. С. 50.

²⁷ ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Ед. хр. 49. Л. 45.

²⁸ Там же. Л. 49.

²⁹ Там же. Л. 51.

³⁰ Там же. Л. 53.

³¹ Там же. Л. 55.

³² ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Ед. хр. 50. Л. 32.

³³ Там же. Л. 3.

Важно также отметить, что на партийных собраниях Черемховского райкома и горкома вопрос о мечети не поднимался. Единственная тема собрания, связанная с религией, за период 1946–1957 гг. — *«участие коммунистов в религиозном обряде родительский день»*³⁴. То же касается и областного исполнительного комитета партии. Религиозная проблематика затрагивается только в контексте проведения научно-популярных, реже конкретно антирелигиозных лекций, причем регулярно отмечается низкий уровень подготовки пропагандистов для проведения подобных мероприятий. Отдел пропаганды и агитации Иркутского обкома, по крайней мере, исходя из сохранившихся документов, антирелигиозной работой в отношении мусульман в интересующий нас период не занимался.

В конце 1955 г. мусульмане в Черемхово на свои средства, собрав 17 тысяч рублей, купили дом³⁵. Затем верующие вновь подали прошение уполномоченному о регистрации общины и вновь получили отказ *«на основании Постановления № 259... так как не имели здания до 17.02.1955»*, о чем И. Т. Житов предоставил справку в СДРК³⁶. Однако 19.03.1956 г. из СДРК пришло письмо с критикой справки и указанием зарегистрировать общину, *«если здание соответствует нормам»*³⁷. Летом того же года горисполком объявил возведенный к дому-мечети пристрой незаконным, поскольку *«разрешено было пристраивать гр. Галимутдинову, а фактически пристрой произведен Галимутдиновой»*, и направил заявление в Черемховскую прокуратуру³⁸. Тем не менее никакого делопроизводства прокуратура не начала, а мечеть фактически заработала. В начале 1957 г. областной исполнительный комитет удовлетворил ходатайство об открытии дома-мечети, также была зарегистрирована и община³⁹.

Ранее И. Т. Житов отправил в совет отчет с предложением зарегистрировать мечеть и общину⁴⁰. Аргументировал он это тем, что из-за отсутствия одной зарегистрированной общины *«развивается вражда и неприязнь среди мусульман, что может привести к усилению ре-*

³⁴ Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 127. Оп. 67. Д. 39. Л. 13.

³⁵ ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Ед. хр. 50. Л. 38.

³⁶ Там же. Л. 46.

³⁷ Там же. Л. 48.

³⁸ Там же. Л. 57.

³⁹ Там же. Л. 60.

⁴⁰ Там же. Л. 62.

лигиозного фанатизма»⁴¹. Там же он писал: «появились группы мусульман в Гришиevo, Заводском и Третьей колонии, где муллы Белялов и Карымов группируют вокруг себя верующих в корыстных целях».

Этот отчет, несмотря на идеологическую нагруженность, многое говорит о внутренней организации мусульманской общины Черемхово. По всей видимости, в относительно отдаленных друг от друга рабочих поселках при шахтах, населенных в основном мусульманами, были свои муллы и относительно автономная религиозная жизнь. Косвенно это подтверждается и тем, что одно из сохранившихся обращений с просьбой «разрешить проведение праздника Ураза-байрам» было направлено в горисполком Черемхово от группы мусульман поселка им. Дзержинского⁴² в 1952 г.⁴³ Видимо, это и интерпретировалось уполномоченным как раскол среди мусульман.

Устные источники говорят о традиции выборов общего муллы из числа мулл отдельных поселков. Неясно, существовала ли такая практика в довоенные годы, однако после того как был поднят вопрос о восстановлении мечети, Зайнулла Рангулов был выбран в качестве общего муллы, но своего преемника он назначил уже сам. Им стал Абдрахман Гиниатулин (1907–1983). Семья А. Гиниатулина была раскулачена в Башкирской АССР, но он сумел избежать ареста и впоследствии оказался в Иркутской области. С 1972 г. А. Гиниатулин стал имамом Черемхово, а в 1983 г. его сменил назначенный им преемник — Мухаматзя Вафин. Никто из мулл Черемхово не имел учеников и не передавал свои знания. М. А. Зайнагабдинова, дочь А. Гиниатулина, рассказывает, что это был сознательный выбор старшего поколения, считавшего опасным передавать свои знания из-за страха перед репрессиями со стороны государства.

Черемховский случай очевидным образом отличается от случая Усолье-Сибирском. В Черемхово явно существовала необходимость в восстановлении мечети, причем связанная не только с большим количеством проживавших там мусульман. Это стало для общины важным делом и заняло более десяти лет. Показательно, что в своих обращениях мусульмане апеллировали к советскому законодательству и даже писали напрямую председателю Президиума Верховного Совета. Фактически община под надзором контролирующих органов, но без их разрешения (как и запрещения) самостоятельно организо-

⁴¹ Там же. Л. 63.

⁴² Административно — часть г. Черемхово.

⁴³ ГАИО. Ф. Р-2951. Оп. 3. Ед. хр. 49. Л. 56.

вала дом-мечеть. Однако больший интерес представляет не незарегистрированная деятельность, а, напротив, стремление общины именно к формальному закреплению своего статуса.

Исходя из вышеописанных материалов, можно сделать вывод, что в Иркутской области, несмотря на достаточно многочисленные мусульманские общины в дореволюционный период, к середине XX в. среди мусульман существенно снизился (или, скорее, полностью исчез) спрос на организацию в форме религиозных общин, тем более официальных. Это могло произойти из-за того, что религиозная община была успешно заменена другими, советскими формами организации социальной жизни. Возможно и то, что где-то общины могли сохранить относительную автономность и передачу исламского знания в виде низовой религиозности, ввиду весьма слабого контроля со стороны партийных и советских органов, как это произошло, например, в мордовской деревне Белозерье⁴⁴. Случай Черемхово скорее является исключением, связанным с травматичным опытом духовных лидеров местных мусульман, стремившихся к легальным формам существования общины, опасаясь новых репрессий. Скорее всего новые формы социальной жизни сочетались с сохранением низовой религиозности, однако для воссоздания более полной и точной картины необходимо дальнейшее изучение в том числе и частной памяти, поскольку зачастую архив уполномоченного дает неполную и обрывчатую информацию.

⁴⁴ Миннуллин И. Р. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды // Историческая этнология. 2016. Т. 1. № 1. С. 126.

Яна Китаева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
департамент истории, студентка 4 курса
kitaevayana@gmail.com

О «ПРАВДЕ» В СОВЕТСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

В нашумевшей книге Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось...»¹ автор усматривает изменение формы и содержания политического языка (смену политического дискурса) с фигурой М. С. Горбачева. Однако нельзя сказать, что внешнеполитический курс периода перестройки, по крайней мере ее раннего периода, являлся безраздельным новаторством нового генсека. Напротив, многие внешнеполитические интенции брежневского времени говорят о том, что внешняя политика перестроечного времени зачастую была продолжением риторики 60–70-х гг. Если А. Юрчак утверждает, что именно с приходом к власти Горбачева и началом перестройки началась и смена политического дискурса в СССР², то идеи и словосочетания, использованные в доперестроечных речах, нивелируют роль Горбачева как абсолютного новатора.

Однако, действительно, с Горбачевым идейное содержание некоторых понятий в речах, касающихся внешнеполитических вопросов, не только самого генерального секретаря, но и министров иностранных дел, изменилось. Данное исследование ставит своей целью анализ текста и контекста речей генеральных секретарей и министров иностранных дел и выявление трансформации идейного содержания понятия *правда* в источниках. Материалом для данного исследования выступили преимущественно речи М. С. Горбачева³ и

¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось...: Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

² Там же. С. 570–575.

³ Большая часть речей Горбачева опубликована в: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи: Т. 1–7. М.: Политиздат, 1987–1990; Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление: Для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988.

Э. А. Шеварднадзе (опубликованные в основном на страницах газеты «Правда»). Они сравниваются с некоторыми речами Л. И. Брежнева⁴, Ю. В. Андропова⁵ и А. А. Громыко⁶.

Рассматривая речи генерального секретаря и министра иностранных дел СССР второй половины 1980-х гг., удалось выделить паттерн изменения советского авторитетного дискурса в период перестройки на примере концепта *правды* во внешнеполитическом дискурсе. Разумеется, впервые заговорили о *правде* вовсе не в период перестройки. Однако «искренность» во внешнеполитических делах не провозглашалась. В брежневский период *правда* являлась идеологическим догматом. О *правде* во внешней политике говорилось в основном в контексте противопоставления оппозиционным и «лживым» империалистическим / буржуазным режимам:

Наступательность такой борьбы — это, конечно, не только разоблачение лживости буржуазной пропаганды и даже не только показ порочности и исторической обреченности империализма. Это, разумеется, необходимо делать, и это очень важно. Но самое главное, чем мы сильны и что делает нашу позицию в идеологической борьбе действительно наступательной, — это великая правда исторического развития, которая на нашей стороне, которую представляем именно мы, наш социалистический строй, наша программа строительства коммунизма, те идеалы, за которые мы боремся⁷.

Правда — это не соотношение реального положения дел с их описанием, но это то, что являлось правильным в рамках существующего режима: «правда исторического развития...», «правда великого учения Маркса—Энгельса—Ленина...»⁸ В речах Андропова также ни разу не звучала тема «искренности» в международных отношениях.

⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: речи и статьи. В 9 т. М.: Политиздат, 1970–1982.

⁵ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1983.

⁶ Громыко А. А. Ленинским курсом мира: избранные речи и статьи. М., 1984.

⁷ Брежнев Л. И. Речь на XX Ленинградской областной партийной конференции. 16 февраля 1968 года: Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 2. 1970. С. 178.

⁸ Брежнев Л. И. Речь на VIII съезде Социалистической единой партии Германии. 16 июня 1971 года: Там же. Т. 3. 1972. С. 395.

Интересно заметить, что использование слова «правда» очевидным образом являлось отсылкой к ленинскому наследию. Причем отсылка к Ленину была релевантна для всех рассматриваемых периодов. Однако, если, например, в брежневский период декларировалась ориентация на ленинскую искренность⁹, не было призывов осуществлять подобную правдивость в международных делах. К осуществлению такой политики приступили только при Горбачеве. А. Юрчак отмечает в своей монографии, что в перестройку имели место апелляция к «истинному Ленину» и призыв «очистить» партийное учение от «налета» тоталитаризма¹⁰. Действительно, во многих речах второй половины 80-х гг. XX в. генеральный секретарь ЦК КПСС обращается к Ленину (особенно это актуально для тем «искренности» и «человечности» в международных отношениях)¹¹. С другой стороны, здесь еще раз необходимо отметить, что любой политический курс генсека вписывался спичрайтерами в логику марксизма-ленинизма (например, у Сулова был целый шкаф, наполненный цитатами и «выжимками» из Ленина на абсолютно любую тему)¹².

Ориентация на *правду* во внешнеполитическом дискурсе второй половины 1980-х гг. означала установку на описание реалий современности, т. е. того, что соответствует действительности. Так, само понятие *правды* в речах генеральных секретарей и министров иностранных дел СССР претерпело трансформацию с 1985 г. «Правдивость» как принцип «нового политического мышления» генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев раскрывает во множестве своих речей¹³:

⁹ *Брежнев Л. И.* «Дело Ленина живет и побеждает»: доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. 21 апреля 1970 года: Там же. Т. 2. С. 562.

¹⁰ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. С. 577.

¹¹ *Колесников А.* Спичрайтеры: Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. М., 2009. С. 134.

¹² *Шахназаров Г.* С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001. С. 176.

¹³ См., например: *Горбачев М. С.* Речь на митинге чехословацко-советской дружбы. 10 апреля 1987 года: *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи: В 7 тт. М., 1987–1990. Т. 4. 1987. С. 169–172; *Горбачев М. С.* Участникам и гостям Шестой московской международной книжной выставки-ярмарки. 9 сентября 1987 года: Там же. Т. 5. 1988. С. 79–83; *Горбачев М. С.* Выступление на обеде, данном Президиумом Социалистической республики Сербии и Президиумом ЦК Союза Коммунистов Сербии в честь генерального се-

*И там и здесь нужна правда. Единство слова и дела, честность и открытость в политике вот в чем мы видим ключ к решению стоящих перед нами непростых задач*¹⁴.

В перестроечное время происходит трансформация термина, и *правда* — это не идеологически ангажированный концепт, это именно то, что соответствует действительности, это истина. Все взаимоотношения между государствами, по мнению генсека и его команды, должны были строиться на «трезвой и разумной оценке повседневности», сообща, в «атмосфере всеобщего доверия». Так, для подтверждения серьезности своих намерений в отношении ядерного разоружения и повышения доверия международного сообщества Советским Союзом был принят мораторий на любые виды испытаний ядерных боеголовок¹⁵. Более того, стоит отметить, что новый генеральный секретарь первым выделяет «полуправду» как опасный элемент во внешнеполитическом диалоге между странами¹⁶. И в данном случае «полуправдой» не является отступление от марксистско-ленинской идеологической линии, напротив, это идеологическое искажение реальных фактов.

Провозглашение принципа гласности и честности как части «нового политического мышления» вместе с Горбачевым¹⁷ разделил и но-

кретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. 16 марта 1988 года: Там же. Т. 6. 1989. С. 119–131. См. также: *Горбачев М. С.* Реальность и гарантии безопасного мира // *Правда*. 1987. № 260, 17 сент.

¹⁴ *Горбачев М. С.* Речь на митинге румыно-советской дружбы. 26 мая 1987 года: *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 5. С. 97.

¹⁵ Односторонний мораторий действовал с 29 июля 1985 года и был несколько раз продлен. В итоге мораторий был отменен только 26 февраля 1987. Риторика СССР противопоставляла этот жест доброй воли «империалистической политике США», чем возбудила международный интерес к проблеме ограничения и уничтожения ядерного оружия. В частности, лидеры многих стран начинают писать обращения М. С. Горбачеву, в которых они выражают солидарность с политикой советского руководства. См., например: *Горбачев М. С.* Ответ на совместное послание лидеров Аргентины, Индии, Мексики, Танзании, Швеции и Греции: Там же. Т. 3. С. 288–289.

¹⁶ См., например: *Горбачев М. С.* Речь на митинге румыно-советской дружбы. 26 мая 1987 года: Там же. Т. 5. С. 93–104.

¹⁷ Еще о *правде* в мировой политике генсек говорил в связи с пластом мировых проблем, вокруг которых, по его мнению, должно консолидироваться мировое сообщество. Это, например, проблемы экологии, распространения СПИДа, терроризма и других. См.: «Главное теперь — практическое осу-

вый министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. Сам Шеварднадзе и его команда тоже неоднократно подчеркивали ценность нравственного, доверительного подхода к решению вопросов на международной арене¹⁸. Ориентация на честную политику подчеркивается в дневниках спичрайтера мининдела Т. Г. Степанова-Мамаладзе. Через министра иностранных дел Горбачев также трансформировал «лицо» и язык советской внешней политики. Действительно, в дневниках помощника Шеварднадзе, Т. Г. Степанова-Мамаладзе можно найти много размышлений насчет того, что общечеловеческая правда и искренность теперь должны занимать первое место в отношениях СССР с другими странами¹⁹.

Чуждая раннему советскому внешнеполитическому курсу ориентация на *правду*, действительно, была очень нова для СССР. И, казалось бы, изменение идейного содержания концепта *правды* во внешнеполитическом дискурсе определило удаление идеологизированного налета с этого термина. Однако эти совершенно новые смыслы Горбачев и его команда тщательно пытались вписать в логику обновленного социализма. Возможно, этот аспект мог бы явиться доказательством «трансформации политического дискурса» в Советском Союзе. Этот тезис выводит и А. Юрчак в своей монографии, базируясь на совершенно иных источниках. Он пишет о том, что во время Горбачева реальность времени («правда») и языковые формулировки наконец совпали, создав при этом «парадокс Лефора». Действительно, создавая реальность «нового политического мышления», команда Горбачева и сам генсек пытаются реконструировать идеологию социализма под действительные (правдивые) реалии международных отношений. Новое политическое мышление, воплощавшееся в реальные политические действия, привело к кардинальным

шествование задач перестройки» (*Горбачев М. С.* Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 1 октября 1987 года: Там же. Т. 5. С. 300–310.

¹⁸ См., например: *Шеварднадзе Э. А.* Выступление главы советской делегации в ООН // *Правда. 1987.* № 268, 25 сент. С. 4; *Шеварднадзе Э. А.* Позитивный диалог // *Правда. 1988.* № 19, 19 янв. С. 4; *Шеварднадзе Э. А.* В дружеской атмосфере // *Правда. 1988.* № 22, 22 янв. С. 4; *Шеварднадзе Э. А.* // *Правда. 1988.* № 105, 14 апр. С. 4.

¹⁹ *Степанов-Мамаладзе Т. Г.* Записи о Чернобыльской катастрофе // *Степанов-Мамаладзе Т. Г.* Дневники: Т. 1–9: 1985–1991 (Hoover Institution Archive. Collection 2000C91. Box 5). Т. 2. Записи с 9 по 26 мая, 20 июня.

переменам на мировой арене: объединению Германий, выводу войск из Афганистана и Европы, существенному продвижению в деле разоружения. И хоть каждый внешнеполитический ход объяснялся в логике марксистско-ленинской теории (об этом свидетельствуют постоянные ссылки на Маркса и Ленина в докладах и статьях²⁰), идеология никогда раньше не подвергалась такому всестороннему переосмыслению и критике, как в период перестройки. Некоторые исследователи полагают, что это и ускорило падение авторитета КПСС. Автор книги «Это было навсегда, пока не кончилось...» констатирует, что с потерей коммунистической партией «авторитетного слова» сработал «парадокс Лефора». Благодаря ему система потеряла легитимность, реальную власть и затем канула в лету.

²⁰ Колесников А. Спичрайтеры. С. 133.

Илья Концевой

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
факультет истории, аспирант 3 курса
ilkontsevoy@gmail.com

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ПЕРИОД «ДОЛГОЙ» РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Революционным событиям 1917–1918 гг. посвящено множество исследований, однако некоторые аспекты данной проблематики так и не получили широкого освещения и детального осмысления. Одним из таких явлений стало взаимодействие большевиков и левых эсеров в рамках системы советской двухпартийности. Формирование советского государства, его центральных органов власти и учреждений местных советов происходило в течение полугода после прихода большевиков к власти в России. В современной историографии введено понятие¹ «долгой» революции 1917 г., которое обозначает период формирования в России государственно-политической системы нового типа на протяжении 1917–1918 гг.

Взаимодействие большевиков и левых эсеров в центральных органах власти и управления в данный отрезок времени подробно изучалось в современной исторической литературе². Однако обобщения и типологизации практик совместной работы двух партий в местных советах на современном этапе развития историографии не проводилось.

Создание политического союза большевиков и левых эсеров, ставшее основой формирования двухпартийности в местных советах центральной России, происходило в турбулентный период революционных преобразований октября–декабря 1917 г. Установление нового типа государственно-политической системы на местах осуществлялось при взаимодействии между большевиками и левыми эсерами.

¹ Так, научный журнал «Вестник Пермского университета» ввел постоянную рубрику под данным названием. URL: <http://histvestnik.psu.ru>.

² *Попова О. Г., Люхундаев М. И.* Левые эсеры и формирование советской государственности // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 124–146.

Будучи представителями леворадикального направления в политическом спектре России, данные партии заключили союз на уровне центральных государственных учреждений, что способствовало укреплению советской власти в губерниях европейской России³. Совместные усилия по ликвидации политической оппозиции Совнаркомом со стороны умеренных социалистических партий позволили большевикам и левым эсерам тесно взаимодействовать в местных советах. К началу 1918 г. им удалось изменить политический состав многих губернских исполкомов советов, исключив из них большинство представителей партии эсеров (правых и центра)⁴. На местном уровне процесс формирования двухпартийности являлся одной из характерных черт «долгой» революции 1917 г., в ходе которой большевики и левые эсеры начали проводить в советах единую политику.

Практика сотрудничества

В процессе повседневной административной работы большевиков и левых эсеров в местных советах одним из самых распространенных типов взаимодействия, в особенности в период формирования двухпартийности, являлось сотрудничество между представителями двух партий. В период формирования советских учреждений в конце 1917 — начале 1918 г. тесное взаимодействие между большевиками и левыми эсерами проявилось особенно ярко. Л. Д. Троцкий, характеризовавший деятельность двух партий в Петроградском ВРК, утверждал, что левые эсеры «работают прекрасно и никаких принципиальных разногласий у нас с ними нет»⁵. Утверждение одного из большевистских лидеров было справедливым и для оценки практик взаимодействия двух партий в местных советах. Так, большевики и левые эсеры на губернских съездах советов принимали совместные резолюции о создании единых советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что часто приводило к формированию двухпартийных губисполкомов. 23–24 февраля 1918 г. на съезде советов Петроградской губернии большевикам и левым эсерам удалось отстранить правых эсеров от руководства губернией и избрать двух-

³ Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М., 1918. С. 142.

⁴ *Ильин Ю. А.* Советская власть и крестьянство: (Октябрь 1917 — март 1919 гг.). Иваново, 1998. С. 29.

⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: документы и материалы. СПб., 2003. С. 573.

партийный губернский исполнительный комитет (ГИК)⁶. На съезде советов Рязанской губернии в феврале 1918 г. формирование ГИК сопровождалось принятием общей резолюции об установлении советской власти⁷. Весной 1918 г. создание двухпартийности, подразумевавшей под собой разделение властных полномочий между двумя партиями в рамках советской государственно-политической системы, окончательно завершилось.

Сотрудничество между двумя партиями в местных советах осуществлялось также в виде применения большевиками и левыми эсерами тактики компромиссов, что являлось одной из главных характеристик советской двухпартийности. Проявлением данной тактики стал обмен должностями между большевиками и левыми эсерами в губисполкомах. Подобную практику применяли большевики в Курском ГИК, где они были вынуждены передать левым эсерам руководство местной Чрезвычайной комиссией, чтобы получить важный пост руководителя Курского губисполкома⁸. Левые эсеры тоже использовали практику обмена должностями. 23 февраля 1918 г. на съезде советов Ярославской губернии левоэсеровская фракция согласилась на передачу земельного отдела в руки большевиков в обмен на более широкое представительство в президиуме губисполкома⁹.

Кроме того, тактика компромиссов между партиями заключалась в отступлении от некоторых пунктов их политических программ или постановлений партийного руководства. Наиболее ярко данное явление проявилось в губерниях Поволжья в период развертывания Гражданской войны в мае–июне 1918 г. Отказавшись от требований введения комитетов бедноты, против которых выступали левые эсеры, в Пензенской и Саратовской губерниях представители РКП(б) согласились принять компромиссные резолюции, в которых комбеды

⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. 11 января — 5 марта 1918 г. М., 1986. С. 289.

⁷ Там же. С. 248.

⁸ Телеграмма члена Курского губисполкома Озембловского в ЦК РКП(б). 31 мая 1918 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 4. Д. 44. Л. 3.

⁹ *Марченкова Н. П.* Тактика блока большевиков с левыми эсерами в период подготовки, победы и развития Октябрьской социалистической революции (на опыте Московской областной парторганизации): дис. канд. ист. наук. М., 1977. С. 145.

не упоминались¹⁰. Причиной этого могло стать значительное влияние левых эсеров в Поволжье и стремление большевиков заручиться их поддержкой в связи с начавшейся Гражданской войной.

Нестабильность двухпартийности: противоречия и конфликты

Существование системы двухпартийности в региональных советах характеризовалось наличием столкновений между большевиками и левыми эсерами, которые имели разную природу. В первую очередь это были конфликты, происходившие на заседаниях губернских и уездных исполкомов советов. Вопрос о представительстве партий в советских органах власти становился главной причиной конфликтов в двухпартийной системе весной–летом 1918 г. Такие конфликты имели место во многих губерниях центральной России и не были связаны со спецификой регионов страны. В мае 1918 г. между большевиками и левыми эсерами возник конфликт в Новгородском губисполкоме, где левые эсеры потребовали себе большинство мест в президиуме. Большевики пытались пойти на компромисс и уговорить левых эсеров отказаться от своих требований, тогда как левые эсеры применили тактику отказа от работы в губисполкоме, которая заключалась в уходе с его заседаний, и объявили о выходе из состава данного органа. В итоге конфликт завершился уступками со стороны левых эсеров, которые отказались от своих требований¹¹. Подобную тактику левоэсеровские фракции использовали в губисполкомах Калужской¹² и Череповецкой¹³ губерний, где конфликты также завершались в пользу большевиков.

Однако далеко не во всех регионах России конфликты большевиков и левых эсеров приводили к уступкам со стороны последних. Так, в апреле 1918 г. в Олонецком ГИК, где большинство мест было у ле-

¹⁰ *Стариков С. В.* Левые социалисты в Великой Российской революции: Март 1917 — июль 1918 гг. (на материалах Поволжья). Йошкар-Ола, 2004. С. 345.

¹¹ Отчет о ходе работы Новгородского губернского съезда советов 26 мая 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 242. Л. 233.

¹² Протокол заседания Калужского губисполкома от 23 января 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 160. Л. 4.

¹³ Протокол заседания Череповецкого губисполкома от 21 июня 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 470. Л. 13.

вых эсеров, большевики в ходе конфликта применили тактику ухода с заседания губисполкома, поскольку левые эсеры выступили против назначения большевика Анохина на пост председателя ГИК. В итоге конфликт был разрешен взаимными уступками двух партий, после чего большевики продолжили работу в губисполкоме¹⁴.

В ряде регионов центральной России двухпартийность характеризовалась наличием конфликтов, которые приводили к расколу между большевиками и левыми эсерами. В особенности такие столкновения были распространены в июне 1918 г., после начала политики продовольственной диктатуры в деревне. В губерниях Центрально-Черноземного региона России в июне 1918 г. взаимодействие партий в местных советах характеризовалось значительной конфронтацией между ними.

В связи с попыткой местных большевиков устранить левых эсеров от проведения продовольственной политики возник конфликт в Воронежском губисполкоме, где левоэсеровская фракция в полном составе покинула его заседание и заявила о выходе из ГИК¹⁵. Местные члены РКП(б) отказались пойти на компромисс с левыми эсерами, чем продемонстрировали жесткую позицию по отношению к своим партнерам по коалиции. Острый конфликт в Калужском губисполкоме в июне 1918 г. также привел к применению левыми эсерами тактики ухода с заседаний с целью оказать давление на фракцию большевиков¹⁶. Раскол губернского съезда советов и острая конфронтация между большевиками и левыми эсерами произошли летом 1918 г. в Ярославской губернии. Местные представители РКП(б), обосновывая рост противоречий в губисполкоме, утверждали, что «назревает конфликт с левыми эсерами, которые стараются изолироваться» от большевиков¹⁷.

Усиление конфронтации внутри двухпартийной системы привело к появлению конфликтов в уездных советах губерний Центрально-Черноземного региона, во многих из которых левые эсеры имели

¹⁴ Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы / сост. Я. В. Леонтьев, М. И. Люхудзаев. М., 2010. Т. 2. Ч. 1. С. 707.

¹⁵ Телеграмма И. Я. Врачева в СНК из Воронежа от 18 июня 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 739. Л. 2–3.

¹⁶ Протокол заседания Калужского губисполкома от 12 июня 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 160. Л. 66.

¹⁷ *Осинова Т. В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 318.

значительное политическое влияние. В уездных советах создание комбедов оказалось особенно затруднительным ввиду сильной оппозиции со стороны левых эсеров. Так, 3 июля 1918 г. на заседании Карачевского уездного исполкома Орловской губернии была принята резолюция левых эсеров против комбедов, что послужило причиной ухода большевиков с заседания¹⁸. Представители РКП(б) применили тактику, аналогичную левоэсеровской, пытаясь повлиять на решение уездного исполкома. Большевики не смогли предотвратить принятие резолюции съездом советов Корочанского уезда Курской губернии, где также преобладали левые эсеры. Утвержденная на съезде резолюция содержала в себе критику создания комбедов¹⁹. В тех уездных исполкомах, где большевикам удавалось настоять на создании комбедов и изъятии зерна у крестьянства, левые эсеры открыто выражали свое недовольство, что оказывало воздействие на совместную работу двух партий, придавая ей конфронтационный характер²⁰.

В губерниях севера России конфликты между двумя партиями были значительными, однако менее острыми. Это объясняется прежде всего меньшим распространением политики продовольственной диктатуры на северные районы России и значительным влиянием левых эсеров в губисполкомах²¹. В данном регионе взаимодействие между большевиками и левыми эсерами было отмечено конфликтами, которые завершались принятием левоэсеровских резолюций по продовольственному вопросу. Подобные события имели место в ряде уездов Вологодской губернии, где большевикам не удалось добиться одобрения декрета ВЦИК и СНК о создании комбедов от делегатов некоторых уездных съездов советов²². В начале июля 1918 г. съезд советов Олонецкой губернии также отверг создание комбедов²³. Тем не

¹⁸ Протокол заседания Карачевского уездного исполкома от 3 июля 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 260. Л. 16.

¹⁹ Протокол заседания Корочанского уездного съезда советов от 21 июня 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 4. Д. 16. Л. 365.

²⁰ Партия левых социалистов-революционеров. С. 223.

²¹ *Смирнова А. А.* Партия левых социалистов-революционеров (эсеров) в октябре 1917–1918 гг.: (На материалах Северной области): дис. канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 277–278.

²² Протокол заседания Вологодского уездного съезда советов от 15 июня 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 83. Л. 14.

²³ Отчет о IV (чрезвычайном) Съезде Советов Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1918. С. 262.

менее в северных губерниях России не было конфликтов, которые бы сопровождались попытками большевиков выйти из советских органов власти.

Кризис советской двухпартийности в региональных органах власти характеризовался возникновением межличностных противоречий, которые имели различные причины и ярко высветили взаимоотношения между представителями большевиков и левых эсеров в местных советах. Практики взаимодействия представителей двух партий в мае–июне 1918 г. характеризовались многочисленными спорами, дебатами и перепалками. Так, в июне 1918 г. на съезде советов Петергофского уезда Петроградской губернии большевик Рядок, используя брань, «гневно осудил раскольническую политику эсеров». Левоэсеровская фракция покинула заседание, попав под шквал критики со стороны большевиков, которые обвинили левых эсеров в том, что они «обиделись на слова одного рабочего, допустившего в своей речи резкое слово»²⁴. Иногда столкновения между партиями в местных советах едва не приводили к вооруженным конфликтам. В конце июня 1918 г. на заседании Жиздринского уездного исполкома Калужской губернии левый эсер Балакин, возражая против создания комбедов, выхватил револьвер и стал угрожать им большевикам, «приказывая им считаться со всеми»²⁵. Данный эпизод иллюстрирует изменения, произошедшие во взаимоотношениях бывших союзников. Левые эсеры и большевики начали рассматривать друг друга в качестве противников, что оказало влияние на практику их совместной работы и способствовало кризису двухпартийности на региональном уровне.

* * *

Двухпартийность в местных советах была значительным явлением в истории «долгой» революции 1917 г. Практики взаимодействия между большевиками и левыми эсерами в региональных органах власти характеризовались сотрудничеством и конфликтами, которые имели определенные причины и последствия. Совместная работа двух

²⁴ Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии: очерки и документы. Л., 1972. С. 349.

²⁵ Телеграмма руководителя Жиздринского уездного комитета РКП(б) Лучкина в СНК. 28 июня 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 739. Л. 1.

партий сопровождалась поиском компромиссов и неуступчивостью как большевиков, так и левых эсеров. Впоследствии рост конфронтации между ними и увеличение числа конфликтов, которые не приводили к компромиссным решениям, послужили причиной расшатывания двухпартийной системы. Левоэсеровское восстание 6 июля 1918 г. поставило точку в существовании двухпартийности в центральных и местных органах власти.

Екатерина Кулиничева

Российский государственный гуманитарный университет
факультет истории искусств, магистрантка 2-го курса
kulinicheva-k@yandex.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ОЛИМПИЙСКОЙ ПАРАДНОЙ УНИФОРМЕ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ

Вестиментарные традиции современного олимпийского движения являются одним из старейших его атрибутов. В их число входит и возникшая в 1908 г.¹ традиция особым образом одевать спортивные делегации для участия в церемониях открытия и закрытия Олимпийских игр, а также других торжественных мероприятий, проводимых в рамках этого спортивного события. Изучение костюмных олимпийских практик представляет интерес не только в контексте истории спорта. Несмотря на то, что идея «соревнования стран» противоречит официальной олимпийской доктрине, есть все основания констатировать, что на практике такое соревнование имеет место². Это сделало практически каждый аспект выступления команд на играх значимым с точки зрения национального престижа. Не стала исключением и парадная униформа для торжественных церемоний. Анализ таких источников, как публикации СМИ и официальные отчеты организаторов Олимпийских игр, показывает, что уже на раннем этапе развития олимпийского движения внешний вид делегации становился предметом заботы спортивных руководителей: перед ними стояла задача сделать так, чтобы команда достойно выглядела на параде наций. С развитием олимпийского движения и трансформацией самих игр олимпийская униформа, в первую очередь парадная, наделялась

¹ Именно тогда состоялся первый в официальной олимпийской истории парад наций на открытии Олимпийских игр. Чуть раньше, в 1906 г., эта церемониальная практика использовалась на открытии так называемых Промежуточных игр в Афинах, однако сегодня они официально не считаются Олимпийскими.

² Одной из причин этого автор склонна считать тот факт, что из-за особенностей организационной и бюрократической системы в олимпийской практике произошло фактическое соединение спортивных результатов и гражданства показывающего их человека.

дополнительными категориями «смыслов». Сегодня она может рассматриваться с нескольких точек зрения: как визитная карточка страны, своеобразный «костюм нации» и результат работы национальных креативных сил³.

Начав в 1952 г. участвовать в Олимпийских играх⁴, Советский Союз попал в уже сложившуюся систему подходов к вопросу парадной униформы и оказался в ситуации, где не только спортивные результаты, но и внешний вид делегации является предметом пристального внимания аудитории⁵. В случае с советской командой уровень внимания был, возможно, еще более высоким в связи с закрытостью страны. Советский человек как таковой вызывал любопытство. Ирина Роднина в своих воспоминаниях приводит такой эпизод: «И отношение к нашему паспорту даже в гостинице, где мы останавливались, было очень странным. Помню, нас принимали в каком-то большом доме, где бармен был, как теперь говорят, афроамериканец, а тогда — просто черный. Он стоял, слушал, слушал наши разговоры, смотрел, смотрел, а потом спрашивал: «А вы вообще-то, ребята, откуда?» Мы: «Есть такая страна — Советский Союз». — «Странно, — говорит он, — вы выглядите точно так же, как и мы, одеты так же и пьете лучше нас». Иными словами, понятие «советский» было для Америки в конце шестидесятых экзотикой»⁶.

С учетом того, какое политическое значение придавалось руководством страны выступлению на Олимпийских играх, этот аспект невозможно было игнорировать. В докладных записках Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР о направлениях делегация на очередные соревнования регулярно отмечалось, что «качество и внешний вид парадной и повседневной одежды участников Олимпийских игр имеет определенное престижное

³ Подробнее эту классификацию, а также необходимость рассматривать весь комплекс значений автор обосновывает в статье: *Кулиничева Е.* Модное шоу для миллиардов: Олимпийская парадная униформа как национальный костюм и дизайнерское произведение // *Теория моды.* 2016. № 42. С. 37–60.

⁴ В 1952 г. СССР дебютировал на летних Олимпийских играх. Первые для советской команды зимние игры состоялись в 1956 г.

⁵ Популярным жанром в западных СМИ были подробные репортажи с церемоний открытия Олимпийских игр, где описывались, в частности, парадные костюмы делегаций стран-участниц и их манера себя держать. Таким образом, еще до появления прямых телетрансляций публика могла представить, кто и как одевает свои команды.

⁶ *Роднина И.* Слеза чемпионки: электронное издание. М., 2013.

значение и обычно широко комментируется в зарубежной прессе»⁷. Разработка парадной олимпийской униформы и других составных частей олимпийского костюмного комплекса впоследствии поручалась таким авторитетным организациям, как Общесоюзный дом моделей одежды (ОДМО), который выполнял множество правительственных заказов подобного рода. Позднее к этой работе подключился московский Дом моделей спортивной одежды. Однако ОДМО в некоторых случаях разрабатывал, в частности, парадные комплекты для зимних игр, выполненные из меха. Вероятно, это объяснялось тем, что в этой организации существовал специализированный отдел, занимавшийся разработкой дизайна меховых изделий.

Данная работа продолжает сложившуюся в академическом поле традицию социокультурных исследований визуальной составляющей Олимпийских игр в контексте взаимосвязи олимпизма, политики и национализма. Подобная оптика применяется и к олимпийской парадной униформе⁸, однако в целом эта тема остается мало разработанной.

В фокусе данного исследования находятся средства и приемы, с помощью которых конструировался визуальный образ советской делегации на летних и зимних играх. Выделить их помогает анализ визуального материала (фото- и видеосъемок церемоний открытия Олимпийских игр и других мероприятий). Например, в качестве парадной униформы для летних игр часто выбирались светлые комплекты с яркими дополнениями, что, по всей видимости, соответствовало общей задаче выглядеть «как всегда элегантно и празднично»⁹. Можно предположить, что подобный выбор соответствовал официальной советской внешнеполитической риторике, которая призывала воспринимать международные спортивные события как праздник, направленный на укрепление мира и дружбы народов¹⁰. На зимних Олимпийских играх советские делегации чаще всего выделялись мехами. Причем

⁷ Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады: 1956–1988 / гл. ред. Н. Г. Томилина, сост. И. В. Казарина, М. Ю. Прозруменщиков. М., 2013.

⁸ Подобная методология применяется в статье: *Jooyoung Shin*. Clad with national identity: Parade uniforms of the Olympic Games // *International Journal of Fashion Design, Technology and Education*. 2014. Vol. 7. No. 3. P. 208–244.

⁹ История олимпийского костюма // *Мода и спорт: Альбом Дома моделей спортивной одежды*. М., 1980. С. 23.

¹⁰ Что вполне сочеталось с политической задачей выиграть общекомандный зачет, которая стояла перед командой.

материалы, выбранные для представительских парадных комплектов униформы, нередко были редкими и дорогими: золотая нерпа, нутрия, тюлень, обработанный особым образом каракуль и др.

Что олимпийские парадные комплекты униформы могли сообщить международной аудитории о «советской моде» в целом? В частности, одним из важных представляется вопрос, как соотносились реализованные проекты парадной и других видов униформы с важной идеей об опоре на национальное культурное достояние, которая в официальном дискурсе продвигалась как отличительная черта «советской моды». В своей книге «Мода в СССР» Алла Щипакина, говоря о принципе работы советских модельеров, пишет, что «наше воображение работало на претворение народного костюма в современном моделировании — так создавался советский стиль»¹¹. Разработки советских модельеров, опубликованные, в частности, в таких изданиях, как «Журнал мод», дают нам множество любопытных проектов такого рода. Вместе с тем примеры использования подобных приемов в парадной олимпийской экипировке как на летних, так и на зимних Олимпийских играх встречаются на удивление редко, по крайней мере в наиболее визуально заметных формах с использованием вышивки, кружева, орнаментики и т. д.¹² Особенно если брать для рассмотрения наиболее «видимые» и чаще всего документируемые моменты Олимпийских игр: парады наций на церемониях открытия и церемонии награждения. В данном исследовании выдвигается предположение, что основной задачей при разработке парадной униформы была не демонстрация достижений советской моды в сфере освоения национального художественного наследия или ее креативного потенциала. Скорее можно говорить о стремлении играть по существующим в олимпийском движении правилам, чтобы команда визуально смотрелась на равных прежде всего с основными конкурентами из Европы и США¹³, которые до определенного времени,

¹¹ Щипакина А. Мода в СССР: Советский Кузнецкий, 14. М., 2009. С 13.

¹² В частности, А. Щипакина в своей книге приводит еще один метод работы с народным костюмом — создание вдохновленных им форм и силуэтов (там же). Однако идентифицировать их с позиции наблюдателя без дополнительных пояснений зачастую на порядок сложнее.

¹³ Примеры подобной рациональной мотивации встречаются в спорте достаточно часто. Например, известно, что японские фигуристы по аналогичным причинам часто выбирают для соревнований произведения классической музыки и «классические» для этого вида спорта темы.

особенно на летних играх, в парадной экипировке придерживались преимущественно формально-консервативной линии.

В данном исследовании поднимаются также вопросы рецепции: как воспринималась парадная униформа советской сборной внутренней и зарубежной аудиторией? Какие смыслы «считывали» в советской униформе зрители, прежде всего иностранные? Естественно, что в условиях «холодной войны» оценки иностранных журналистов часто имели идеологически окрашенный подтекст, что интересным образом сказывалось на восприятии тех или иных предметов одежды или действий. Примером может служить описание советской делегации на летней Олимпиаде 1960 г. из журнала "Sports Illustrated": «Русские играли мускулами в голубых костюмах на одну пуговицу, что-то подобное вы могли бы видеть на вечеринке в саду, устроенной Хрущевым. Их лидер, несравненный типаж, блистательно нес флаг в одной руке — жест, который был пугающе показным»¹⁴.

Эта и другие приведенные здесь цитаты также показывают, что зарубежная аудитория в тех условиях склонна была воспринимать советскую делегацию как «других». Однако оправдывала ли парадная униформа советских делегаций эти ожидания? Проведенное исследование показывает, что зачастую этого не происходило: советские люди выглядели поразительно похожими на самих оценивающих. Пусть и не всегда (особенно если вспомнить зимнюю парадную униформу) вполне соответствовали стереотипному представлению о «культурных послых» государства рабочих и крестьян. Та же «вечеринка в саду» — понятный и знакомый американской аудитории образ, связанный, однако, отнюдь не с бытом рабочего класса, как и роскошные меха.

Исследования советской спортивной униформы не просто представляют интерес с точки зрения конструирования образа «советского человека на экспорт» или образа страны, который предьявлялся широкой зарубежной аудитории во время крупного международного события. Они могут также дополнить представления о том, каким был сам советский человек и советский потребитель. В частности, исследование «внутренних» рецензий парадной олимпийской униформы, проведенное на материале мемуаров, воспоминаний и интервью советских спортсменов высокого уровня, дают интересный ракурс для разговора об особенностях советского потребления и обусловленной

¹⁴ Kane M. Splendor and spleen // Sports Illustrated. 1960. Vol. 13. URL: <http://www.si.com/vault/1960/09/05/588793/splendor-and-spleen>.

ими специфике возникновения материальных «объектов желания» для людей из СССР. На формирование самооущения людей, помимо прочего, влияла рефлексия по поводу собственного внешнего вида в ситуации постоянного сопоставления себя с «другими» на международной спортивной арене в самых разных ситуациях. Подобные сравнения часто оставляли у спортсменов ощущение неуместности и даже ущербности собственного костюма. Константин Бесков вспоминал о турне футбольного «Динамо» по Великобритании, состоявшемся в 1945 г.: «Мы провели в Лондоне еще несколько безмятежных дней, посетили Британский музей, Национальную галерею, концертный Альберт-холл, Букингемский дворец... Повсюду нас узнавали (впрочем, было бы странно, если бы не узнавали: все мы были в одинаковых желтых ботинках, широких немодных брюках, в выглядывших анахронизмом москвошвеевских шляпах)»¹⁵. Ирина Роднина так вспоминает свои первые зарубежные соревнования в Гармиш-Партенкирхене: «Когда я первый раз зашла в раздевалку, то поняла, что переодеваться в ней я не смогу. Не смогу, потому что у нас белья такого не было. А для девочек это очень важно! И тогда, к удивлению всей иностранной публики, я принимаю единственно правильное решение: я начинаю снимать все вместе и сразу — брюки, колготки, трусики, потому что каждое по отдельности снимать невозможно. А дальше уже надеваю платье. Потом я переодевалась прямо в номере, чтобы на каток идти в платье»¹⁶. Получив первые суточные, Роднина с коллегами женского пола по сборной побежали в магазин: «Первое — мы купили себе белье, второе — колготки».

Спортсмены высокого уровня, которым зачастую было доступно чуть больше, чем рядовым советским гражданам, оказывались в этой ситуации, возможно, даже более чувствительными потребителями. К формированию стойкого убеждения, что «заграничное» лучше «своего», располагала к тому же специфика того сектора советской промышленности, который был призван обслуживать спортивную индустрию. Несмотря на то, что система соответствующих предприятий и проектных организаций в стране существовала и работала вплоть до начала 90-х, начиная с 60-х гг. высокотехнологичную экипировку и оборудование для сборных команд (а впоследствии и спортивного резерва) все больше закупали за рубежом.

¹⁵ Бесков К. 19 : 9 // Бесков К. Моя жизнь в футболе. . URL: <http://bmsi.ru/doc/d81e035c-78e2-4840-a40d-cf5d15816e02>.

¹⁶ Роднина И. Слеза чемпионки.

Отголоски этого противопоставления *зарубежное* — *отечественное* можно встретить и в отношении парадной олимпийской униформы. С одной стороны, большинство спортсменов в случае с шубами прекрасно отдавало себе отчет в том, что обладает предметом роскоши. Лидия Скобликова вспоминала о своей олимпийской шубе из золотой нерпы: «Точно в такой же в Инсбрук тогда приезжала болеть за свою фигуристку королева Нидерландов. Для нас было особенным шиком небрежно так на глазах изумленной публики бросить эту шубу на лед или на скамейку на трибунах. И идти тренироваться»¹⁷. А Любовь Мухачева отмечала, что «в шикарных шубах из овчины, выправленной и отбеленной, воротники из тюленя» советские спортсмены на играх-82 в Саппоро были «одеты как бояре»¹⁸. Многие советские спортсмены вспоминали, что иностранцы мечтали заполучить их меховые шубы и шапки. Однако со временем отношение к парадной экипировке подобного типа у внутренней зрительской аудитории поменялось¹⁹. Так, В. Поволяев в книге «Золото Альберты», говоря об Олимпиаде-88, заочно полемизирует с авторами негативных оценок, «бурчавших», как отмечает автор: «Ну не деревня ли? Все люди как люди, а наши снова отличились — вырядились в мех»²⁰.

¹⁷ Интервью Л. Скобликовой газете «Спорт-Экспресс». См.: *Скобликова Л.* Хоккеисты говорили: «Смотри, не зазнавайся!» // Спорт-Экспресс. 2013. 26 дек.

¹⁸ Интервью Л. Мухачевой «Газете.Ру». См.: *Мухачева Л.* На открытии мы были как бояре — в шубах из овчины // Газета.Ру. 2014. 24 янв.

¹⁹ Подобные любительские опыты критической или саркастической оценки распространены в современном Рунете и могут быть объектом для отдельного анализа.

²⁰ Золото Альберты: сборник / сост. А. А. Исаев. М., 1989. С. 223.

Антон Левицкий

Graduiertenschule für Ost- und Südosteuropa Studien
an der Ludwig-Maximilian Universität München
PhD student
kot.u.miachu@gmail.com

ПРЕДОТВРАЩЕННОЕ БАНКРОТСТВО: БЕЛОРУССКАЯ НАЦИЯ И СОВЕТСКИЕ ПРОСТРАНСТВА «ВНЕНАХОДИМОСТИ»

Осмысление процессов национального строительства и советской социальной инженерии после 1991 г. оказалось в крайне идеологизированном контексте новых независимых государств. Применительно к области культурной политики в БССР особым влиянием пользовались идеи о «советской» и «национальной» культурах, взаимно противопоставленных. Нарратив борьбы за национальное освобождение генерировался в поле политики, но был широко востребован и в научных рассуждениях.

Важно обратить внимание на следующий момент. После 1988 г. в среде белорусской оппозиции дискутировался вопрос о «предшественниках» (на роль носителей традиции интеллектуального сопротивления предлагались различные фигуры¹). В истории БССР второй половины XX столетия не нашлось фигуры, сопоставимой с В. Гавелом (лидер инакомыслия в ЧССР); этот факт воспринимался болезненно². Молодое поколение интеллектуалов укоряло белорусских писателей в сервильности, в полном подчинении компартии. После 1988 г. в Беларуси практически не печатались произведения, написанные ранее «в стол» — таких просто не оказалось³.

Научное рассмотрение истории советской культуры с конца 1990-х гг.⁴ обнаруживает тенденцию к отказу от бинарных оппозиций,

¹ См. *Уліцэнак А.* Іншадумцы = Мыслящие иначе. Минск, 1991.

² *Францішак Э.* Лісты пра сучасную літаратуру // *Наша Ніва.* 1991. № 4. С. 7.

³ *Жукоўскі Д.* Пасткі на хайвэі постмадэрнізму // *ARCHE-Пачатак.* 2001. № 4. С. 12–20.

⁴ Ср. *Козлова Н. Н.* Согласие, или Общая игра // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 193–209.

задавая новую перспективу в изучении опыта белорусской советской интеллигенции.

Особенный интерес в этой связи вызывает аналитический язык, предложенный А. Юрчаком. Он поощряет иную рамку для описания белорусского национализма, белорусской культуры в позднесоветской Беларуси. Прежние биполярные оппозиции заменяются усложненным картографированием социального пространства, в котором функционируют специфические среды («публики своих») и производимые ими «пространства внаходимости». А. Юрчак пытается доказать, что большинство советских граждан находились одновременно внутри советской «системы» и вне ее (т. е. в рамках дискурсивных и ритуальных форм советского дискурса, но не его буквального смысла)⁵.

В таком случае не имеет значения формальная принадлежность к государственным институтам, официальным организациям или диссидентскому движению. Смещения смысла, обусловленные «перформативным сдвигом» в официальном дискурсе, не могли контролироваться государством. Важное значение имеет также вывод о том, что такого рода *пространства внаходимости* создавались благодаря советскому государству.

Как одно из «*пространств внаходимости*» может быть описана белорусская (социалистическая) нация⁶. Для советологии эпохи «холодной войны» важнейшим инструментом объяснения советской национальной политики стал тезис о «лицемерии большевиков», якобы создававших псевдогосударства для угнетенных наций, чтобы таким образом сохранить имперское господство Москвы⁷.

Как и «воображаемый Запад», описанный А. Юрчаком, белорусская нация в БССР являлась результатом политики государства. Именно в БССР возникла модерная белорусская культура как сеть институтов и сообществ. Однако рост социального престижа национальной культуры после 1929 г. был фактически невозможен, в силу смены установки культурной политики с поддержки предположитель-

⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М., 2014. С. 261.

⁶ Устоявшегося названия для этой дискурсивной формации не существовало. Применялись также понятия *национальная культура*, *национальная форма* или более специфичные *беларускасьць*, *беларусчына* / *беларушчына*, *беларускае*.

⁷ См. Зенушкина И. С. Советская национальная политика и буржуазные историки. М., 1971.

но угнетенных национальных культур на культивирование общесоюзного патриотизма.

С 1956 г. белорусская интеллигенция, в рамках общих веяний шестидесятничества (оживление «полумертвых культурных и национальных учреждений позднего сталинизма»⁸), совершает попытки пересмотра устоявшихся практик «национального». Речь шла о спорных вопросах истории литературы⁹, защите белорусского языка¹⁰, «романтизации исторической хроники» в литературе¹¹ или переосмыслении политической и религиозной истории¹². В 1960–1970-е гг. формируется культура «салонов» — собраний на квартирах минских интеллигентов, где дискутировались вопросы национальной культуры и истории¹³. Подобные «публики своих» сформировались в Академии наук («академическая среда»¹⁴), среди художников (объединение «На чердаке»¹⁵). К темам дискуссий и практической деятельности этих «публик» относились, среди прочего, создание музея древнебелорусской культуры при АН БССР (1977–1979 гг.), увлечение этнографией, археологией, архитектурным наследием, историей национального движения второй половины XIX — начала XX в., работа по стандартизации литературной нормы белорусского языка. Этот «набор знаний», хотя и был маргинализирован в официальном поле культурного производства, не противостоял ему напрямую.

Сама эта работа была легальна в силу тех же причин, которые позволяли формироваться «воображаемому Западу». Речь идет о неопределенности государственной политики: если в случае «Запада»

⁸ Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. М., 2010. С. 119.

⁹ Станкевіч С. Савецкае асуджэнне «Нашае Нівы» і спробы ейнае рэабілітацыі // Запісы. 1964. № 3. С. 91–116.

¹⁰ Сачанка Б. Шанаваць родную мову // Літаратура і мастцтва. 1957. 14 снежн.

¹¹ Стэнаграма аб'яднанага пасаджэння сакратарыяту, секцыяў прозы і крытыкі Саюза пісьменьнікаў БССР // Дзеяслоў. 2006. № 4. URL: <http://dziejaslou.by/old/www.dziejaslou.by/inter/dzeja/dzeja.nsf/htmlpage/shap2302ec.html?OpenDocument>.

¹² Дзярновіч А. Акадэмічная дыскусія сярэдыны 1960-х гадрў: Героі і ахвяры // АРСНЕ-Пачатак. 2013. № 2. С. 195–238.

¹³ Например, Мальдзіс А. Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча. Мінск, 2010. С. 55–60.

¹⁴ См.: Нонканфармізм у Беларусі: 1953–1985: даведнік. Мінск, 2004. Т. 1.

¹⁵ Там же.

возникало окно возможностей благодаря динамичному и нестабильному различению «интернационализма» и «космополитизма»¹⁶, то «белорусская нация» производилась в процессе размежевания «белорусского национализма» и «белорусской национальной культуры».

Приведенные выше примеры невозможно адекватно объяснить в рамках традиционной схемы советской истории. Если белорусская эмиграция трактовала писателя В. Короткевича как «оппозиционера» советской власти, то А. Мальдис с той же долей правоты отстаивал его «советскость»¹⁷. То же касается другого ключевого автора белорусской позднесоветской литературы, В. Быкова и его «окопной правды», ставшей одним из главных литературных скандалов в БССР 1960-х гг.; позднее писатель был успешно включен в официальную литературную иерархию.

Очевидно, без советского государства такого рода деятельность была невозможна. Повседневные предпосылки перечисляет А. Юрчак: особенно следует отметить усилия компартий по приданию «творческим профессиям» социального престижа и созданию для них финансовых возможностей¹⁸. Более общий контекст задавался советской территориализацией национального вопроса после 1917 г., которая позволила национальным культурам сохраниться до 1986 г. и стать фактором политических мобилизаций¹⁹. Создание национальных республик означало предоставление титульным сообществам преимущества при занятии важных должностей, распределении финансовых ресурсов и т. д.²⁰

Однако в письменном наследии активистов «белорусской нации», а также в позднейшей мемуаристике образ жизни и мировоззрение этих публик существенно расходится с описанной А. Юрчаком стратегией «жить легко» / «веселой жизни»²¹. Раздражен и меланхоличен в своих дневниках В. Короткевич²²; в тревожных тонах выдержаны

¹⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 319–320.

¹⁷ Мальдис А. Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча. С. 118.

¹⁸ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 280–281.

¹⁹ Сіліцкі В. Доўгая дарога ад тыраніі: Посткамуністычны аўтарытарызм і барацьба за дэмакратыю ў Сербіі і Беларусі. Смаленск, 2015. С. 80.

²⁰ Sahm A. Politische Konstruktionsversuche weißrussischer Identität // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. No. 4. S. 543.

²¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. С. 265.

²² Караткевіч В. ...Трэба церабіць сваю сцэжку: дзёнік 1965–1966 // Дзеяслоў. 2015. № 5. С. 196–239.

выступления поэта Н. Гилевича в защиту белорусского языка (опубликованные в конце 70-х гг. с цензурными купюрами²³). Убийство в 1972 г. художника Л. Баразны (которое традиционно приписывается КГБ) иллюстрирует воинственную метафору о «*жутких боях*» в дневниках М. Дубенецкого²⁴.

В анализируемых текстах регулярно возникает важный аспект, полностью вынесенный за скобки в исследовании А. Юрчака²⁵. Рассказывается об экстремальном опыте выживания в 1930-х гг., который в дальнейшем стал частью «корпоративной» культуры белорусской советской интеллигенции.

Изъятый из рассуждений А. Юрчака фактор страха позволяет объяснить, почему в описанных им социальных средах позднего социализма («*публиках своих*») политические вопросы элиминировались из коллективных обсуждений как «неинтересные». Парадоксально, что, рассматривая «ленинградскую рок-тусовку» 1980-х гг., американский антрополог не задается вопросом о том, почему навязчиво аполитичное сообщество с 1986 г. активно участвовало в политике²⁶. Включение в рассуждение как прямого, так и опосредованного опыта сталинизма позволяет увидеть эти вопросы более полно.

В среде минской интеллигенции в силу ее имманентных особенностей коммуникативная память имела тенденцию к трансформации в культурную. Существование «палачей и жертв» в Союзе писателей БССР и близких к нему кругах было постоянно осознаваемым фактом. Далее будет рассмотрен ряд конкретных случаев такого рода.

Фамилия «*Бэндэ*» (литературный критик 1930-х гг.) приобрела нарицательный характер и часто фигурировала в разного рода частных записях и даже публичных выступлениях²⁷. Когда ЦК КПБ рас-

²³ *Гілевіч Н.* Збор твораў: В 23 т. Мінск; Вільня, 2003–2008. Т. 23: Між роспаччу і надзеяй. Вільня, 2008. С. 224–225.

²⁴ *Дубянецкі М.* «Трэба рызыкаваць»: дзённікавыя запісы 1985–1988 // *Дзеяслоў*. 2008. № 6. С. 235.

²⁵ Ср. *Эткінд А.* Кривое горе. М., 2016. Хотел бы выразить мою благодарность историку Мыколе Боровику (Мюнхен), обратившему мое внимание на эту критику исследования А. Юрчака. Стоит отметить, что М. Боровик изучает память о Второй мировой войне в Украине, т. е. речь опять же идет о советской национальной периферии.

²⁶ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. С. 291–292.

²⁷ Как в реплике В. Короткевича на обсуждении проблем белорусского романа в СП БССР (1979 г.). Аудиозапись реплики: URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=108294>.

смастривал присуждение почетного звания народного писателя БССР предполагаемому автору доносов, литераторы добились, чтобы это предложение было отклонено²⁸. Внутренние дискуссии и обсуждения могли сопровождаться отсылками к событиям 1930-х. В частности, когда на обсуждении романа В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» (1967 г.) поэт Я. Скрыган высказал мнение о том, что в произведении излишне превозносится белорусская нация, В. Короткевич отреагировал на выступление крайне болезненно: «Оно мне не понравилось своим тоном, который мне напоминает не наши годы, а те времена, когда действовали наши товарищи, и часть их засыпали землей, а часть функционирует сейчас. [...] Я удивляюсь, что Вы, Иван Алексеевич, одна из жертв этих товарищей, рассуждаете на этом языке»²⁹.

Белорусская поэтесса З. Верас (1892–1991), активная участница белорусской националистической мобилизации 1917–1929 гг., с 1961 г. много переписывалась с белорусскими учеными и литераторами, создавая в своей корреспонденции историю «белорусского национализма» начала XX в.³⁰

Однако эта картина далеко не всегда полна. Литературовед А. Сидаревич убедительно показал: поэтесса стремилась «приуменьшить» свое участие в политических организациях, изображая себя скромной «культурной работницей»³¹. При том, что в 1917 г. она была секретарем белорусских съездов, а в 1918 г. — членом Рады БНР (с 1930-х гг. объявлены контрреволюционными и буржуазными). Причины этого умолчания заключались в потенциале насилия, заключенном в Советском государстве, как его понимала сама поэтесса. Когда в 1987 г. историк Н. Сташкевич опубликовал статью «Люди из прошлого», где указал, что З. Верас была членом партии Белорусской социалистической громады, она решительно отказывалась признать этот факт. В одном из писем она описала реакцию своей семьи на статью: «Мы здесь пережили дни тревоги».

²⁸ *Блакiт В.* Уваскрасенне ўчарашняга дня // *Дзеяслоў.* 2008. № 5. С. 241–242.

²⁹ Стэнаграма аб'яднанага пасяджэння сакратарыяту, секцыяў прозы і крытыкі Саюза пісьменьнікаў БССР.

³⁰ См. *Верас З.* Я помню ўсе: успаміны, лісты. Гародня; Wrocław, 2013.

³¹ *Сідарэвіч А.* Легендарныя факты і фактычныя легенды // *Дзеяслоў.* 2013. № 4. С. 324–325.

Следует отметить, что книгам Н. Сташкевича, посвященным периоду «революции и гражданской войны» в Беларуси («Неизбежное банкротство», 1974 г.; «Приговор революции», 1985 г.), свойственна весьма своеобразная интонация.

Еще один пример — судьба Г. Березкина (1918–1981). Бывший узник сталинских лагерей, в 1960–1970-х гг. он стал ведущим литературным критиком Беларуси, позволявшим себе игнорировать мнение партийного руководства³². По мемуарным свидетельствам, он часто и помногу рассказывал о своем лагерном опыте и не скрывал своей ненависти к советской власти³³.

Прошлое не оставляло Г. Березкина, став частью его социальных взаимодействий. А. Кучера, написавшего донос, Березкин прямо спрашивал: «Айзик, зачем ты меня продал?»³⁴ В 1978 г. секретарь СП не позволил Г. Березкину присутствовать на траурном вечере поэта А. Кулешова — как бывшему врагу народа³⁵.

Следует хотя бы кратко остановиться на следующем моменте. Н. Козлова, описывая 1930-е гг., пишет о факторе страха³⁶. Но после 1953 г. эта ситуация меняется: как показывает на примерах из дневников Н. Козлова, писателям становится «скучно»³⁷. Здесь можно высказать предварительное предположение, что такое разное восприятие поля культурного производства обусловлено расхождением перспектив центра и периферии. То, что в Москве стало скучным, в Белорусской ССР, где культура должна была самоопределяться в отношении политики, усложненной контекстами опоздавшего и стигматизированного нацистроительства, все еще содержало в себе долю напряженности.

Таким образом, старая дилемма упадка национальной культуры и успешной модернизации в БССР может быть решена иначе. Вместе с тем применение аналитических понятий «*внеаходимости*» и «*своих*» к истории (белорусской) советской интеллигенции обнаруживает их важные ограничения.

³² См. *Тарас В.* На высьпе ўспамінаў. Вільня, 2007.

³³ См. *Шамякін І.* Роздум на апошнім перагоне: дзённікі 1980–1995. Мінск, 1998.

³⁴ *Дракахруст А.* Што было, тое — было // *Дзеяслоў.* 2004. № 4. С. 171.

³⁵ *Адамчык В.* Сьлезы прэзыдэнта // *Свабода.* 1992. № 4. С. 4.

³⁶ *Козлова Н.* Советские люди. М., 2005. С. 380.

³⁷ Там же. С. 395.

Мария Меншикова

Государственный академический университет гуманитарных наук
философский факультет, магистрантка 1 курса
1789maris@gmail.com

РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСИЛИЕ, РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКИ В РАНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Вся Октябрьская революция была проникнута духом пролетарской науки и именно поэтому она была успешной — такой тезис отстаивали советские философы, сделавшие ставку на лояльность большевистской власти.

Высеченная в камне формула сталинского периода — марксизм есть революционный переворот в философии — имеет две стороны. Если декларируемое пренебрежение к предшествующей философии расходилось с действительной добросовестной работой в истории философии¹, то отсылка к насилию в этой формуле обрела свою плоть, правда, со смещением от времен Маркса и Энгельса к 1920–1930 гг.

Очевидно, что революционное насилие играло конститутивную роль в создании нового государства и нового общества. В этих условиях государственной наукой, которая стала управлять образом будущего, стала философия². Она была учреждена как изначально гетерономная дисциплина, а не как состязание равных, где правила игры и конечные цели определяются самими агентами поля (термин П. Бурдьё). Если заострить тезис, конститутивным элементом новой, послереволюционной философии стало насилие, каким оно было и для государства, и для общества.

Философия была государственной наукой и в том смысле, что ею занимались советские политики первой величины, начиная с В. И. Ленина: Н. И. Бухарин, позже — И. В. Сталин, А. А. Жданов.

¹ Бикбов А. Парадоксы императивной интернационализации в 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма: 1945–1953 гг.: материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 49–50.

² Там же. С. 46–47.

В положительном отношении Ленина к философии, казалось бы, не может быть проблемы: разве марксист не чтит философию априори? Впрочем, история знала такие примеры. Позиция ликвидаторства философии связана прежде всего с именами С. К. Минина и Э. С. Енчмена. В 1922 г. в ключевом журнале «Под знаменем марксизма» была опубликована статья Минина «Философию за борт!»: Минин назвал философию оружием буржуазии в противовес науке — оружию пролетариата.

Интрига, касающаяся Ленина, связана с его пониманием философии: зачем он отмежевался от группы А. А. Богданова с помощью философских средств, опубликовав «Материализм и эмпириокритицизм»? Недавний соратник Ленина и его соперник за лидерство в партии, Богданов был исключен из ее рядов как отзовист в 1909 г., почти одновременно с выходом ленинской работы. Философия в этом случае, разумеется, не была самоцелью. Здесь важно значение философии — оружия политической борьбы.

В среде революционеров политическая борьба обрела форму философского спора, а философия — форму политической борьбы. Как отмечал видный участник философских баталий 1920-х гг. И. К. Луппол, «философия в Советском Союзе, связав свою судьбу с судьбой пролетарской революции, идет и развивается по единственно-верному пути своего осуществления, который в то же самое время является осуществлением коммунизма»³.

Статус философии по отношению к революции, к новому политическому порядку был двойствен. На первый взгляд подчиненное положение философии однозначно: философия — оружие революции среди прочих. Но такое положение дел осмыслено философами в сторону повышения значимости философии, и философия уже становится оружием, обеспечившим победу революции. В словах одного из главных философов 1920-х гг. А. М. Деборина «вся Октябрьская революция была проникнута в этом смысле чисто научным духом», «вся революция, все действия, все шаги, все мероприятия, все, что делалось, все это было проникнуто научным духом...»⁴ под наукой следует понимать именно марксистскую теорию. «Научность» Октябрьской революции — еще одна ее особенность по сравнению с буржуазны-

³ Торжественное заседание, посвященное десятилетию Октябрьской революции. 24 ноября 1927 г. // Архив Российской Академии наук (далее — Архив РАН). Ф. 350. Оп. 1. Д. 129. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 8.

ми революциями. Философия приобрела этот козырь, став партийной наукой.

Интеллектуалы, среди которых были участники недавней Гражданской войны, описывали дебаты с оппонентами в военных терминах. Философский фронт, по выражению Луппола, «требовал живых сил, определенного специфического оружия, жертв со стороны обоих противников»⁵.

В 1920е гг. прошла философская дискуссия по вопросам соотношения философии и науки. Противоборствующие позиции заняли те, кого назовут механистами (И. И. Скворцов-Степанов, А. К. Тимирязев, Л. И. Аксельрод, А. И. Варьяш и другие), и те, кто станет диалектиками (А. М. Деборин, Н. А. Карев, Я. Э. Стэн, И. К. Луппол, Г. К. Баммель и другие). Подробному изложению и разбору дискуссии посвящена известная работа И. Яхота⁶.

Сама дискуссия могла бы длиться еще долго, пока хватало полемического запала участников. Обе стороны считали себя ортодоксальными марксистами, истинными революционерами в философии, а противников — отступниками от диалектического материализма. После публикации «Диалектики природы», позднего труда Энгельса, и механисты, и диалектики использовали положения оттуда в качестве аргументов, доказывающих их правоту. Ни одна сторона не признавала себя неправой, проигравшей. Однако на стороне диалектиков было больше административного ресурса, который и решил исход борьбы. В 1929 г. на Второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений Деборин, лидер диалектиков, объявил механистов проигравшими.

Двумя годами ранее, в год десятилетия Октябрьской революции, исход борьбы был еще не ясен. Диалектики, будущие победители, подводили промежуточные итоги.

24 ноября 1927 г. состоялось торжественное заседание недавно открытой философской секции Коммунистической академии. Доклады читали диалектики Деборин, Луппол и Баммель. Они утверждали: если до революции стояла задача защитить материализм от идеализма («философии духовных академий»), то после утверждения власти большевиков и высылки философов-идеалистов в 1922 г. смысловой центр тяжести в философской борьбе переместился в сторону защиты

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 44–68; № 11. С. 72–115.

принципов диалектики⁷. Победа материализма над идеализмом объясняется ими революционной переменой в общественной жизни, аналогично тому, как захват власти большевиками объясняется тем, что они и руководимый ими пролетариат опирались на верное учение — марксизм.

Новый этап в борьбе за чистоту марксистской теории в изложении Луппола связан с борьбой с механистами — материалистами, но материалистами-эмпириками, а не диалектиками. Действительно, среди механистов было много ученых-естествоиспытателей. Диалектики называют кризисы в советской философии благотворными, ведь противоречия — источник всякого развития, в преодолении которых оттачивается оружие диалектического материализма. Под кризисами, по мнению диалектиков, имеется в виду отсутствие единой позиции в философии, такое положение дел, когда последняя истина марксизма, данная диалектикам, не разделяется всеми советскими философами.

Согласно почти гегельянской телеологичной мысли диалектиков, механисты должны были признать поражение, которое было неизбежно, согласно логике истории. Баммель почти выдает желаемое за действительное: «это обстоятельство не должно быть нами недооценено, именно то обстоятельство, что механисты должны были отступить и должны были частично сдать свои позиции, оно является одним из больших плюсов в развитии марксизма за эти десять лет»⁸. Задолго до дискуссии с механистами, во «Введении в философию диалектического материализма» Деборин предлагал такое гегельянское описание истории философии, где высшей точкой прогресса назывался диалектический материализм, а другие современные философские концепции, главным образом эмпириокритицизм, описываются как шаг назад по сравнению с марксизмом⁹.

Диалектики реконструируют философскую полемику в духе схематичной истории идей, в которой их обреченные на историческое поражение оппоненты блокируются друг с другом: соловьевская школа — с западноевропейским интуитивизмом, механисты — с энчменистами. Кроме греха эмпиризма, т. е. чуждости теоретическому мышлению, Луппол обвинял механистов в ликвидаторстве, отрицании самостоятельного значения философии.

⁷ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 129. Л. 29.

⁸ Там же. Л. 53.

⁹ Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М., 2012. С. 305.

В такой реконструкции вся история советской философии — это история борьбы за чистоту марксизма, когда чистота рано или поздно восторжествует в будущем. Впрочем, философия в этом не вполне самостоятельна, ведь ее противоречия и кризисы зависят от противоречий в обществе. Большевики как исторические наследники якобинцев были одержимы идеей чистоты общества и даже оперировали численными показателями в этом вопросе¹⁰: классовая чистота связывалась с расцветом нового общества.

Классам эксплуататоров и эксплуатируемых в отношении науки, в том числе философии, соответствовали буржуазная теория и пролетарская. Различия пролетарских теорий 1920-х под одним марксистским знаменателем вынуждали философов детализировать свои претензии к оппонентам в их стремлении занять позицию ортодоксов и монопольных держателей последней истины. С другой стороны, обострение борьбы за чистоту марксистской теории не могло не привести к злоупотреблениям аргументами от авторитета классиков, выскиванию нужных цитат и интерпретаций в свою пользу: яркий пример — полемика Деборина и Аксельрод насчет философии Спинозы. Что зарождалось как тенденция в 1920-е, стало нормой академического письма в позднесоветское время.

В этом отношении положение дел в философском пространстве 1920-х аналогично положению дел внутри партии, тому, как шли внутрипартийные дискуссии. Большевицкая партия не была едина, однако декларируемое единство не позволяло делать разногласия достоянием публики. Примечательно, что диалектики были против того, чтобы выносить дискуссию в публичное пространство. Публичный диспут в театре имени Мейерхольда состоялся по инициативе механистов.

Неинтеллектуалистские ресурсы в итоге сыграли решающую роль в завершении дискуссии, которая могла бы длиться долго, не объяви Деборин ее оконченной. «Ваша же работа, работа вашей группировки — бесхарактерной, беспринципной, разношерстной — направлена ныне на борьбу с ортодоксальным марксизмом. В целом ряде пунктов ваша “критика” примыкает к критике западно-европейских ликвидаторов марксизма,» — вот приговор, вынесенный Дебориным меха-

¹⁰ *Berelowitch W. Modèle de la Terreur et régime bolchevique// Histoire, économie et société. 1991. No. 1. P. 72.*

нистам¹¹. Политическая окраска высказывания выстроена согласно позиции советского руководства середины 1920-х: такое заключение было бы невозможно еще в 1919 г., когда многие видные социал-демократы числились академиками недавно созданной Коммунистической академии.

Среди прочего то, что делало дискуссии механистов и диалектиков все менее автономной, — это и решение Деборина печатать полемические выступления механистов в сокращении, в отличие от речей своих соратников, и резолюция Общества воинствующих материалистов, из которого были вытеснены механисты. То, что делали диалектики, в экономических терминах можно назвать недобросовестной конкуренцией.

Диалектики позиционировали свои действия как работу исторической необходимости в их лице. Их гегельянская уверенность в своей окончательной победе была быстро разрушена новой философской войной, в которой тяжкие обвинения обернулись расправой. Группа молодых философов, выпускников Института красной профессуры и по сути учеников Деборина — М. Б. Митин, П. Ф. Юдин и другие — предъявила диалектикам политические обвинения, которые позже поддержал лично Сталин. «Меньшевиствующие идеалисты», как стали называть диалектиков, в годы большого террора были отправлены в лагеря или расстреляны, а сам Деборин пережил гражданскую казнь.

Если ожидание неминуемого термидора преследовало большевиков с начала Октябрьской революции, то философское поле, как оказалось, в лице диалектиков само подготовило почву для философской контрреволюции и утраты самостоятельности, пусть даже постоянно звучали речи в защиту чистоты марксистской ортодоксии.

Диалектика борьбы за чистоту на новом витке обернулась против самих борцов. В условиях неавтономного пространства философии никто не мог быть застрахован от обвинений в «ревизионизме» и последующей анафемы или даже физической расправы, как это было в 1930-е гг.

В 1940-е гг. уже не существовало опасности того, что очередная философская дискуссия закончится для проигравших расстрелом. Господствующая в предыдущем десятилетии группа Митина была потеснена группой Александрова. Но в истории Митина не случилось окончательного поражения, похожего на то, что было с механистами,

¹¹ Деборин А. Наши разногласия // Диалектика и естествознание. М.; Л., 1929. С. 294.

а потом с диалектиками. Отказ от насилия был оплачен социальным бессмертием Митина, чье положение в границах философского пространства было заработано не интеллектуальными достижениями, а политическим обвинением своих коллег.

Если перефразировать Маркса, насилие явилось повивальной бабкой старой философии, когда она была беременна новой. Невозможность насилия сделала невозможной революцию против Митина даже после разоблачения культа личности на XX съезде партии.

Яна Никулина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Пермь
социально-гуманитарный факультет, студентка 3 курса
mrhenrylee@gmail.com

МЕЖДУ СПЕКТАКЛЕМ И ОБМОРОКОМ: ДИСКУРС ЗАБОТЫ ОБ ЭВАКУИРОВАННЫХ АРТИСТАХ В ГОДЫ ВОЙНЫ

«Необходимость усилить заботу о людях, с целью сохранить в творческой форме и силе наш коллектив театра» и проявления особого отношения не раз упоминаются в протоколах партийных собраний Театра оперы и балета им. С. М. Кирова на протяжении всей Великой Отечественной войны¹.

Для начала необходимо определить понятие заботы и его основные характеристики. В коллективной монографии «Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности» Арли Хохшильд утверждает, что феномен заботы образует особые отношения взаимозависимости и легитимного взаимного контроля, в которых предполагается взаимная эмоциональная связь между заботящимся и заботу принимающим. Со стороны осуществляющего заботу наблюдается чувство ответственности за благополучие «подопечного». Основные черты заботы ярко выражены в заботе о детях, воспринимающихся как неспособных выжить и успешно социализироваться без проявлений особого отношения.

Особое понимание заботы появляется в 30-е гг. в СССР в рамках нового образа патерналистского государства. Согласно концепции «нового быта» Коллонтай, советская женщина должна была освободиться от кухонного рабства, а на замену традиционно женской деятельности приходила общественная государственная забота, освобождающая женщину от «кухонного рабства»².

¹ Протоколы партсобраний // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 2245. Оп. 1. Д. 97. Л. 97.

² Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. Введение: Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда // Новый быт в современной России: Гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб., 2009. С. 7–30.

Как особые категории нуждающихся в заботе со стороны государства выделялись матери, дети, рабочие. Советские интеллигенты в особом отношении со стороны государства не нуждались, так как с образованием творческих союзов интеллигенция, с одной стороны, ставилась под жесткий контроль власти, с другой — получала статус, неотличимый от номенклатурного. С началом Великой Отечественной войны возникают новые социальные общности. Одной из них становится категория эвакуированных. Интеллигент — человек, строящий номенклатурную карьеру, во время войны зачастую становился носителем новых социальных статусов, вступающих в противоречие с уже существующими.

К примеру, эвакуированные в Молотов в начале войны артисты Театра оперы и балета им. С. М. Кирова получают новый статус социальной группы, нуждающейся в заботе. Парадоксален также тот факт, что забота проявлялась о ленинградских столичных артистах и руководстве театра. Получилось так, что государство заботилось не о гораздо более «слабой» провинциальной молотовской труппе, а о «сильном» коллективе артистов театра — национального достояния.

Содержать два крупных театральных коллектива местным властям не представляется возможным, здание Молотовского театра занимает Кировский театр «всесоюзного значения». Коллектив местного театра по большей части оказывается расформированным. Сохраняется только небольшая группа артистов, вынужденно эвакуированная в область. Новый статус появился и у них — в связи с эвакуацией коллектива молотовские артисты подверглись опасности профессиональной дисквалификации. Привычный социальный статус и привилегии оказались под угрозой, ведь многим пришлось идти на фронт, работать на заводах, что, несомненно, привело к социальной напряженности среди «изгнанных» артистов. Некоторым артистам повезло немного больше — ведущую группу солистов Молотовского театра оперы и балета также было необходимо сохранить, поэтому они были прикомандированы к труппе Ленинградского театра. Для Молотова сложившаяся ситуация стала тяжелым испытанием. Были перебои с размещением новоприбывших, со снабжением продуктами и товарами. Более того, нужно было найти всем рабочие места — на это были даны указания Совета по эвакуации, которые, тем не менее, очень часто не выполнялись в связи с дефицитом, ошибками в логистике. Жители городов обычно встречали приезжих довольно прохладно — в каждом эвакуированном можно было видеть человека, который покушается на и без того ограниченные блага вроде продук-

тов, промышленных товаров и т. д.³ Стоит отметить, что упоминания о положительных сторонах пребывания ленинградских артистов в Молотове появляются только в официальных формулировках газетных заметок, «прощальных» статьях и более поздних мемуарах молотовцев. В партийных документах военного времени эвакуация воспринималась гораздо более негативно.

В данной работе рассматривается система отношений заботы между советским государством и артистами, руководством и работниками Кировского и Молотовского театров. Примечательно, что руководство обоих театров находилось в двойственном положении: с одной стороны, они выступали в роли проявляющих заботу акторов, с другой стороны, сами ее получали как часть опекаемого коллектива. В качестве источников были использованы материалы архивных фондов ПермГАНИ и ЦГАИПД СПб. Эти документы представляют собой протоколы заседаний партийного бюро, протоколы партсобраний, деловую переписку руководства театра и другие документы, связанные с деятельностью театра. Цитируемые фрагменты приводятся без изменений в орфографии и пунктуации.

Основные сюжеты, в которых встречается проявление государственной заботы, связаны с обеспечением артистов и работников театра жильем и состоянием условий быта, здоровьем и питанием, организацией досуга, заботой о детях. Особенный интерес представляет описание ситуаций девиантного поведения. Эта девиантность в партийных документах проявлялась в ситуации «неправильной» просьбы или «неблагодарности» со стороны принимающего помощь.

Начнем с сюжетов, посвященных заботе о жилищных условиях артистов. Местные комитеты городов, где вынуждены были жить и работать молотовцы, далеко не всегда шли навстречу в решениях жилищных проблем. Ленинградцы оказались в гораздо более выигрышном положении: руководство Молотова сделало все возможное, чтобы обеспечить жильем эвакуированных. Коллектив театра в кратчайшие сроки был размещен «в общежитиях туристов, и пединститута, в гостинице, Домах культуры, клубах и на частных квартирах»⁴. Тем не менее, по ленинградским меркам это воспринималось как значитель-

³ Чащухин А. В. Эвакуированные или депортированные?: Образы чужаков и стратегии повседневности в отчетах партийных руководителей Прикамья // Вестник Пермск. ун-та. Пермь, 2015. Вып. 1 (28). С. 229–231.

⁴ Наумова. «Большой след» // Пермский государственный архив новейшей истории (далее — ПермГАНИ). Ф. 55. Оп. 1. Д. 63. Л. 10.

ное ухудшение условий: «Артисты требуют всего как в Ленинграде, здесь этого нет»⁵. Артистка балета Мариэтта Франгопуло в своих дневниках с долей столичного снобизма описывает место своего временного пребывания: «одно из самых высоких зданий — Центральная гостиница, именуемая в просторечьи семиэтажкой»⁶.

Повторная необходимость проявлять заботу о жилье артистов появилась у руководства Кировского театра с необходимостью возвращения в Ленинград после снятия блокады. При составлении планов эвакуации выяснилось, что значительная часть жилого фонда была разрушена или пришла в непригодность во время блокады, поэтому размещать артистов планировалось во временном общежитии в здании ресторана «Медведь». Восстановление и ремонт жилья также предполагались при самом активном участии самих артистов⁷. Тем не менее обещанный для реставрации дом артисты не получили. По словам секретаря партбюро Фрейдкова, привычно комфортный уровень жизни обеспечить не удалось: «придется идти на уступки: придется жить в комнатах с зафанеренными окнами и т. д.»⁸.

В качестве необходимых мероприятий по улучшению условий быта также упоминались открытие парикмахерской, сапожной и прачечной для работников театра, устранение «безобразия», которое творилось в банях — «грязь, холод, отсутствие мыла»⁹.

В проявлении заботы об артистах молотовского театра также заметна дифференциация. Рядовые артисты жили в общежитии, состояние которого оставляло желать лучшего. Цветов как директор театра озабочен тем, что «охрана труда не благополучна, мер по улучшению не принято. В бытовом отношении не у всех работников благополучно». Далеко не самым радужным образом он описывает общежитие артистов: «ужасное состояние, в одной [комнате] живут по несколько человек, холод, сами таскают воду, грязь и так далее». Отсутствие каких-либо мер по исправлению ситуации списывает на отношения дирекции театра и месткома, которые называет «ненормальными»,

⁵ Протоколы партсобраний // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 69. Л. 57.

⁶ Чернова Т. Между строк... Опус-65. Пермь, 1994. С. 52.

⁷ Протоколы партсобраний // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 111. Л. 34.

⁸ Протоколы заседаний партбюро // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 112. Л. 42, 42 об.

⁹ Протоколы партсобраний // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 97. Л. 6.

так как «местком не помогал дирекции в улучшении быта и вообще ничего не сделал»¹⁰.

Некоторые молотовские артисты оказались в еще менее выгодном положении: «квартирами обеспечена лишь высшая категория артистов, вопрос топлива не разрешен»¹¹. Даже на самом первом партсобрании, посвященном преобразованиям в работе театра в связи с началом войны, поднимался вопрос о требовании чересчур комфортных условий жилья у некоторых сотрудников театра: «с квартирным вопросом так же обстоит дело напряженно и жестко, придется уплотняться и не допускать, как это было давать по две комнаты работникам-актерам»¹². Стоит обратить внимание на то, что для военного времени норма жилья считалась следующей: 3 кв. м на человека, в связи с чем мы можем сделать вывод, что по сравнению с другими слоями населения артисты были обеспечены сравнительно неплохо¹³.

Одному из членов труппы, Оратову, «было предложено много раз комнату, но он отказался. Дрова, как только будут, получат»¹⁴. В данном случае мы имеем дело с одной из тактик сохранения статуса — с отказом от комнаты, которая не соответствовала привычному уровню жизни артиста. Автором документа отказ от комнаты воспринимается как девиантное и излишне требовательное поведение.

Жилищные условия еще одной артистки описываются следующим образом: «она живет в двух комнатах, ей 2 раза привозили дрова, положение ее совсем не так ужасно», ее коллега «имеет хорошую комнату»¹⁵, но жалуется на отсутствие стола. Еще одному артисту, по мнению дирекции, совершенно неуместно желать более комфортного места для обитания, ведь «живет в теплой комнате, на что он претендует?»¹⁶

Подобное отношение артистов вызывает со стороны руководителей крайнее возмущение. С их точки зрения, у артистов совершен-

¹⁰ Протоколы партсобраний Молотовского театра оперы и балета // ПермГАНИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3299. Л. 21.

¹¹ Там же. Л. 52.

¹² Протоколы партсобраний Молотовского театра оперы и балета // ПермГАНИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3298. Л. 146.

¹³ Чаирхин А. В. Эвакуированные или депортированные? С. 232.

¹⁴ Протоколы партсобраний Молотовского театра оперы и балета // ПермГАНИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3299. Л. 21.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Там же.

но нет поводов жаловаться, а все просьбы и требования — только прихоть.

Особое место в обсуждениях занимали темы, связанные со здоровьем артистов и работников театра, с обеспечением их питанием. Голод артистов рассматривался как значительная проблема: по словам директора Кировского театра Е. М. Радица, «вопрос питания работников театра и вообще трудящихся — это вопрос большой государственной важности»¹⁷.

Беспокойство партийного руководства вызывают ситуации, «создавшиеся в связи с ухудшением физического состояния ряда работников, вызванных плохим питанием»¹⁸. Например: «Рабочий Петров еле ходит и плохо начал работать. Никаких претензий к нему нельзя предъявить, так как человек истощен до последней степени»¹⁹.

Помощник директора по питанию Мирер отмечает, что «необходимо серьезно обратить внимание на питание работников театра, так как среди них уже имеются случаи явлений дистрофии, цынки и туберкулеза... Среди детей работников театра также зарегистрированы случаи заболевания туберкулезом и истощением»²⁰. В качестве мер устранения предлагается возвращение ликвидированного из-за недостатка продуктов усиленного и диетического питания²¹.

Снабжение питанием происходило по системе, в основе которой лежала «строгая дифференциация, зависящая от общей значимости и производственной ценности каждого работника»²². В связи с этим коллектив театра был разбит на две группы. В первую входили 30 человек «народные, заслуженные, орденосцы-артисты и начальники цехов (30 ч)», во вторую — 160 человек, «следующая ступень ведущих работников»²³. Остальные работники театра «ежедневно получают 4 бутерброда и чай, помимо обедов в ресторане Кама»²⁴. Семьи

¹⁷ Протоколы заседаний партбюро // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 96. Л. 15.

¹⁸ Протоколы заседаний партбюро // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 112. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 25.

²⁰ Протоколы заседаний партбюро // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 96. Л. 15.

²¹ Там же. Л. 14–16.

²² Разная переписка // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 78. Л. 124.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

работников театра, числящиеся иждивенцами, не получали обедов по воскресеньям и не имели права на снабжение. Как отметил секретарь партбюро Фрейтков, в цехе оперы и режиссерском управлении «большинство из них [работников] имеют семьи и сколько ни помогай работнику — больших результатов нет, так как пайки делятся с семьей». В качестве решения этой проблемы Фрейтков предлагает «поставить работников в такие условия, при которых они должны есть сами, а не кормить свою семью устроить так, чтобы работник ел на месте, а не выносил из столовой»²⁵. Таким образом, как нуждающиеся в заботе воспринимались исключительно работники театра, так как состояние их здоровья отражалось на качестве работы. Члены их семей, которым не доставало продуктов, представляются скорее досадной помехой.

Проблемы возникали и у самых молодых артистов и работников театра, которые получали минимальное обеспечение продуктами, «за последнее время наблюдаются даже обмороки»²⁶.

Руководство театра также обращает внимание на качество отпускаемых в буфете продуктов и работы столовой. Для выявления и устранения недостатков была создана специальная комиссия. Часто встречаются случаи обсуждения ненадлежащего уровня обслуживания посетителей столовой, низкого качества блюд, грубого отношения руководства столовой и работников к артистам. Многие проблемы решались «благодаря исключительному вниманию местных органов»²⁷.

Проблема питания артистов встречается и в молотовских документах в связи с возвращением театра в Молотов. Директором театра была затронута тема организации собственной столовой, он добился возвращения выдачи пайков и двухразового питания для сотрудников театра и артистов. Сделать вывод о недостаточном питании артистов, что значительно сказывалось на качестве их работы, можно из следующего утверждения: «последний спектакль “Онегин” я рассматриваю как скрытую демонстрацию, так как духовники играли очень плохо, но оркестранты относят такую игру за счет плохого питания». В плане поставки продуктов питания театр также был зависим от решений свыше — Цветов «был у товарища Боброва, им обещано выдать

²⁵ Протоколы заседаний партбюро // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 112. Л. 28.

²⁶ Там же. Л. 24.

²⁷ Там же. Л. 29.

для столовой картофель. Кроме того достал для работников театра крупу»²⁸.

Стоит также отметить, что отдельно забота проявлялась о детях эвакуированных артистов и работников театра. В отчете о пребывании театра в Молотове упоминается о существовании «деткомиссии». Забота о здоровье детей — распределение путевок в детские санатории летом 1942 года, «помощь больным детям по договоренности с врачом», выдача детского пайка и промтоваров по списку, «рассматриваемому и утвержденному Детской комиссией». Многодетным семьям и семьям с новорожденными детьми полагалась дополнительная помощь дровами. В качестве особых категорий также выделялись дети работников театра, погибших на фронте и живущих за чертой города. Забота о досуге — приобретение и распределение игрушек, подарков, организация детских праздников, елок²⁹.

Не оставались без внимания и вопросы досуга работников театра. В календарные праздники был проведен ряд вечеров, активно работал кинотеатр. Сначала возможностью раз в неделю бесплатно посещать киносеансы обеспечили работников с семьями, а потом и всех сотрудников (в рамках культпоходов на новые фильмы). Среди коллектива театра распределялись билеты на все открытые генеральные репетиции, на спектакли в театре Молотовской драмы³⁰.

Новый статус эвакуированных работников театра породил и новые конфликтные ситуации. В основном столкновения между работниками театра и руководством появлялись в случае чрезмерных запросов о помощи, неправильной реакции на предоставленную помощь.

К примеру, имеется переписка секретаря партбюро Кировского театра Фрейдкова и заместителя помощника роты Стругацкого, в которой служил один из мобилизованных артистов Кунявский. Жена Кунявского в своих письмах жалуется, «что она очень плохо устроена с квартирой и имеет большую нужду в материальном отношении и в пайке»³¹. Стругацкий подчеркивает, что имеет полное право на подобный запрос: «Радостно читать в нашей печати статьи, о том что в тылу очень хорошо руководители учреждений и предприятий и общественность очень чутко относятся к семьям фронтовиков и своевременно

²⁸ Протоколы партсобраний Молотовского театра оперы и балета // ПермГАНИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3299. Л. 27.

²⁹ Протоколы партсобраний // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 97. Л. 60.

³⁰ Там же. Л. 66.

³¹ Разные бумаги // ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 103. Л. 27.

оказывают им необходимую помощь. Очень неприятно слышать заявления бойцов отдельных, что их семьям не оказывают помощь. Прошу Вас проявить внимание семье т. Кунявского и оказать ей помощь, в которой она нуждается»³².

Фрейдков запросил информацию об оказанной помощи жене Кунявского. Срок ожидаемого ответа — три дня, что свидетельствует о незамедлительном решении подобных вопросов, об их важности. Секретарь партбюро отмечает, что Кунявская устроена в театр на работу, получает «систематическую материальную помощь от администрации и общественности», ежемесячный паек на ребенка, и приводит список выделенных ей предметов одежды, ткани и дров. Комнату, в которой проживает Кунявская, Фрейдков называет хорошей, подчеркивая неуместность требований об улучшении условий: «сплошь и рядом, в условиях, гораздо более сложных, находятся и работники театра. Я надеюсь, вам понятно, что в условиях эвакуации рассчитывать на великолепные бытовые условия, невозможно. Поэтому, мы очень сожалеем, что информация, которая послужила поводом для Вашего письма, является неправильной»³³.

Подведем итоги. Эвакуация в Молотов дала артистам Кировского театра новый социальный статус, противоречащий основному, что породило новые отношения заботы между государством и интеллигенцией. Под основным статусом понимается статус интеллигенции, под новым — эвакуированных, примирение этих позиций происходило посредством дискурса и практик заботы. Между тем на почве взаимного непонимания и различной интерпретации границ и норм заботы в процессе коммуникации возникали конфликтные ситуации. Артисты Молотовского театра оказались в менее выигрышном положении с фактической утерей привилегий, соответствующих былому статусу. Проявления заботы со стороны государства можно наблюдать в обеспечении артистов и работников театра жильем и питанием, в этих случаях забота распределяется дифференцированно и зависит от того, какое положение человек занимает в театре.

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 103. Л. 28.

³³ Там же. Л. 28.

Артемий Плеханов

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
аспирант 3 курса
plekhanov.art.alex@gmail.com

УКРАИНСКАЯ ДЕКОММУНИЗАЦИЯ: БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО¹

Проблематика инструментализации прошлого за последние десятилетия оказалась важным объектом изучения социальных и гуманитарных наук. Существующий «бум памяти» в мире есть следствие последних волн демократизации, и опыт посткоммунистических стран Восточной Европы, в частности, Украины, представляет собой один из случаев того же порядка².

Тематика исследования исторической политики, культурной памяти, использования прошлого как политического ресурса активно исследуется как украинскими и западными исследователями, так и российскими, в том числе следует отметить работы А. Ассман, Я. Ассмана, У. Блекера, Я. И. Грицака, Т. Ю. Журженко, Г. В. Касьянова, О. Ю. Малиновой, А. И. Миллера, Дж. Олика, Дж.-П. Химки, А. Эткинды и др.³

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00099.

² *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности М., 2015. С. 13–14.

³ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика М., 2014; *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; *Blacker U., Etkind A., Fedor J.* (eds.). *Memory and Theory in Eastern Europe.* New York, 2013; *Грицак Я. И.* Страсти за национализмом: Стара історія на новий лад. Київ, 2011; *Грицак Я. И.* 26-й процент, або Як подолати історію. Київ, 2014; *Журженко Т.* Гендерные рынки Украины: Политическая экономия национального строительства. Вильнюс, 2008; *Касьянов Г. В.* Danse macabre: Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). Київ, 2010; *Малинова О. Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М., 2013; *Миллер А. И.* Историческая политика в России: Новый поворот? // *Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман.* М., 2012. С. 328–367; *Olick J. K.* *The Politics of*

События украинского политического кризиса 2013–2014 гг. привели к смене власти и повлекли за собой серьезные изменения как в общественном дискурсе, так и в сфере реализации символической политики. Пришедшая к власти контрэлита для утверждения собственного символического господства возвела спонтанные общественные практики и дискурс «низвержения» советско-ностальгического нарратива в ранг государственной политики⁴.

9 апреля 2015 г. Верховной Радой Украины был принят пакет законов, которые легализовали разрушение и устранение с поля символической политики советского-ностальгического нарратива и его потенциальную замену на национальный / националистический⁵. Ключевым из них для легитимации процесса декоммунизации стал закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики». Закон запрещает публичное использование символики и атрибутики республик СССР и регулирует изменения в топографии населенных пунктов и названий внутри городов, которые приравниваются к символике коммунистического тоталитарного режима, санкционирует разрушение артефактов советской символической власти⁶.

Этот нормативный документ был инициирован и принят Верховной Радой (без широкого обсуждения) благодаря его активному продвижению Украинским институтом национальной памяти (далее — УИИП) и лично его директором В. Вятровичем⁷. Этим же

Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. New York; London, 2007; *Himka J.-P.* Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History // *The Convolutions of Historical Politics*. Budapest, 2012. P. 211–238; *Эткинд А.* Кривое горе: память о непогребенных. М., 2016.

⁴ *Гайдай А. Ю., Любарец А. В.* «Ленинопад»: Избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // *Вестник Пермск. ун-та*. 2016. Вып. 2(33). С. 32–35.

⁵ *Касьянов Г. В.* Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: Начало XXI в. // *Историческая экспертиза*. 2016. № 2. URL: http://istorex.ru/page/kasyanov_gv_istoricheskaya_politika_i_memorialnie_zakoni_v_ukraine_nachalo_xxi_v.

⁶ Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки». URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/317-viii>.

⁷ «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945» (закон № 315-VIII); «О доступе к архивам репрессивных ор-

институтом были составлены списки населенных пунктов, названия которых приравниваются к символике коммунистического тоталитарного режима и должны быть изменены, а также исторических персонажей, чья деятельность попадает под действие законов о декоммунизации. В данной работе будут рассмотрены общеукраинские тенденции декоммунизации топонимики городов и сел как затрагивающие большую часть населения Украины, так к концу 2016 г. было переименовано 987 населенных пунктов⁸. Таким образом, мы попытаемся ответить на несколько вопросов:

Кого декоммунизируют? Какие регионы Украины почувствовали декоммунизацию сильнее?

Как изменение исторической политики, связанное со сменой элит и выстраиванием нового пантеона героев, повлияло на декоммунизацию названий городов и сел?

Следует отметить, что в настоящее время в литературе отсутствует консенсус по поводу понятийного аппарата того, что обозначается как политическое использование истории. В данной работе декоммунизация главным образом будет рассматриваться в рамках концептов символической власти и символической борьбы П. Бурдьё.

Данная концептуальная рамка позволяет нам интерпретировать действия политической элиты, включенной в символическую борьбу за навязывание определенного социального мира, в наибольшей мере отвечающего их интересам. При этом поле идеологических взглядов воспроизводит в превращенной форме поле социальных позиций. Таким образом, анализируя символическую борьбу, мы видим, как протекает процесс изменений социальных и символических практик украинских элит.

Они могут вести эту борьбу напрямую, через символические конфликты каждодневной жизни, на уровне дискуссий по поводу переименования улиц, скверов, городов. Либо «по доверенности» — через

ганов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» (закон № 316-VIII); «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» (закон № 314-VIII). URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/315-19?test=4/UMfPEGznhht3L.ZiFRwjvIH14xQs80msh8Ie6>; URL: <http://dn.archives.gov.ua/repressii.html>; URL: http://ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150314.html.

⁸ Підсумки реформи декомунізації у 2016 році // Український інститут національної пам'яті. URL: <http://www.memory.gov.ua/news/ponad-50-tisyach-vulits-zminili-nazvi-vprodivzh-2016-roku>.

борьбу, в которую вступают специалисты символического производства, как это происходит с деятельностью УИНП⁹.

Вместе с тем следует отметить, что не всякая реализация символической власти может оставаться в поле легитимного символического насилия. Ярче всего это можно увидеть в отношении понятия *историческая политика*. А. И. Миллер обращается к данному понятию, чтобы показать ту сферу реализации символической власти, которая представляет собой особую конфигурацию методов, практикуемых политическим элитами, общим для которых является «использование государственных, административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты». Иными словами, это реализация государством арсенала символических практик, которые перестают казаться сами собой разумеющимися, теряют эффект квазимагичности и получают критическую реакцию от общественных и профессиональных организаций.

УИНП был составлен список 540 исторических персон, подпадающих под декоммунизацию, в нем указаны имена, годы жизни и исторические факты, в которых описаны «преступления упомянутых лиц»¹⁰. Он был проанализирован по двум параметрам: во-первых, по принадлежности исторических персон к определенному региону или стране; во-вторых, по обвинениям, в соответствии с которыми люди были внесены в этот список.

Говоря о связи с региональной спецификой, следует отметить, что около половины всех лиц не связаны с Украиной. Большая доля всех исторических деятелей — 37% (здесь и далее от общего числа) — это деятели РСФСР и центральных властей СССР, воспринимающиеся и ассоциирующиеся с Россией. Доля деятелей, связанных с другими республиками СССР (исключая РСФСР), составляет 5%, иностранных деятелей 4%. Число деятелей, связанных в целом с УССР, составляет 5%, в региональном же разрезе можно выделить определенный перевес областей востока и центра страны. 16% деятелей связаны с Донбассом, 10% с Днепропетровской областью, 7% — с Харьковской, 5% — с Киевом и Киевской областью, 3% — с Черниговской областью, остальные области Украины все вместе составляют не более 8% от общего числа.

⁹ Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 92–93.

¹⁰ Список осіб, які підпадають під закон про декомунізацію // Український інститут національної пам'яті. URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu>.

По обвинениям, которые им вменяются, можно выделить несколько основных групп исторических персон. Первая, самая многочисленная группа — это участники революции и Гражданской войны на стороне красных — 50%.

Период революции и Гражданской войны «переформатируется», исключая «красных», разрушая оппозицию красные vs. белые. Можно зафиксировать ориентацию на нарратив национального освобождения, в котором деятелям УНР, ЗУНР, Гетманской державы противопостоят «красные» и «белые» «оккупанты». Следует отметить неоднократное обвинение деятелей революционной борьбы именно в том, что они воевали с УНР. Второе место по численности занимают деятели коммунистической партии, советов и иные персоны, чьи должности были связаны с политической деятельностью — 19%. На третьем месте деятели спецслужб: ЧК, ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ, а также работники судопроизводства РСФСР и СССР — 18%. Деятели, связанные с хозяйственной сферой, составляют 5%, и практически столько же — 4% — деятели сферы культуры и искусства.

На основании этого списка, а также закона о декоммунизации в 2015—2016 гг. был принят ряд практических решений по декоммунизации, был составлен список рекомендаций к переименованию населенных пунктов¹¹. Всего на первом этапе в 2015 г. было решено переименовать 871 населенный пункт, в 2016 г. список увеличился до 988. Переименование происходило в несколько этапов. Первое постановление о переименовании было принято Верховной Радой 4 февраля 2016 г. и затронуло 173 населенных пункта; следующее постановление прошло 17 марта 2016 г., в ходе которого был переименован 151 населенный пункт. В мае 2016 г. несколькими постановлениями было переименовано 579 населенных пунктов. Таким образом было переименовано более 900 населенных пунктов.

Можно зафиксировать несколько основных моделей изменения названий в городской и сельской местности. Первая модель — «изъятие советского» — заключается в удалении из названия беспокоящего и связанного с советским историческим нарративом символа, при этом часть советского названия может оставаться неизменной.

¹¹ Рекомендації до перейменування // Український інститут національної пам'яті. URL: <http://www.memory.gov.ua/rename>.

<i>Прежнее название</i>	<i>Новое название</i>
Червона Українка	Українка
Червоний Київ	Київ
Червонозаводское	Заводское
Колгоспна Гора	Гора
Красні Окни	Окни
Зоря Комунізму	Зоря

Вторая модель — «кардинальная смена имен» — предполагает изменение названия населенных пунктов на совершенно новые. В рамках этой модели можно выделить две основных тенденции. Во-первых, это характерная для этносимволизма любовь к природе. Также принятие этих названий было попыткой не допустить возвращения исторических названий городов как в случае Днепропетровска (Екатеринослава), Комсомольска (Старониколаевска). Еще ярче это отразилось в переименовании сел, когда массовые советские названия, такие как Жовтневе, Леніне, Петрівське изменились на новые массовые названия Вишневе, Степове, Калинівка и др.

<i>Города:</i> Комсомольськ → Горішні Плавні Днепропетровск → Дніпро Іллічівськ → Черноморск Котовск → Подольск	<i>Села:</i> Вишневе 22 шт. Калинівка 13 шт. Лісове 10 шт. Степове 27 шт.
---	---

Во-вторых, новые названия вписываются в национализированный исторический нарратив, особенно популярен казацкий миф: с. Українське (3 шт.), с. Шевченківське (2 шт.), с. Козацьке (3 шт.), с. Гайдамацьке, г. Кропивницький. Вместе с тем мы видим, что эти герои во многом уже были актуализированы советской украинской национализацией и маркировались государством как прогрессивные культурные деятели.

Третья модель — «возвращение к историческим названиям» — таит в себе несколько проблем. С одной стороны, это опасность воспроизводства колониального дискурса, о которой говорят первые лица государства и научные деятели¹². С другой — проблема того, что «исторические» названия могут совершенно не вписываться в со-

¹² Проект Закону про внесення змін до Закону України «Про географічні назви» щодо встановлення географічних назв // Офіційний сайт Верховної Ради. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56887.

временный украинский нарратив, который оставляет за скобками деятельность российских правителей. Таким образом, мы видим, что происходит возвращение к нейтральной топонимике.

<i>Прежнее название</i>	<i>Новое название</i>
Фрунзовка	Захарьевка
Днепродзержинск	Каменское
Червоноград	Кристинополь
Червоноармейск	Пулины

Отдельного упоминания заслуживает законопроект № 3368 «О внесении изменений в Закон “О географических названиях”», в котором предлагается запретить называть населенные пункты именами российских монархов, государственных, политических, военных деятелей периода XIV–XX вв., дабы, как отмечается в пояснительной записке, «не допустить пропаганды империалистического порабощения Украины». Закон был отправлен на доработку, но ввиду складывающихся тенденций его принятие во многом логично и прогнозируемо.

Четвертая модель — «символическое сопротивление декоммунизации: изменения с минимальными последствиями». Следуя логике политолога Дж. Скотта, данные изменения можно отнести к стратегии силы слабых. Когда изменения не желаемы, возникает симуляция изменений, языковая игра, саботаж — об этом свидетельствует изменение ряда названий. Советское символическое господство таким образом исчезает, и названия оказываются вышедшими из поля советской гегемонии и не подчинившимися новым требованиям современных властей Украины.

<i>Прежнее название</i>	<i>Новое название</i>
Петрівське	Петрівка
Володимиро-Ульяновка	Новоулянівка
Іллічівка	Ілчанка
Радсад	Радісний Сад
Червоне Знамено	Червоне
Незаможник	Зажожне
Червона Зірка	Зоряне
Віленка	Вільне

Декоммунизация стала в первую очередь средством отстранения от общероссийской / общесоветской истории, она является инструментом разрушения «артефактов» советского исторического нарратива.

Из украинских регионов более всего задеты индустриализованные регионы востока и центра Украины, поддержавшие советскую власть в начале XX в. — регион бывшей Донецко-Криворожской Советской Республики (Донбасс, Харьков, Днепропетровск), Черниговская область и Киев.

Как отмечает П. Бурдые, «Символическая власть как власть квазимагическая, благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой, но лишь при условии, что эта власть признана, т. е. не воспринимается как произвол». Данного положения добиться сложно, и периодически декоммунизация выливалась в митинги и протесты, особенно в городах, жители которых не желали переименований, навязанных сверху¹³. Поэтому власть, ввиду неспособности продавить силой свое решение, была вынуждена пойти на реализацию слабой, апофатической программы завоевания символического пространства в ходе декоммунизации. Новая повестка дня исторической политики не могла быть осуществлена в декоммунизации топографии городов и сел ввиду нескольких причин.

Новый пантеон героев, который в последние три года стал активно транслироваться, прежде не получал общенационального одобрения и не вызывает эмпатии у населения до той степени, когда в их честь называются населенные пункты. Характер декоммунизации принимает вид радикального разрыва с прошлым, которое однозначно маркируется как преступное и подлежащее осуждению.

Гетерогенность украинской элиты и отсутствие достаточных средств для поддержки культурных индустрий приводят к тому, что политика памяти реализуется зачастую непоследовательно, без должной финансовой поддержки.

В заключение хотелось бы отметить, что подчиненные, доминируемые фракции господствующего класса (клерки или «интеллектуалы» и «художники», в зависимости от эпохи) всегда стремятся поместить на вершину принципов иерархии тот специфический капитал, владение которым обеспечивает их позицию. Таким образом, директор УИМП В. Вятрович реализует свои представления о пантеоне героев, образе Украины без советского наследия, героизме и невинности УПА, советском тоталитарном порядке при не столько общегосударственной поддержке, а скорее при попустительстве оного.

¹³ Жители Кировограда вышли на митинг против переименования города в Ингульск // Сегодня. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/zhiteli-kirovograda-vyshli-na-miting-protiv-pereimenovaniya-goroda-v-ingulsk-684223.html>.

Михаил Погорелов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Москва
факультет гуманитарных наук, аспирант 2 курса
mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ КАБИНЕТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1922–1929 ГГ.

1920-е гг. сыграли ключевую роль в институционализации советской криминологии. Интеллектуальные, общественные и профессиональные дискуссии о преступности, как и научные программы отдельных ученых, существовали и до революции. Перед самым началом Первой мировой войны одна из таких исследовательских программ, — криминальная антропология в версии юриста Дмитрия Дриля, — все-таки получила институциональное воплощение в одном из департаментов Психоневрологического института в Санкт-Петербурге. Однако как полноценная дисциплина, которая бы объединила профессиональное сообщество с исследовательской и образовательной базой, криминология сложилась только при большевиках¹.

Всего за семь лет, с 1922 по 1929 г., в различных городах открывается более десятка криминологических «лабораторий»: в Саратове, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Минске, Иркутске, Баку и Тифлисе. Несмотря на различие в научных подходах и специализации, — одни придерживались медико-биологических исследований, другие были аффилированы с судами, третьи занимались исследованиями заключенных и функционировали при тюрьмах, — эти лаборатории и стали той институциональной основой, из которой выросла вся дисциплина. В 1925 г. пять региональных кабинетов были объединены в единую сеть под началом Государственного института по изучению преступности и преступника в Москве при НКВД РСФСР. С этого момента и до конца 1920-х гг.

¹ *Kowalsky Sh.* Deviant women: Female Crime and Criminology in Revolutionary Russia: 1880–1930. Illinois, 2009; *Beer D.* Renovating Russia: The Human Sciences and Fate of Liberal Modernity: 1880–1930. Ithaca, 2008; *Иванов Л. О., Ильина Л. В.* Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.

Госинститут становится центром разработки уголовного и пенитенциарного законодательства и практики².

Институционализация советской криминологии может показаться удивительной по своим масштабам, — она получила государственную поддержку, относительную научную свободу, беспрецедентную возможность проводить исследования в местах заключения, а также (на короткий срок) влиять на пенитенциарную политику. Тем не менее, если посмотреть на общеевропейский контекст, создание лабораторий при пенитенциарных учреждениях не было чем-то уникальным. Идея изучения преступника в специальных заведениях появилась задолго до начала XX в. и получила новый импульс вместе с проектом криминальной антропологии Чезаре Ломброзо. Прежде всего это было связано с индивидуализацией наказаний: чтобы понять, какая «мера социальной защиты» необходима для того или иного преступника, нужно было знать его психологию и способность к «исправлению». Первая в мире лаборатория открывается по инициативе психиатра Х. Инхеньероса в Буэнос-Айресе в 1907 г.³ Примерно в то же время начала работать лаборатория пенитенциарной антропологии в Лувенской тюрьме, а к 1920 г. аналогичные отделения начали создаваться и в других бельгийских тюрьмах. В 1910–1920-е гг. институты по изучению преступности появляются в Португалии, Франции, Италии, Австрии, Венгрии, Чехословакии и других странах. В 1933 г. Криминально-биологическая комиссия была создана при Министерстве юстиции Польши⁴. Наконец, Криминально-биологическая служба, открытая в Баварии в 1924 г., в 1930-е гг. получила поддержку нацистского режима и была превращена в национальную программу⁵. В этом отношении, открывая криминологические лаборатории в Советском Союзе, представители профессиональных групп (главным образом юристы и психиатры) были интерпретаторами и проводниками общеевропейских тенденций.

² Диспут к вопросу об изучении преступности в СССР // Революция права. 1929. № 3. С. 47–48.

³ *Rodriguez J.* Civilizing Argentina: Science, Medicine, and the Modern State. Chapel Hill, 2006. P. 53.

⁴ *Linkiewicz O.* Applied Modern Science and the Self-Politicization of Racial Anthropology in Interwar Poland // *Ab Imperio*. 2016. No. 2. P. 171–172.

⁵ *Wetzell R. F.* Inventing the Criminal: A History of German Criminology: 1880–1945. Chapel Hill, 2003. P. 254–260.

Другое дело, что в рамках раннесоветского проекта криминология получила совершенно особый статус, функцию и роль. Уже П. Соломон обратил внимание на прогрессивность раннесоветской пенитенциарной политики. Во-первых, она отражала идеи, разработанные как российскими, так и зарубежными юристами задолго до 1917 г. Во-вторых, как большевики, так и профессионалы, подключившиеся к составлению новых кодексов и разработке новой пенитенциарной системы, вполне всерьез относились к идее перевоспитания преступников и превращения тюрем в исправительные учреждения, — по крайней мере, до середины 1920-х, когда такая политика натолкнулась на непреодолимые материальные трудности⁶. Криминологические лаборатории, объединенные в 1925 г. в единую сеть, как раз и должны были находиться в центре этой новой политики. Как указывал один из организаторов Государственного института, в отличие от криминологических институтов в других странах, советская криминология стремилась «к замене тюрем воспитательными учреждениями в подлинном смысле того слова, к отысканию новых действительно целесообразных методов исправительно-трудового воздействия на преступников»⁷.

Криминологические лаборатории оказались в центре обсуждений IX пенитенциарного конгресса, созванного в Лондоне в 1925 г. Всемирно известный юрист Михаил Гернет, взявший на себя теоретическое руководство советской криминологией, отметил, что старая тюремная администрация продолжает представлять собой серьезную оппозицию новым исследованиям. В соответствии с резолюцией съезда, доступ в пенитенциарные заведения имели только тюремные врачи: для всех остальных специалистов он оставался закрыт. По мнению Гернета, советские тюрьмы, где доступ к заключенным имели не только сотрудники, но и широкий круг профессионалов, выгодно отличались от западноевропейских. Главным же недостатком зарубежных лабораторий был их исключительно медицинский, а не социологический характер: «если психиатр дает заключение о вменяемости

⁶ *Solomon P. H. Soviet Penal Policy: 1917–1934: A Reinterpretation // Slavic Review. 1980. Vol. 39. No. 2. P. 195–217. См. также: Retish A. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia // Historical Research. 2017. Vol. 90. No. 247. P. 134–150.*

⁷ *Спасокукоцкий Н. Н. Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника при НКВД // Проблемы преступности. М., 1929. Вып. 4. С. 137.*

обвиняемого, то социолог дает свое заключение о нем с точки зрения его приспособляемости и неприспособленности к социальной среде. Социологическое изучение личности дает материал для правильного выбора применяемой к обвиняемому меры социальной защиты»⁸. В этом и заключалась позиция советских криминологов: они пытались интегрировать специалистов совершенно разных дисциплин, совместив биологическую и социологическую парадигмы.

Хотя различные кабинеты не всегда разделяли одни и те же методологические установки (большинство из них напоминали зарубежные лаборатории и открывались психиатрами), к середине 1920-х, когда был организован Государственный институт по изучению преступника и преступности, начались поиски парадигмы, которая бы объединила представителей разных дисциплин. В каком-то смысле концепция и структура Института (включавшего четыре секции: социально-экономическую, криминалистическую, пенитенциарную и биопсихологическую) напоминала концепцию Психоневрологического института В. Бехтерева, в котором различные науки объединялись вокруг общего объекта — человека. Междисциплинарность рассматривалась не как препятствие, а скорее как преимущество. Как указывал юрист и сотрудник Ленинградского кабинета Павел Люблинский в докладе «Изучение преступности и преступника» в 1928 г., преступность должна изучаться методами как наук о поведении человека, так и методами социальных наук: «ведущийся в науке спор о сравнительном значении биологических и социальных факторов в типологии преступности должен быть признан чисто умозрительным и практически бесплодным, так как каждый акт поведения человека является целостным актом личности, формируемой всей совокупностью наследственных, приобретенных и отраженных влияний. Современное научное изучение преступности мыслимо лишь как коллективная работа группы различных специалистов»⁹. 1-е Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей в 1928 г. подтвердило сотрудничество социологов и психиатров, хотя и оставило «за социально-экономической средой значения первичного фактора в развитии преступности».

⁸ Гернет М. Н. Вопрос об учреждениях для изучения преступности на международном пенитенциарном конгрессе // Изучение преступности и пенитенциарная практика. Одесса, 1927. С. 8–19.

⁹ Материалы о создании Ленинградского криминологического кабинета // Фонд рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ФР РГБ). Ф. 603. Оп. 3. Д. 21. Л. 19–20.

Другая особенность раннесоветской криминологии — неожиданно быстрая институционализация при поддержке большевиков. Ее успех можно сравнить с двумя другими экспериментальными дисциплинами — евгеникой и социальной гигиеной, которые также пережили стремительный взлет и такое же стремительное падение в 1920-е¹⁰. Во всех трех случаях ключевое значение имел патронаж: связи научного сообщества с государственными структурами, заинтересованными в поддержке и развитии исследований. Как правило, криминологические «лаборатории» открывались в университетских центрах, при поддержке местных или центральных властей. Так, Саратовский кабинет был открыт при Губернской секции мест заключения. Почти всегда инициаторами выступали ученые, работающие в тюрьмах или системе здравоохранения. В то же время, в случае Московского кабинета, инициатором выступил начальник административного отдела Моссовета, который предложил группе медиков и юристов провести исследование заключенных в московских арестных домах¹¹. Иркутский кабинет был создан в 1926 г. на основе юридического и медицинского факультетов Восточно-Сибирского университета, а финансирование получал от Административного отдела исполкома Иркутского округа. Белорусский кабинет был открыт при Белорусском государственном университете и НКВД БССР. Часто кабинеты создавались на базе дореволюционных, как это было в случае институтов научно-судебной экспертизы в Киеве, Одессе и Харькове, существовавших еще до войны.

Большинство кабинетов, однако, очень скоро столкнулось с нехваткой финансирования. Переписка Гернета, представлявшего центральный Госинститут в Москве, с региональными отделениями показывает, что причинами закрытия некоторых кабинетов были не столько обвинения в «неоломброзианстве» в конце 1920-х, сколько

¹⁰ *Кременцов Н.* Международная евгеника и российское медицинское сообщество: 1900–1917 // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. № 1. С. 7–41; *Он же.* От «звериной философии» к медицинской генетике: Евгеника в России и Советском Союзе // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 2. С. 24–57; *Solomon S. G.* The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State: 1920–1930 // *Social History of Medicine.* 1990. No. 3. P. 405–435.

¹¹ Преступный мир Москвы / под ред. М. Н. Гернета. М.: Право и жизнь, 1924. С. VII; *Гернет М. Н.* Первая русская лаборатория по изучению преступности // Право и Жизнь. 1924. Кн. 2. С. 26–34.

банальное отсутствие средств. В начале 1927 г. Гербер Маннс просит Гернета рассмотреть возможность, при которой Иркутский кабинет стал бы филиалом Госинститута. В письме Гернету Маннс доказывал, что материалы кабинета «не менее интересны, а в некотором направлении более разнообразны, чем [материалы] мест заключения Москвы. [Поскольку] местные бюджеты не позволяют рассчитывать на [финансирование], то на успешное дальнейшее развитие для деятельности единственного в Сибири Кабинета можно рассчитывать только если он будет включен в сеть местных филиалов Госинститута». В сентябре 1927 г. Маннс сообщает, что Кабинет скорее всего закроется, если Госинститут не согласится сделать его филиалом и включить в свой бюджет¹². Аналогичные просьбы и жалобы поступали и от украинских кабинетов.

Однако в поиске патронов были заинтересованы не только местные кабинеты, но и Государственный институт. Централизация криминологических исследований и создание Госинститута в 1925 г. в принципе стали возможны благодаря патронажу и покровительству ключевых ведомств и людей. Госинститут был образован при НКВД РСФСР, при участии еще трех ведомств — народных комиссариатов просвещения, здравоохранения и юстиции¹³. Однако ключевую роль в его создании сыграл начальник Главного управления мест заключения Е. Г. Ширвиндт, который добился поддержки наркома внутренних дел Г. Белобородова, а также Н. А. Семашко и А. В. Луначарского¹⁴. Ширвиндт, занявший место директора Института, и представитель Наркомздрава Н. Н. Спасокукоцкий служили своего рода медиаторами между научным сообществом и большевиками. Деятельность Института будет напрямую связана с НКВД РСФСР. В 1931 г., когда будет распущен НКВД, Ширвиндт покинет пост директора (как и большая часть прежнего руководства и сотрудников), Институт полностью поменяет свои функции и перейдет (как и все тюрьмы) в ведение Наркомата юстиции РСФСР.

Аналогичный сценарий можно увидеть и в случае Всеукраинского кабинета. Созданный в 1925 г. при участии Исправительно-трудовой

¹² Материалы по созданию Иркутского кабинета по изучению преступности и личности преступника // ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 20. Л. 10–11.

¹³ *Спасокукоцкий Н. Н.* Организация и первые шаги деятельности Государственного Института по изучению преступности и преступника при НКВД // Проблемы преступности. М., 1926. Вып. 1. С. 269–276.

¹⁴ *Kowalsky Sh.* Deviant women. P. 105.

инспекции Одесской губернии, Кабинет должен был стать центром криминологических учреждений УССР, т. е. выполнять функцию, аналогичную Госинституту¹⁵. При этом, в то время как исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. не подразумевал создание специальных криминологических учреждений, исправительно-трудовой кодекс УССР 1925 г. включал статью, предусматривающую «криминально-диагностические кабинеты» при тюрьмах¹⁶. В 1926 г. Всеукраинский кабинет подготовил материалы специально для их работы. В 1927 г. разгорелся ведомственный конфликт между Народными комиссариатами юстиции и внутренних дел Украинской ССР: представители НКЮ хотели закрыть Кабинет в Одессе (патрулируемый НКВД) и передать все его функции аналогичному учреждению в Харькове, которое курировал Наркомюст¹⁷. В результате, однако, Кабинет продолжал работать до середины 1930-х гг.

Постепенный поворот к новому политическому курсу в конце 1920-х гг. предопределил «разгон» криминологии, которая потеряла свой статус, возможность публичных дискуссий и исследовательский характер. Тем не менее, случай советской криминологии в 1920-е гг., как и сценарии евгеники и социальной гигиены, показывает пример крайне успешной институционализации экспериментальной научной дисциплины, которая до 1917 г. существовала в «маргинальном» виде. Как возникновение и развитие, так и упадок криминологических исследований нужно объяснять с точки зрения функционирования и динамики институтов, а также систем патронажа, когда большинство исследовательских кабинетов по всей стране были созданы (зачастую по инициативе снизу) при кооперации профессионалов и местных / центральных властей.

¹⁵ Материалы о создании Всеукраинского кабинета по изучению преступности и личности преступника // ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 19. Л. 13–18.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Там же. Л. 3.

Джоанна Росс / Johanna Ross

University of Tartu, Institute of Cultural Research and Arts
PhD Student of Estonian Literature
johanna.ross@ut.ee

THE MEN ARE BORED, THE WOMEN ARE WORRIED: WOMEN'S EMANCIPATION IN 1970S ESTONIAN LITERATURE

At the end of the 1970s, a wave of “everyday novels” flushed over Soviet Estonia. These rather thin paperbacks depicted “everyday life”, often featuring so-called emancipated women as both primary and secondary characters. Retrospectively, literary historians have seen these books as thinly-disguised romances (frowned upon in the Soviet literary system) or as early, timid manifestations of postmodernism in Estonian literature. This paper argues that these books are best seen as an integral part of the largely sociological discussion of gender roles, carried out in contemporary public discourse. This in turn helps to account for the rather cartoonish divide between books by male and female authors, featuring respectively male and female protagonists.

The term *olmekirjandus*, loosely translated as *everyday literature*, similar to the Russian *бытовая проза*, became a staple in Estonian literary reviews around the turn of the 1980s. A 1980 article in a prominent literary journal especially perpetuated the concept, by trying to define and explain the phenomenon, and also presenting a corpus of contemporary novels it identified as such everyday literature¹. These novels are seen here as prototypical “everyday novels”, although similar texts abounded in the following years and were also considered everyday literature by contemporary critics. The term was undoubtedly pejorative, although many critics of the time had already pointed out that having everyday life (*olme, быт*) as a subject was hardly the biggest problem of those works, or any problem at all. The novels depicted more or less contemporary life, concentrating on the private sphere, mostly marital — and extramarital — relationships.

¹ *Veidemann R.* Olmekirjanduse olemusest, tähendusest ja toimest // Keel ja Kirjandus. 1980. No. 3. P. 129–134.

A similar phenomenon has been noticed in Russian literature, referred to as *любовно-бытовая проза* (“everyday prose”)².

Depicting the private life of the Soviet citizen, those texts explicitly tackle “the woman question” and the topic of women’s emancipation. The educated and intelligent urban woman, who is having difficulty finding a husband and starting a family, is a staple character. Characters often mention the very term of emancipation in conversation or in internal monologue. It is, indeed, remarkable how authors seem to avoid stating any personal position on the topic, situating all the discussion in ambivalent contexts. One novel features an uneducated male protagonist, who ridiculously pronounces the word incorrectly while accusing his wife: “the damn women’s *emancipation* has ruined you as well!”³. In another novel, girlfriends discuss (the) sexual revolution amongst themselves: one supports it wholeheartedly; the other claims it is a concoction of dirty old men, designed only to get into women’s pants⁴. In several works, characters refer to real-life sociological and philosophical accounts published in contemporary newspapers⁵.

All this gives ground to linking those everyday novels to the contemporary public discourse in Soviet print media of gender roles and the “woman question”. Russian sociologists Elena Zdravomyslova and Anna Temkina have considered this discourse in terms of the *crisis of masculinity*, namely because of this foregrounding of emancipated women⁶. While the gender question was one of the permitted topics of discussion in public media, Zdravomyslova and Temkina argue that it became a code for other, more suspect subjects: “In late Soviet discourse, the “crisis of masculinity” was a metaphor that camouflaged the acknowledgement of a social malaise”⁷.

This also seems to be a useful framework for discussing the apparent gender divide in books. In “everyday novels” by female authors, the emancipated woman described above is positioned as the protagonist. She is

² Гуреев В. Н. «Любовно-бытовой взрыв» в русской литературе 1970-х гг. Воронеж, 2008.

³ Kallas T. Eiseni tänav. Tallinn, 1979. P. 232–233.

⁴ Pervik A. Kaetud laud. Tallinn, 1979. P. 141.

⁵ Viiding I. Kordusmängud. Tallinn, 1980. P. 65; Paju A. Merkuuri tütar. Tallinn, 1983. P. 22.

⁶ Zdravomyslova E., Temkina A. The Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse // Russian Social Science Review. Vol 54. No. 1. 2013. P. 40–61.

⁷ Ibid. P. 55.

seen as a potentially able citizen, albeit tragically unhappy in her private life. The most burning question is finding a man to start a family with: the biological clock is ticking (according to contemporary understanding, by the age of 30 this ticking was already unbearably loud), but all the men around her seem to be drunkards, cheaters or otherwise untrustworthy. Most women writers seem to sympathize with their female protagonists at least to some degree, although they don't also hesitate to point out their flaws (especially morally suspect actions such as drinking and/or promiscuity) and give rather harsh, cartoonish descriptions of their older, bitter, husbandless girlfriends⁸.

In books by male authors, however, very similar women tend to be secondary characters. They are clever, beautiful and independent, but lonely and bitter on the inside. As such, they tend to pose at least a superficial threat to the male protagonist's marriage and, more importantly, to his self-consciousness. Such are most notably Elsa and Viivika, both doctors by trade, the protagonists' lovers in two respective novels⁹. The male protagonist also might face the dangerous situation of his own spouse suddenly "emancipating" (as demonstrated by her joining a marching band and sporting a sexy uniform), thus completely pulling the rug from under his feet¹⁰.

This divide roughly corresponds to the possible interpretations of the "masculinity crisis": both genders could see themselves victimized by the situation. Some might have felt that "when set alongside the emancipated Soviet woman, a man found it complicated to operate as a member of the stronger sex"¹¹. Women, on the other hand, often felt they suffered under the notorious "double burden" of the Soviet woman, acting as *brave victims* alongside the men, who functioned barely as *big children*¹². It seems

⁸ As Gureev V. N. points out with regard to the Russian *любовно-бытовая проза*, in those works, the authorial position generally becomes much less clear than in prior Soviet literature, as the authors focus on describing new social phenomena rather than on judging them. Гуреев В. Н. «Любовно-бытовой взрыв» в русской литературе 1970-х гг. С. 20, but also elsewhere.

⁹ Lattik V. Pastoraal mummulisest kleidist. Tallinn, 1979; Kallas T. Eiseni tänav.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Zdravomyslova E., Temkina A. The Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse. P. 54.

¹² Marody M., Giza-Poleszczuk A. Changing Images of Identity in Poland: From the Self-Sacrificing to the Self-Investing Woman? // Reproducing Gender. Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism / ed. S. Gal, G. Kligman. Princeton, NJ, 2000. P. 163–164.

indeed justified to see these books as a part of the general discussion of the gender question.

However, with regard to the 1970s everyday novels, two additional points made by Zdravomyslova and Temkina are worth noting. Firstly, as mentioned before, they argue that the gender debate in the Stagnation-era Soviet Union was more than it might have seemed on the surface: “The impossibility of performing traditional male roles, due to restrictions of liberal rights (to property, political freedom, and freedom of conscience), was implicitly posited as the reason for the destruction of true masculinity, although this thesis was not overtly stated until the very end on the 1980s”¹³. Secondly, according to Zdravomyslova and Temkina, the wounded Soviet masculinity was largely compensated for in certain spheres, including the cultural sphere. There, alternative masculinity was cultivated; a process which also entailed different gender roles: “In that quasi-public sphere, women became friends, muses, and homemakers; they provided the infrastructure for the actions of men”¹⁴.

Those two factors combined might have special consequences for literature, especially for women’s literature. For example, it is notable that also in women’s novels, emancipation — which supposedly gave women the upper hand in society — was not viewed as positive. As I argued earlier, the author usually avoids expressing any direct views, letting the characters do the (ambivalent) talking. However, the bottom line often seems to be that emancipation does not make the protagonist happy and, as such, might not be all it is made out to be. On the final pages of one novel, the protagonist muses: perhaps I am not the right type of woman for this emancipation thing, perhaps I am too naive and sentimental, but at least I can give birth¹⁵. Yet another protagonist blames and curses herself: a person like you, she tells herself, can make no use of emancipation, you don’t know how to live like this¹⁶. The reader, of course, is left with the feeling that if such relatable and overall pleasant characters cannot handle emancipation, perhaps the whole phenomenon is, indeed, suspect.

This female distaste for emancipation is by no means an exclusive characteristic of literature. As noted by Anna Rotkirch, who has studied life stories of Soviet women, her informants often offered in the same breath

¹³ Zdravomyslova E., Temkina A. *The Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse*. P. 43.

¹⁴ *Ibid.* P. 55.

¹⁵ Pervik A. *Kaetud laudad*. P. 188–190.

¹⁶ Viiding I. *Kordusmängud*. P. 10.

contradictory or at least ambivalent statements about emancipation. Even as her interviewees complain of inequality, their solution to that often tends to be return to gender roles and division of labour perceived as traditional (as opposed to emancipation). Rotkirch wittily remarks that if 1970s Western feminism proudly shouted the slogan “Woman, wake up — there is no prince”, then “In Russian women’s autobiographies, their own conclusions rather suggest they would wish for the prince to wake up”¹⁷.

However, it could be argued that literary texts produced by female authors belonging to the cultural sphere as flesh-and-blood citizens (in several relevant cases, often also being daughters, wives or friends of renowned writers) were especially influenced by the intelligentsia’s aversion to the state-enforced ideology of emancipation. With regard to Estonia, the general anti-Sovietism (not to say Anti-Russian sentiment) of the intelligentsia definitely also needs to be kept in mind. Thus, the position of the intellectual woman or a woman writer may have been especially complicated: the surrounding cultural sphere endorsed an understanding, which saw women as “friends, muses, and homemakers”, so this attitude was considered normal and natural for a (secretly) anti-state intellectual. This consideration, however, did not relieve the intellectual woman of the “double burden” of real everyday life.

Keeping that in mind, let us return to the idea that the discussion of gender roles was perhaps really a discussion of somethings else: a metaphor for the poor quality of life of the Soviet citizen. That would make literature depicting and criticizing gender relations at least a potentially rebellious sphere: we might argue that under the guise of discussing petty everyday problems, and even the frivolous topic of marital and extramarital relationships, “everyday literature” actually did the work of quietly subverting the Soviet system — the literary, but perhaps also the overall political system. Such claims have been made, and they are not altogether unjustified. More generally, those claims relate to the idea that everyday literature was in some ways “proto-postmodernist”. It is indeed true that everyday literature exemplified the shift away from the earlier rigid canon of Socialist Realism, focussing on ever more imperfect “heroes” and increasingly private concerns, and leaving the authorial position ever more lenient. More narrowly, the figure of the unhappy emancipated woman could be read as directly embodying the absurdity and inefficiency of Soviet ideology.

¹⁷ *Rotkirch A. The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. Helsinki, 2000. P. 134–135.*

However, the latter invokes the question whether women may have had different things to subvert than men. If we compare Estonian everyday novels by male and female authors, certain differences in mood and plot solutions appear quite markedly. Novels by male authors present a grey, depressing world, the main problem of which seems to be the omnipresent staleness — indeed very feasibly a metaphor of the whole “1970s-ness”, of the era of Stagnation. Similarly, the plot often shows the protagonist disappointed in his marriage, having a brief affair with the “emancipated woman”, and then returning to the previous state of things, not especially happy, not especially devastated. On the contrary, for women protagonists, the world around them is anything but stale and boring. Instead, it is a battlefield, an ever more hostile place, the more desperately the character tries to find her place in society. The ending is never a return to the previous state but rather a new beginning symbolized by finding a new partner, returning to the old one after certain promises, giving birth to a child or deciding to move to the country. The exact meaning of such differences cannot be pinpointed in the case of literature, but they do hint that women authors may have found it more difficult to altogether part with the idea of a “happy emancipation”, a shift in gender roles, even though the intellectual discourse of the period suggested they do so. Women’s novels, too, feature the same social phenomena characteristic to the era, such as the emancipated woman and the weak drunkard of a man, but the mood is fundamentally different: while the men are bored, the women are worried, although both perhaps equally desperate. If this anxious unrest is also a metaphor for something more general, a criticism of the general situation, it is an altogether different criticism.

In summary, the 1970s Estonian everyday literature, which paid considerable attention to the “woman question”, was generally well in-step with the contemporary discussion of gender relations in Soviet public discourse. Acknowledging this helps account for the obvious gender divide in approaching the subject. At the same time, we ought to keep this gender divide in mind when interpreting the literature in question as a (subtly) subversive phenomenon in context of the Soviet Union: women’s qualms with both the phenomenon of emancipation and with the Soviet system in general may have been somewhat different from those of men.

Мария Старун

Санкт-Петербургский государственный университет
институт истории, магистрантка 2 курса
staroon@mail.ru

«УПАДОЧНИЧЕСТВО» В КОМСОМОЛЕ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

«Упадочничество» в 1920-е гг. появилось в советском дискурсе как общее название широкого круга явлений, к которому в тех или иных текстах могли относиться самоубийства, половая распущенность, хулиганство, пьянство, пессимистические настроения, индивидуализм и т. д. — т. е. весь перечень недостатков советского человека в эпоху нэпа. Поэтому широкому явлению упадочничества была противопоставлена еще более значительная идея социалистического строительства, которая подразумевала неустанную борьбу за построение нового общества.

Нужно иметь в виду, что сначала «упадочничество» использовалось литературными критиками в качестве термина, характеризующего все несоветское в произведениях писателей-попутчиков. Рост самоубийств в середине десятилетия¹ и озабоченность проблемами нэпа, которые признавались не только властными структурами, но и рядовыми гражданами, привел к расширению области применения слова «упадочничество», которое почти в том же значении теперь использовалось для характеристики общественной ситуации в целой стране. Самые значительные кампании против этого явления были проведены в конце 1926–1927 гг., когда параллельно с «упадочничеством» после нашедшего самоубийства Сергея Есенина использовался термин «есенинщина», не менее расплывчатый, чем первый, и во многом синонимичный ему.

Особенную остроту обсуждению этой проблемы придавал тот факт, что именно молодежь оказывалась наиболее подверженной «упадочническим идеям». Если волна самоубийств в этот период была характерна и для других стран, то только в СССР был таким

¹ См. подробнее: Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 годах. М., 1929; Гернет М. Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее. М., 1927; Бруханский Н. П. Самоубийцы. Л., 1927.

высоким процент молодежи среди суицидентов². Это совершенно не соответствовало каноническому представлению о юных строителях социализма, которые должны были обеспечить будущее процветание советского государства. Поэтому представляется необходимым обратить внимание на настроения внутри главной советской молодежной организации — ВЛКСМ, на то, что вызывало недовольство комсомольцев, какой «эмоциональный режим»³ там господствовал и как он был связан с «упадочничеством».

В историографии «упадочничество» само по себе не получило комплексной разработки и обычно рассматривается в рамках исследований по истории советской молодежи⁴ и повседневности эпохи нэпа⁵, где очевиден подход, направленный на изучение субъекта и его повседневных практик. Актуальность и эффективность этого антропоцентрического взгляда на советскую историю 1920-х гг. позволяет обратиться и к такой трудно познаваемой области, как эмоциональная жизнь человека⁶, которая в той или иной степени является продуктом культуры и идеологии. «Эмоциональный режим», который создавала советская власть, хорошо просматривается на примере «упадочничества», особенно ярко проявившегося в молодежной, комсомольской среде.

ВЛКСМ представлял собой массовую организацию, куда должны были приниматься все молодые люди и где должен был доминировать пролетарский дух. Несмотря на масштаб и большие политические амбиции Союза молодежи, он намеренно ставился партией в подчиненное положение, чтобы недовольство комсомольцев не учитывалось

² *Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington; Indianapolis, 2000. P. 178.*

³ Эту концепцию выдвинул историк Уильям Редди, разработавший теорию «эмоциональных режимов», давление которых приводит к появлению «эмоциональных убежищ». См. подробнее: *Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York, 2001.*

⁴ См., например: *Марков А. Что значит быть студентом? М., 2005; Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia.*

⁵ См., например: *Лебина Н. Б. Советская повседневность: Нормы и аномалии. М., 2015, Naiman E. Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, NJ, 1997.*

⁶ См. историографию истории эмоций: *Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016. С. 1–38.*

в реальной политической борьбе⁷. Тем не менее ВЛКСМ рассматривался как кузница кадров для партии, и контроль над ним был достаточно велик, поэтому проблема дисциплины постоянно стояла на комсомольских собраниях. В большинстве случаев она характеризовалась как неудовлетворительная (непосещение собраний, неуплата членских взносов, самовольные выходы, оппозиционные настроения и др.). Как нарушение дисциплины трактовались даже такие на первый взгляд невинные вещи, как замужество⁸, отъезд из города без уведомления своей ячейки⁹ или рассказывание анекдотов на производстве¹⁰.

Несмотря на общий жесткий и ограничивающий характер существования в рамках комсомола, организация старалась быть адекватной для молодежи, открытой для беспартийных. Попытка уйти от репрессивных мер к воспитательным выражалась, например, в поощрении различных форм самодеятельности или в стремлении учитывать настроение молодежи не через «казенные анкеты», а через повседневное общение актива с массой комсомольцев¹¹. Относительная демократичность позволяла рядовым членам организации публично выражать свое недовольство по некоторым вопросам личного, а не государственного характера, последнее считалось проявлением оппозиционных настроений. В основном претензии касались неудовлетворительной политики бюро в отношении перевода комсомольцев на квалифицированную работу¹²; встречались отдельные случаи не-

⁷ Дискуссии о политическом весе комсомольцев выражались в споре о возрасте вступления в союз, который для желающих видеть ВЛКСМ политической организацией начинался с 16 лет, а не с 14, как это было на самом деле. Своеобразная «инфантилизация» комсомола автоматически ставила его значительно ниже партии, что особенно проявилось во время оппозиционной борьбы 1925 г. См. подробнее: *Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Cambridge, 2003. P. 168–176.*

⁸ Протокол о состоянии дисциплины от 21 декабря 1927 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД). Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 8. Л. 87.

⁹ Протокол заседания товарищеского суда. 1925 г. // ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

¹⁰ Директива Бюро Коллективов и Бюро юнсекций В. О. р-на «О борьбе с мелкобуржуазным влиянием и об идеологическом улучшении содержания качества культурной работы» // ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 21.

¹¹ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 74, 104, 122, 123.

¹² Там же. Л. 66.

довольства материальной обеспеченностью, когда рабочая молодежь устраивала демонстрации и шла к районному комитету с требованием повысить зарплату¹³. Имелись и напрямую негативные характеристики комсомола: в сводке о болезненных явлениях упоминается комсомолец фабрики «Рабочий», который вышел из союза, потому что, вступив в комсомол, он научился пить и курить, тогда как в другой организации — у «чуриковцев» — от этого отучают¹⁴. Другой проблемой была безработица, пессимистические настроения на этой почве появлялись, судя по информационной сводке за лето 1927 г., главным образом у приезжих комсомольцев, которые угрожали уйти из союза¹⁵.

Среди «нерабочей молодежи» настроения были еще хуже — в коллективе Академических театров не хотели служить в армии («за получку в три рубля»), потому что «легче застрелиться, чем идти на войну»¹⁶. Даже красноармейцы в большом количестве выходили из союза из-за боязни войны — в Троцкой организации были зарегистрированы 25 случаев выхода¹⁷. При этом отмечалось, что «имеющиеся случаи упадочничества и паникерства единичны и не отражаются на состоянии работы ячеек»¹⁸.

Охват молодежи комсомолом был велик, поэтому неудивительно, что среди всех его членов находились недовольные тем или иным аспектом деятельности союза. Однако в документах постоянно подчеркивается беспокойность этими явлениями, которые выглядят угрожающими не только для той или иной комсомольской инстанции, но и для государства вообще. При этом совершенно различные события объединяются в единые комплексы нарушений, обозначенные в общем как «болезненные» или «упадочнические» настроения, т. е. соотношенные с эмоциональной сферой жизни вопреки их сугубо социальной природе.

В одном из дел с отчетами губернской организации комсомола находят любопытные бумаги, происхождение которых трудно определить, так как они написаны карандашом в виде заметок, никак не

¹³ Там же. Л. 137.

¹⁴ Информационная сводка о негативных явлениях среди комсомольцев Ленинградской губернской организации ВЛКСМ. 1927 г. // ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 869. Л. 4.

¹⁵ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 136.

¹⁶ Там же. Л. 148.

¹⁷ Там же. Л. 149.

¹⁸ Там же.

озаглавлены и не подписаны, но скорее всего это отчет о неудачно проведенном собрании. «Старые ребята хотят смыться с работы, объясняемое желанием учиться, отдохнуть, заняться культуркой», их интерес в том, чтобы «уступить место другим и отойти на мелкую работу». Далее сообщается о неких настроениях «упадочного свойства», и в скобках перечислено «надоело [слово зачеркнуто], неверие ‘в свои силы’ [через галочку] и надоедание», три секретаря цехячейки из шести «хотят смыться сейчас», на собрании было три самоотвода по причине «надоело» и работоспособность была «не особенно хорошая». Документ далее гласит: «ц/ячейки партядро не привлечено к работе, у большой [сначала написано «некоторой», потом зачеркнуто и исправлено] части их упадочничество и оторванность от общественной работы». Настроения характеризуются как неважные, и причины видятся автору отчета в том, что «перегнули палку в демократии» и ребята пользуются ради своей выгоды курсом на удовлетворение запросов молодежи и отказываются от нагрузок, потому что это их не интересует, не соответствует их запросам, что позволяет им уклоняться от работы. При этом, как мы видим дальше по документу, ребята одновременно жалуются, что нет ничего нового, в то время как сами они, по словам автора отчета, не проявляют никакой инициативы¹⁹. Эти сведения говорят, во-первых, о том, что «упадочничество» в смысле нежелания работать проявлялось в комсомольской организации на всех иерархических уровнях. Во-вторых, молодежь часто имела прагматические интересы для вступления в комсомол, который при этом не всегда являл собой пространство для карьерного роста, для полезного проведения досуга. В некоторых случаях комсомольская нагрузка вызывала только усталость, что неудивительно, если учесть, что эта работа должна была совмещаться с производственной, с политечкой и семейными делами. Молодые люди, очевидно, боялись роста ответственности и поэтому уходили из комсомола²⁰.

Подавленное настроение в некоторых случаях приводило к самоубийству, отношение к которому на протяжении изучаемого периода не было однозначным. В протоколах товарищеских судов за 1925 г. значится обвинение в покушении на самоубийство состоящей в комсомоле крестьянки, что было вызвано тяжелым материальным положением и смертью отца. Товарищеский суд даже не поддержал обвинения, так как причины, по их мнению, были адекватны решению

¹⁹ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 188–193.

²⁰ Там же. Л. 197.

девушки²¹. Впоследствии восприятие самоубийства изменилось, ему стали приписывать большее значение. Идеолог РАПП, литературовед В. В. Ермилов писал в 1927 г., что права умирать у человека не существует, так как личность принадлежит классу, а у самоубийства — капитулянтская сущность²².

Комсомолец Фиалков был обвинен в попытке самоубийства, которую он сам объяснил отказом коллектива дать ему рекомендации для перевода в партию. Об этом Фиалков узнал во время возвращения из Шлиссельбурга на пароходе и, «поддавшись пессимистическому настроению, бросился в воду»²³. После попытки повеситься члену коллектива Высших Кооперативных курсов Золину задали вопрос, не объясняет ли он свое поведение придиричивым отношением со стороны отдельных членов бюро и администрации, на что он ответил, что никого не считает виновным в своем поступке²⁴. При этом в своей предсмертной записке он пишет, что «скушала меня, как горячий пирожок, администрация», которая ответственна за указанные в его записке «порядочные беспорядки». Фиксация в отчете отсутствия обвинений говорит о некоторой тревоге, которую могли испытывать руководители данной организации. Мало того, что, по-видимому, внутренние склоки непосредственно привели Фиалкова и Золина к самоубийству; их попытки, к счастью, не увенчались успехом, тем не менее они заслужили не только публичное обвинение коллектива, но и исключение из него. Попытка самоубийства автоматически ставила человека в ряд морально неустойчивых, не заслуживающих доверия в деле строительства коммунизма.

Это давление коллективистского представления о единственно правильной модели поведения и чувствования приводило к трагическому итогу. В некоторых случаях кончали жизнь самоубийством или имели «упадочнические» настроения именно те, кто признавал коммунистические идеалы, но не считал себя способным им следовать:

²¹ Протокол конфликтной комиссии. 1925 г. // ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

²² *Ермилов В. В.* Против мещанства и упадничества. М.; Л., 1927. С. 8.

²³ Протокол конфликтной комиссии. 1927 г. // ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 1. Л. 139.

²⁴ Выписка из протокола № 2 Расширенного пленума Бюро коллектива ВКП/б/ при Высших Практических Кооперативных курсах Петросовета совместно с партактивом. 31 января 1927 г. // ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 7.

«Чтобы быть хорошим ленинцем, нужно очень много знать, а это трудно, — все же не советуем делать то, что мы делаем — стреляться»²⁵. Ростовская комсомолка чувствовала «какое-то упадочничество», при этом осознавая, что она член комсомола и «должна бороться с упадочничеством», иначе не сможет выполнить «заветов Ильича»²⁶.

Жизнь человека идеологически мыслилась как постоянное саморазвитие, и поэтому в ней не предполагалось места для проявления чувствительности субъекта. Такой субъект, тратя время и свой энергетический ресурс на личную жизнь, мог нарушить стремительный эволюционный ход советской истории. М. Рафаил с осуждением упоминал в своей работе дневник некоего секретаря цехячейки за 1927–1928 гг., в котором «три четверти посвящены любовным, полублюбовным и иным интригам»²⁷, а нарком здравоохранения Н. А. Семашко считал, что необходимо отвлекать массы от личной жизни²⁸.

Одной из важнейших задач культурной революции являлось преобразование психики из буржуазной в социалистическую²⁹, и этот считающийся реализуемым проект по переделке человека был тотальным и предполагал создание определенного доминирующего эмоционального режима — социалистического режима чувствования. Смена эмоциональных матриц становится символом 1920-х гг., что убедительно показал Ю. Олеша в романе «Зависть» (1927). «Все живут зоологией и физиологией»³⁰, — с оттенком высокомерия писал в дневнике К. И. Чуковский, однако это действительно рассматривалось как проблема. Н. Бухарин говорил на XIV съезде партии: «Нужно давать что-нибудь для чувства человека», называл Есенина «отдушиной» для ищущей себе выхода эмоциональной энергии молодежи³¹. Поэтому многие комсомольцы обращались к его стихам. Один член союза объяснял, что поэзия Есенина актуальна в особенности тогда, когда нет сил и слов выразить свои чувства самостоятельно³². Среди одиноко проживающих комсомольцев Ижорского завода мно-

²⁵ Предсмертная записка харьковских комсомольцев, совершивших двойное самоубийство // Красная газета. 1926. 8 янв.

²⁶ Цит. по: Рожков А. Ю. В кругу сверстников. М., 2015. С. 147.

²⁷ Рафаил М. А. За нового человека. Л., 1928. С. 55.

²⁸ Бруханский Н. П. Самоубийцы. Л., 1927. С. 6.

²⁹ Рафаил М. А. За нового человека. С. 56.

³⁰ Чуковский К. И. Дневник: 1901–1929. М., 1991. С. 218.

³¹ Цит. по: Ермилов В. В. Против мещанства и упадничества. С. 34.

³² Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia. P. 181.

гие увлекались «есенинщиной», имели «упадочнические» настроения, которые, по мнению составителей отчета, усугублялись плохими условиями жизни общежития³³. Стихи в есенинском стиле писал член комсомольской организации Вхутемас: «Я ушел в иные шири, / Там иная ледь, / Слишком слезно в этом мире, / Чтоб о нем жалеть»³⁴. Приведенные примеры говорят о том, что практики чтения Есенина во многом являлись своего рода убежищем от «слезного», материально неустроенного нового мира, в котором к тому же порицается такого рода чувствительность.

В каком-то смысле советская власть сама провоцировала «упадочничество» той очень высокой планкой, которой должен был соответствовать комсомолец, партиец. Господствующий в комсомоле и партии дисциплинарный режим предполагал минимальную эмоциональность, требовал полной физической отдачи и большой ответственности, тогда как рядовой член ВЛКСМ не всегда получал обещанные льготы и преференции. Поэтому рождалась необходимость в неких эмоциональных убежищах, ощущение тревоги перед новым и значительным режимом выливалось в создание маргинальных социальных групп, самоубийства или всего лишь в увлечение такими практиками, как чтение Есенина. Власть считала все эти проявления опасными, тогда как субъект хотел получить свое давно знакомое и понятное эмоциональное переживание, которое обеспечивало ощущение стабильности в изменяющемся мире.

³³ Итоги обследования коллектива ВЛКСМ Ижорского государственного завода. 1927 г. // ЦГАИПД. Ф. К-764. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

³⁴ Цит. по: *Ермилов В. В.* Против мещанства и упадничества. С. 50.

Андрей Ферт

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
докторская школа имени семьи Юхименков, история,
аспирант 1 курса
andryi.fert@ukma.edu.ua

«Я НЕ ПОНИМАЮ, О ЧЕМ ГОВОРIT ЭТОТ СВЯЩЕННИК»: КОМИССИИ СОДЕЙСТВИЯ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ КИЕВА В ПЕРИОД «ЗАСТОЯ»

В период «застоя» (1964–1984), как удачно сформулировал Алексей Юрчак, «ежедневное существование было особенно полно парадоксов и несоответствий», а «строгий государственный контроль сочетался с многочисленными свободами от него»¹. Не исключением была и религиозная политика².

Уже к концу 1964 г. был выработан новый подход к взаимоотношениям с Русской православной церковью: «ограничить и ослабить влияние церковников», однако сделать это «в рамках закона»³. Для этого, согласно партийным директивам, жизнь каждой православной общины нужно было взять под «повседневный и всесторонний контроль», с расчетом, что при малейшем формальном нарушении со стороны верующих государство получит право снять их общину с регистрации (после чего легально отправлять культ в общине станет невозможно).

Однако задание такого рода требовало огромного количества людей, которые могли бы осуществлять контроль «повседневно» или даже «повсюду» (как требовал Киевский обком партии), а ресурсов Совета по делам религий (*далее* — СДР), специального органа, ответственного за взаимодействия с церковью, и его уполномоченных

¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 83.

² В историографии проблема религиозной политики во время «застоя» изучена слабо. Отметим таких авторов, как Д. Поспеловский, Н. Шлихта, И. Смолина, Т. Чумаченко, Л. Писарькова, Л. Панина, С. Жилюк, которые в своих работах затрагивают некоторые аспекты государственно-церковных отношений, а также стратегии выживания церкви после Хрущева.

³ Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: В 2 кн. М.: Пропилеи, 1995. Кн. 2. С. 249–250.

на местах было для этого явно недостаточно. Особенно остро такая нехватка ощущалась в Украинской ССР, где находилась большая часть действующих приходов РПЦ.

Принимая во внимание это обстоятельство, республиканское руководство реанимировало идею «комиссий содействия» (далее — КС), которые должны были помочь уполномоченным в «надзоре за правильным исполнением законодательства о религиозных культах духовенством и верующими». В течении 1967–1971 гг. КС были созданы при всех областных, городских, районных, сельских исполкомах советов депутатов трудящихся.

Такие комиссии создавались из местного актива (не обязательно партийного) в порядке «партийной» или «трудовой» дисциплины. Их работа не оплачивалась (в отличие от работы уполномоченных) и занимала свободное от основной работы время (в большинстве случаев членами комиссий становились сотрудники исполкомов и школ), а основной массив разного рода мероприятий приходился на выходные дни.

* * *

Киев был одним из наиболее «религиозных» городов СССР: 8 церквей и 2 монастыря неизменно действовали тут на протяжении всего периода «застоя». Возможно, поэтому КС, созданные в городе, состояли в среднем из 20–25 человек, в то время как в среднем по республике — из 10–15.

В 1978 г. в придачу к комиссиям были созданы еще и «группы содействия»: небольшие (до 5 человек) формирования, которые должны были вести «профилактическую работу» во всех ЖЭКах, на всех заводах, в научно-исследовательских институтах, университетах, районных управлениях образования и даже при религиозных общинах. Члены групп собирали информацию о религиозности сотрудников, проводили беседы с «неблагонадежными» и т. д. Например, глава такой группы на Речном вокзале занимался тем, что составлял базу «всех, кто крестит детей», и ежемесячно проводил с ними беседы, а также «всячески поощрял» их к участию в «советских обрядах»⁴.

⁴ Доклад главы комиссии содействия М. Рождественской «О религиозной обстановке в Подольском районе». 26 мая 1978 г. // Государственный архив г. Киева (далее — ГАК). Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 1879. Л. 10–11.

Из отчета киевского уполномоченного следует, что в 1978 г. общее количество вовлеченных людей, которые «обеспечивали соблюдение законодательства о культах» в Киеве, составляло 1 184 человека⁵ (10 комиссий содействия в 10 районах города и более 300 групп содействия).

Хотя бы раз в месяц уполномоченный присутствовал на заседании одной из КС, давал рекомендации относительно «правильной практики контроля», проводил для членов комиссий специальные обучающие мероприятия и даже награждал за «энтузиазм в работе» наиболее активных волонтеров. Как писал киевский уполномоченный Валентин Руденко в одном из своих отчетов, «наш аппарат сотрудничает с комиссиями, не подменяя их»⁶.

* * *

Чтобы «ослабить влияние церковников», члены комиссий применяли ряд методик давления на православные общины, среди которых можно выделить такие: непосредственное вмешательство в деятельность общины, инвентаризация, ремонт храма и личное присутствие во время богослужений.

Вмешательство комиссии в жизни так называемой «двадцатки» (как называли в то время зарегистрированную религиозную общину) было едва ли не самым эффективным методом давления. Без ведома и санкции КС исполнительный орган «двадцатки» не принимал практически никаких решений.

Пример старосты Владимирского собора Киева Сергея Шаховского является показательным. В течение 1972–1974 гг. он приходил на каждое заседание районной КС, где поднималась тема Владимирского собора. Он должен был также заранее информировать уполномоченного и председателя комиссии о любом изменении в расписании богослужений, крестных ходов и т. д. На некоторые заседания, согласно протоколам, он приходил с метрической книгой, чтобы члены комиссии могли провести «сравнительный анализ уровня обрядности» (индикатор, используемый КС для анализа религиозной ситуации: за текущий

⁵ Справка о работе групп содействия по г. Киеву // Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее — ЦГАВОВУ). Ф. 4648. Оп. 7. Д. 75. Л. 68–70.

⁶ О состоянии контроля за исполнением законодательства о религиозных культах по г. Киеву за 1978 г. // ГАК. Ф. Р-1525. Оп. 2-с. Д. 52. Л. 49.

месяц / квартал / год подсчитывалось общее число религиозных обрядов, совершенных во всех общинах района)⁷.

Инвентаризация. В своих рекомендациях к комиссиям содействия уполномоченный Руденко в 1972 г. отмечал: «Особое внимание следует уделять учету предметов культа»⁸. На деле учет этот проходил по-разному и зависел от того, имело ли церковное здание ценность с «историко-культурной» точки зрения или нет.

Часто случалось так, что после каждой последующей проверки список предметов, которые «могут составлять историческую ценность», увеличивался. Для конкретной религиозной общины это означало прежде всего увеличение сумм, которые они должны были отчислять в Фонд охраны памятников. Курьезный случай, связанный с этим, произошел в Макариевской церкви. Община храма обсуждала годовой финансовый отчет и почти перессорилась из-за формулировки «правление общины с удовлетворением отмечает, что в текущем году отчисления в Фонд... повысились в сравнении с прошлым годом». Один из участников заседания категорически стоял на том, что «ни церковь, ни он сам не может чувствовать никакого удовлетворения за ненужные церкви расходы». В конце концов бухгалтер Анна Гаупт убрала из отчета эту фразу, и даже «уменьшила суммы на несвойственные церкви расходы»⁹.

Логика увеличения сумм отчислений заключалась не просто в усилении экономического давления. В своих рекомендациях Руденко прямо писал: «Это позволит сократить количество храмов»¹⁰. Так что общины (по замыслу) однажды должны были перестать платить, потому что платить было бы нечем, и этим дать формальный повод власти для закрытия храма. В Полтавской области, например, это срабатывало¹¹, однако в Киеве, где бухгалтер Анна Гаупт так запросто меняла размер

⁷ Документы комиссии содействия исполнению законодательства о культах Ленинского района. 1972–1974 гг. // ГАК. Ф. Р-13. Оп. 3. Д. 18. Л. 4, 9, 16.

⁸ Материалы совместных заседаний уполномоченного и комиссий по культам. 1972 г. // ГАК. Ф. Р-1525. Оп. 2-с. Д. 16. Л. 6.

⁹ *Едлинский Г., Едлинский М.* Любящее Господа сердце: Труды. Проповеди. Воспоминания. Киев: Дух і літера, 2004. С. 320.

¹⁰ Информационный отчет уполномоченного СДР по г. Киеву. 17 февраля 1975 г. // ГАК. Ф. Р-1525. Оп. 2-с. Д. 28. Л. 13.

¹¹ *Штриккер Г.* Русская Православная Церковь в советское время. С. 302–307.

отчислений и где за весь период «застоя» не было закрыто ни одного храма, такая практика, очевидно, результатов не давала.

Ремонтировать храм было нельзя без соответствующей санкции КС и уполномоченного. И часто случалось так, что комиссии затягивали выдачу разрешений на ремонт, чтобы здание храма можно было признать аварийным и закрыть: как в случае с церковью в селе Летки под Киевом, пострадавшей от пожара. КС тогда без объяснения причин не предоставляла разрешения, а когда оказалось, что «здание несет угрозу жизни», по представлению той же комиссии церковь была снесена¹². Но в Киеве ни одна из возможностей закрыть храм таким образом (а их было более чем достаточно) так и не была использована, ввиду отсутствия *непротиворечивого* «сигнала сверху». Ярким примером этого стал 1975 год, когда глава КС Шевченковского района Светлана Вечера обратилась в горисполком с предложением закрыть Покровский монастырь, используя как предлог «аварийное состояние» некоторых зданий. Ее предложение не просто не поддержали, на него даже не ответили¹³, хотя ранее тот же горисполком неоднократно критиковал Вечеру за отсутствие работы по «локализации» (ослаблению влияния) обители.

* * *

Наличие широкой сети комиссий, а также огромное количество вовлеченных в нее людей вовсе не означало, что комиссии могут действительно эффективно «ограничивать влияние церковников», особенно когда речь шла о сборе информации о «религиозной деятельности». Поэтому если с финансовой проверкой члены комиссий благодаря помощи районных финансовых отделов и налоговой еще справлялись, то с анализом проповедей все было не так просто.

На одном из заседаний КС Подольского района в декабре 1978 г. даже произошел небольшой скандал. После того как председатель М. Рождественская прочитала свой доклад о необходимости усилить контроль «за проповеднической деятельностью православного духовенства», член комиссии М. Огородова, которая отвечала за прослушивание проповедей в Крестовоздвиженской церкви, спросила ее:

¹² Обращение главы СДР при СМ УССР Н. Колесника в юротдел Совета Министров УССР. 5 декабря 1979 г. // ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 147. Л. 116–118.

¹³ ГАК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 1361. Л. 10.

«Что вы имеете в виду под этим усилением контроля за проповедями? Я уже несколько месяцев каждое воскресенье слушаю, что говорит священник, и скажу так, что я до сих пор не понимаю, о чем он говорит... Мы не можем вникнуть в суть вещей, которые они проповедают. А если мы не понимаем, о чем они говорят, это означает, что мы их не контролируем»¹⁴.

Обычно комиссия закрепляла за каждой из религиозных общин своего представителя, который от одного до четырех раз в месяц должен посещать богослужения и готовить отчет о содержании проповедей. Некоторые члены комиссий даже записывали их на магнитофон¹⁵, чтобы потом вместе с коллегами совместно выяснить, «о чем священник говорит». Однако это не решало проблемы, о которой свидетельствует скандал 1978 г.: членам комиссии не хватало соответствующих знаний.

Пытаясь решить эту проблему, уполномоченный Руденко посоветовал привлечь к работе сотрудников кафедры философии Киевского университета. И уже в начале 1979 г. за каждой религиозной общиной было закреплено в среднем по 2–3 человека с кафедр философии и истории. Их задачей было анализировать проповеди и предоставлять соответствующие отчеты в КС¹⁶. Однако профессора не спешили нагружать себя дополнительной неоплачиваемой работой в выходные: среди материалов КС, как и среди материалов уполномоченного, нам не удалось найти ни одного отчета хотя бы от одного из них. Не приходили они, согласно протоколам, и на заседания комиссий.

* * *

Как и профессора, упомянутые выше «группы содействия», которые своими внушительными цифрами дополняли отчеты комиссий и уполномоченных, на практике тоже не работали (упомянутая выше группа в Речном порту была редким исключением). Секретарь КС Подольского района Н. Жукова как-то даже пожаловалась коллегам,

¹⁴ Протокол заседания комиссии содействия № 7. 26 декабря 1978 г. // ГАК. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 1878. Л. 21–24.

¹⁵ План работы комиссии содействия исполнению законодательства о культах при исполкоме Шевченковского райсовета депутатов трудящихся на 1974 г. // ГАК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 1181. Л. 1.

¹⁶ ГАК. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 1965. Л. 11.

что не имеет никаких сведений о том, что происходит с группами содействия, а с нее еще требуют отчитаться за их работу¹⁷.

Похожей была ситуация с выполнением решений комиссий. Например, в 1975 г. члены КС обнаружили нарушения во Флоровском монастыре: монахини имели в своих кельях открытые электроплитки, а на кухне неправильно хранилась мука. Игуменье поручили в ближайшие недели исправить эти, казалось бы, незначительные недостатки. Члены комиссии также «рекомендовали» ей открыть счет для монастыря в Госбанке, чтобы упростить процедуры финансовой проверки.

Однако предписания эти выполнены не были. В конце года глава комиссии М. Рождественская с грустью констатировала, что «мы едва добились того, чтобы игуменья открыла счет в Госбанке. Мы вынуждены были обратиться к уполномоченному, чтобы он добился от руководства монастыря выполнения предписаний»¹⁸. Только в 1978 году, когда КС удалось привлечь «специальных людей» (пожарных, врачей, музейных сотрудников и милиционеров) к процессу «постоянного» и «поочередного» контроля за монастырем, плитки наконец исчезли из келий.

Чтобы понять, почему так произошло, обратим внимание на тех, кто осуществлял контроль. В комиссии была специальная подгруппа, закрепленная за монастырем. Она состояла из трех человек — пенсионера и двух учительниц средних школ. Учительницы Л. Костомаха и Н. Бердюк «регулярно не являются на заседания комиссии и игнорируют свое членство в них в течение длительного времени» — отмечала в своем отчете глава комиссии¹⁹. И вполне вероятно, что пенсионер Андрей Дехтярь (который кроме того был ответственным за контроль ремонтных работ во всех религиозных общинах района и за прослушивание проповедей) ходил в монастырь один.

Важно также отметить, что координация мер по контролю за религиозной сетью до 1978 года между различными ведомствами (между комиссией, с одной стороны, и уполномоченным по делам религий, санитарно-эпидемиологической службой, налоговой и т. д., с другой) не производилась. Это позволяло игуменье обещать каждому отдельному

¹⁷ План работы комиссии содействия на 1979–1980 гг. // ГАК. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 1963. Л. 2.

¹⁸ Справка о работе исполкома по контролю за исполнением законодательства о культурах за 1975 г. // ГАК. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 1607. Л. 21.

¹⁹ Протокол заседания комиссии содействия № 5. 19 мая 1978 г. // ГАК. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 1878. Л. 16–17.

контролеру, что все будет исправлено, а потом просто ничего не делать, ведь никто из них, кроме упомянутой группы из пенсионера и двух учительниц, повторно в течение 1975–1978 гг. обитель не проверял.

* * *

Часто сотрудники КС просто писали отчеты о том, чего на самом деле не выполняли. Наиболее яркий пример такой практики был связан с тем, как в главном соборе Покровского монастыря (к слову, одном из крупнейших в Киеве) члены КС, которые, согласно отчетам, два года подряд каждую неделю проверяли обитель, не заметили, что игуменья Маргарита (Зюкина) «нанесла живописные изображения на 90% поверхности собора»²⁰. Трудно представить, что огромное здание в строительных лесах и бригада иконописцев не вызвала вопросов у людей, без разрешения которых даже стены покрасить было нельзя.

Такой «бумажный контроль» предоставлял широкие возможности для манипуляций. В начале 1979 года игуменья Покровского монастыря получила разрешение на частичный ремонт колокольни: старой деревянной постройки на главной площади обители. Однако, как только ремонтные работы начались, игуменья распорядилась разобрать колокольню, а на ее месте построить новую — каменную, с железной крышей и крестом. И колокольня была построена. В конце 1979 г., когда монастырь с проверкой посетил инспектор СДР Н. Божко, с новостроя еще не сняли леса: «Вместо плоской крыши завершается строительство купола, благодаря которому здание выглядит, как типичное культовое сооружение». Однако не это поразило инспектора, а то, что «по заявлению игуменьи, представители райисполкома и уполномоченный... Руденко видели, что в монастыре нарушено разрешение исполкома и вместо ремонта строится новое здание, однако не придали этому значения». И это можно было бы трактовать как попытку игуменьи оклеветать надзорные институты, если бы не фраза в конце отчета: «Непонятную позицию занял по этому вопросу... Руденко, не усматривающий нарушения в строительстве новой колокольни на месте старой»²¹.

²⁰ *Ферт А.* Церква (не)контрольована: Київські черниці і радянська влада на межі 1970–1980-х років // Україна модерна. 2016. URL: <http://uamoderna.com/md/fert-church-soviet-kyiv>.

²¹ Докладная записка о нарушениях установленного порядка при проведении ремонтно-строительных работ в Покровском монастыре г. Киева // ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 100. Л. 89–90.

Отметим, что в обоих случаях (незаконные росписи и новая колокольня) ни игуменья, ни киевский уполномоченный, ни члены КС не были подвергнуты никаким дисциплинарным взысканиям. Даже глава республиканского СДР Николай Колесник *без каких-либо комментариев* отправил доклад Божко (своего непосредственного подчиненного) в архив, а позже *ни словом не обмолвился* о нарушениях законодательства в своих отчетах во Всесоюзный СДР: ни в 1979 (колокольня), ни в 1983 (росписи). Это позволяет нам предположить существование некой неформальной договоренности между монастырем, местной властью и СДР²².

А настоятель Макариевской церкви на Татарке о. Анатолий Затовский вспоминает, как в 1984 г. захотел построить новое подсобное помещение на территории храма. Тогда по совету знакомой он написал просьбу в исполком не о новом строительстве (так как такое разрешение было проблематично получить), а о «необходимости перенести здание подсобного помещения на 15 метров ближе к дороге»²³. Члены КС ничего удивительного в такой просьбе не увидели, проверять ход ремонта также никто не пришел.

* * *

Комиссии содействия были призваны помочь уполномоченным Совета по делам религий контролировать и в перспективе сокращать «религиозную сеть». В Киеве количество людей, вовлеченных в работу комиссий, составляло свыше тысячи человек. Они проверяли все стороны жизни религиозной общины — от финансов до проповедей.

Однако эффективной их работа зачастую не была. Большинство не исполняло своих обязанностей из-за неоплачиваемого характера работы, что привело к появлению «бумажного контроля». Отсутствие релевантного образования стояло на пути к «контролю за проповедями». А неясные «сигналы сверху», неформальные договоренности и манипуляции с нормативно-правовой базой со стороны верующих не давали членам комиссий возможности сокращать «религиозную сеть».

²² Ферт А. Церква (не)контрольована: Київські черниці і радянська влада.

²³ Едлинский Г., Едлинский М. Любящее Господа сердце. С. 323.

Рузанна Цатурян

Национальная академия наук,
институт археологии и этнографии — Республика Армения,
соискатель, научный сотрудник
ruzantsaturyan@yahoo.com

ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАСТРОНОМИЯ: ИЗОБИЛИЕ И ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ «АРМЯНСКОЙ КУЛИНАРИИ»

В 1959 г. по предложению «инженера» советского меню Анастаса Микояна вышла в свет книга «Армянская кулинария». Книга была издана тиражом 305 000 экземпляров: 60 000 на армянском, остальные на русском¹. На страницах книги, претерпевший четыре переиздания, представлены до 500 рецептов супов, основных блюд и закусок, изделий из теста, круп и злаков, овощных и мясных блюд, домашнего консервирования. Рецепты были разработаны по «этнографическим материалам, собранными специалистами, которые ездили в города и деревни республики, чтобы записывать старинные рецепты армянской кухни»². Книга хранится во многих семейных библиотеках Армении, так как была самым популярным изданием по национальной кулинарии³. Фактически до сих пор на протяжении нескольких десятилетий статьи из предисловия книги считаются теми основными и фундаментальными ресурсами армянской кулинарии, к которым часто обращаются в том числе авторы научных работ. Популярность и всеузнаваемость издания среди армян исходит из слаженной интерпретации кулинарных практик через призму национального исторического нарратива.

¹ *Toomre J.* Food and national identity in Soviet Armenia // *Food in Russian History and Culture* / ed. J. Toomre, M. Glants. Bloomington, 1997.

² *Пирузян А.* Жизнь страны — судьба моя: К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 1995. С. 112.

³ В досоветский период тоже издавались посвященные армянской кулинарии книги. Но по причине отсутствия государственности они издавались в разных странах, имели ограниченный тираж и распространение в силу отсутствия или недостаточного развития коммуникаций, а также высокого удельного веса неграмотного населения.

Вопрос, зачем изучать кулинарные книги, стоит в повестке антропологов и исследователей социальных наук уже долгое время⁴. Кулинарные книги рассматриваются исследователями как свод знаков-идеологем, которые отражают «культуру, традиции народов, являясь фрагментом картины мира, связаны с номинацией сферы власти, знаков национальной самоидентификации, знаков культурных доминант, отражающих отношение к процессу приготовления пищи, которое может быть прагматическим, ритуальным, эстетическим»⁵. А. Аппадурай на примере Индии показывает роль кулинарных книг в конструировании идеи национальной кухни на постколониальном пространстве⁶.

«Библия» советской гастрономии. В советской действительности гастрономической политике отводилось особенно важное место: «В советскую эпоху тотальная идеологизация охватывает все социальные сферы. Различные постановления, распоряжения, инструкции регулировали поведение людей во всех жизненных сферах, не осталась в стороне и такая, казалось бы, сугубо бытовая область, как кулинария⁷. Вопросы о том, как, сколько, что и где поесть, ставились как в экономических, так и в идеологических перспективах.

В рамках логики «национальная по форме, социалистическая по содержанию» уже с середины 1960-х гг. публиковались работы, посвященные национальным кухням разных народов СССР. Для того чтобы «воспитать культурного человека», еще задолго до издания книги «Армянская кулинария» в 1939 г. по инициативе народного комиссара

⁴ *Theophano J.* Eat My Words: Reading Women's Lives Through the Cookbooks They Wrote. New York, 2002; *Neuhaus J.* Manly Meals and Mom's Home Cooking: Cookbooks and Gender in Modern America. London, 2003; *Collings R.* Eves A Recipe for Remembrance: Memory and Identity in African-American Women's Cookbooks // *Rhetoric Review*. 2005. Vol. 24. No. 3; *Капкан М. В.* Российские поваренные книги: Особенности репрезентации норм гастрономической культуры // *Известия Уральск. гос. ун-та*. 2009. № 3 (65). С. 71–82.

⁵ *Буркова П.* Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/92111.html>.

⁶ *Appadurai A.* How to Make a National Cuisine: Cookbooks in Contemporary India // *Comparative Studies in Society and History*. 1988. Vol. 30. No. 1. P. 3–24.

⁷ *Михайлова О. А.* Советская риторика в кулинарной книге // *Советская культура в современном социопространстве России: Трансформации и перспективы: Материалы научной интернет-конференции*. Екатеринбург. 28–29 мая 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 1

Анастаса Микояна издается «Библия» советской гастрономической политики — «Книга о вкусной и здоровой пище»⁸. Книга, согласно предисловию, предназначалась для домохозяйек (ее «главная задача состоит в том, чтобы помочь домашней хозяйке...»), но с неизбежными ссылками на высказывания партийных лидеров о «зажиточной и культурной жизни» и о том, что «жить стало лучше, жить стало веселей»⁹. После первого издания 1939 года книга выходила после войны в 1945 и 1947 гг., а в 1952–1953 гг. вышла полумиллионным тиражом. В переизданиях изменения коснулись отнюдь не только оформления: «...под легко узнаваемыми тисненными обложками — то салатной, то бледно-серой, то кремовой — шла своя жизнь». Советская поваренная книга, на языке тех лет, «жила вместе с эпохой». И хотя в книге содержатся сотни рецептов, не они составляют основное ее содержание. Значительная часть объема занята обширными вступительными статьями к многочисленным разделам и заметками «на полях», ведущих к основному идейному постулату, что «советская кухня мыслилась многонациональной, объединившей лучшие рецепты и этнические кулинарные традиции под патронажем мудрой советской власти, фундаментально опирающейся на русский народ»¹⁰.

Культурная революция и реорганизация питания рабочих классов (распространение сетей общепита, созданного именно Микояном, внедрение и закрепления практик посещения общественных столовых) вместе с попытками продемонстрировать изобилие в реалиях дефицита были первостепенными задачами книги, кроме пропаганды принципов о вкусной и здоровой пище.

Официальная армянская кулинария. В цепочке стратегий по реорганизации быта советского человека А. Микоян принял за воплощение идеи о создании книги об армянской кулинарии. Автор книги, Арам Пирузян, который в 1937–1943-х гг. был председателем Совнаркома Армянской ССР, в своих воспоминаниях, обращаясь к истории создания книги, пишет: «Однажды я был на приеме у Микояна. Он предложил мне заняться созданием книги «Армянская кулинария». Я ответил, что дело очень сложное и вряд ли я смогу вы-

⁸ Книга о вкусной и здоровой пище / отв. ред. Е. Худяков. М., 1939.

⁹ *Добренко Е.* Гастрономический коммунизм: Вкусное vs. здоровое // *Неприкосновенный запас.* 2009. № 2 (64). С. 155–173.

¹⁰ *Сохань И. В.* Особенности русской гастрономической культуры // *Вестник Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2011. № 347. С. 61–69.

полнить это задание написать книгу»¹¹. По настоянию Микояна все же Арам Пирузян взялся представить армянскую кухню.

В духе советских политизированных книгоиздательских практик книга начинается обширными вводными главами, посвященными истории становления и развития армянской кухни и кулинарного искусства. Автором одной из статей является известный армянский советский историк Сурен Еремян¹², доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Армянской ССР, директор Института истории и член президиума Академии наук. В круг его научных интересов входили в основном проблемы этногенеза армян и первых этапов его истории, вопросы, которые имели важное значение в советский период и одновременно были наиболее чувствительными и ответственными, исходя из приоритетов и задач советской национальной политики. Автор второй статьи¹³ о корнях армянской кулинарии — заслуженный деятель науки, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, доктор медицинских наук, профессор. В советских кулинарных книгах важное место отводилось принципу научности, так для обеспечения достоверности вводимого в оборот материала в редакционные коллективы изданий включались историки, врачи, биологи, исследователи и ученые разных специальностей.

Основные подходы и теоретические векторы дискуссий по армянской кулинарии сформировались именно с изданием этой книги. Книга шла в ногу с политическими установками СССР и Армении. Рецепты сами рассказывали историю армянского народа: (1) посредством названий блюд¹⁴ (кололак Урфы¹⁵, суп Таронский¹⁶, шашлык

¹¹ *Пирузян А.* Жизнь страны — судьба моя. М., 1995 С. 112.

¹² *Еремян С.* Естественнo-исторические основы питания Армянского народа // Армянская кулинария. Ереван, 1960. С. 26–27.

¹³ *Арутюнян Л.* Условия возникновения национальной армянской кухни // Армянская кулинария. Ереван, 1960. С. 17–21

¹⁴ В реалиях тотального контроля и цензуры отнюдь не случайно название блюд по именам поселений в Турции, где почти не осталось армянского населения после геноцида 1915 г., или по названиям населенных пунктов Нагорного Карабаха, официально вошедшего в состав Азербайджанской ССР как Автономная Республика.

¹⁵ Город в Западной Армении (ныне — Турция) с 35 000-м армянским населением до Первой мировой войны.

¹⁶ Регион в Западной Армении (ныне — Турция) с преимущественно армянским населением до Первой мировой войны.

Карса¹⁷, похлебка Шушинская¹⁸, жаркое Арцахское¹⁹, гата Арцахское, салат Ереванский, Ленинанканский²⁰), (2) лингвистических интерпретаций названий блюд²¹ или же (3) через историю отдельных ключевых ингредиентов, таких как пшеница и хлеб²². Плов «Арагат» с зажигающимися вершинами²³ стал одним из популярных угощений на праздничных застольях, поддерживая пламенную тоску и память по священной для армян горе, ныне расположенной на территории Турции.

Книга в последующих изданиях реагировала также на изменения в политическом курсе и приоритетах советской власти. Так, в издании 1985 г. появился новый раздел «Из наследия армянской кухни»²⁴, которая «была обогащена приблизительно 60-ю рецептами, собран-

¹⁷ Город в Западной Армении (ныне — Турция) с преимущественно армянским населением. В 1878–1917 гг. Карс — центр Карской области Российской империи. В 1920 г. Карс был занят турецкими войсками.

¹⁸ Город в Нагорно-Карабахской Республике (в советское время — в составе Азербайджанской ССР, ныне — в независимой Республике Нагорного Карабаха).

¹⁹ Историческая область, большая часть территории которой на сегодняшний день входит в состав Нагорно-Карабахской Республики.

²⁰ Город в Армянской ССР, ныне — Гюмри, главный центр текстильной и мясной промышленности.

²¹ Впервые в книге делается также лексический анализ термина толма, которая до сих пор цитируется во всех обсуждениях о культурной «принадлежности» толмы: «Виноградная лоза на армянском означает толи от уартского слово удули — виноградная лоза». Подробнее см.: *Еремян С.* Естественно-исторические основы питания Армянского народа. С. 29.

²² Пшенице и хлебу в армянской культуре всегда отводилось важное место. В книге эти продукты-символы рассматривались как неоспоримые доказательства оседлости и автохтонности населения на территории проживания. В предисловиях книги доктор исторических наук С. Еремян уделяет особое значение культивированию пшеницы: «Армянское Нагорье, по мнению Н. И. Вавилова, является древнейшей родиной культурной пшеницы». См. *Еремян. С.* Естественно-исторические основы питания армянского народа. С. 9.

²³ Рисовый плов надо было разложить по подобию маленькой и большой вершин Арагата и на них разжигать сухой спирт. Подробности см.: *Армянская кулинария. Ереван, 1963.* С. 143.

²⁴ В издании 1963 г. в книгу был включен раздел «Армянский национальный хлеб», что в последствии послужило основой для нового раздела об армянском кулинарном наследии. Подробнее: *Армянская кулинария. Ереван, 1963.* С. 160–161.

ными из различных источников»²⁵. Естественно, текст данного раздела не мог обойтись без констатации и привлечения исторического нарратива, что тем более удивительно, если учесть, что в советский период долгое время на официальном уровне умалчивался факт геноцида или, во всяком случае, частые апелляции к нему не поощрялись: «Многие армянские блюда были преданы забвению волею трагических событий в истории армянского народа, развитие материальной и духовной культуры которого шло по пути испытаний и невзгод. В периоды мирного труда народ вновь и вновь приступал к воспроизводству материальной культуры и к созиданию»²⁶. Одновременно путем выделения раздела восточных блюд создавалась ассоциативная связь, или, во всяком случае, возможность формирования такой связи с армянской диаспорой, опосредовано также с эпизодами трагической истории: «Разбросанные по многим странам мира, армяне перенимали специфику питания этих народов, приспособлявая методику приготовления этих блюд к продуктам, пряностям, употребляемым в данной стране»²⁷.

В реалиях продуктового и продовольственного дефицита 60-х гг. ссылки на практики национальной кухни имели не только идеологическо-исторические, но также более практические обоснования. Рецепты с незнакомыми «заморскими» названиями или с дефицитными продуктами, вошедшие в «Книгу о вкусной и здоровой пище», так и не внедрились в повседневные практики и меню: люди продолжали готовить блюда со знакомыми ингредиентами. Для сближения концепции общепита с повседневными практиками людей был необходим более доступный ресурс, который на кулинарном языке представил бы людям новые разработанные установки гастрономической политики. В этом смысле через рассмотрение названий рецептов, приведенных в книге «Армянская кулинария», вырисовывается основной ассортимент продуктов, составляющих семейные меню: злаки, мясо, молочные продукты, овощи, фрукты. Посредством представления разных блюд из одних и тех же продуктов имела место культурная диффузия, когда знакомые блюда в локальных ареалах обогащались другими блюдами из тех же продуктов из других регионов Армении.

Представленные в книге разные супы, пловы и крупяные блюда различаются наличием или использованием одной лишь зелени, по-

²⁵ Армянская кулинария. Ереван, 1985. С. 174.

²⁶ Там же. С. 175.

²⁷ Там же. С. 190.

следовательностью смешивания одинаковых ингредиентов и т. д. Между тем их перечисление на страницах книги создает имитацию разнообразия и возможности выбора, что является ключевым пунктом в советской идеализированной экономической политике и стратегиях снабжения. Приводя во вступительной статье книги²⁸ слова Микояна «к многовековому кулинарному опыту народа прибавляются новые потребности, которые пробудят в людях новый вкус, воспитают новые желания, стремление к новым ассортиментам», редактор Пирузян еще раз подчеркивает созидательную роль и особую миссию Советского Союза в «превращении Армении из отсталой местности в процветающую социалистическую республику». Картинки на страницах рассказывали о достижениях в области аграрной экономики, пищевой промышленности и о самом главном — «о веселой и радостной жизни»²⁹ посредством всевозможных консервных баночек, бутылок и производственных пространств, веселых и беззаботных лиц трудящихся.

Помимо основной задачи — помощи хозяйкам и кулинарам общепита в приготовлении питательных, вкусных и полезных блюд, книга «Армянская кулинария» представляла «некулинарные» послания эпохи: про древнюю и непрерывную историю / культуру армянского народа³⁰, про развитые земледельческие традиции, о неизбежности социалистического светлого будущего, где пища рассматривается как нечто исключительно рациональное, исходящее из естественных географических условий, вне контекста символичности, религиозности и ритуальности. Блюда в книге представлялись как «метафоры полноты разнообразия жизни», что приближало советского человека к тропам социализма...

²⁸ *Пирузян А.* Предисловие // *Армянская кулинария.* Ереван, 1963. С. 5.

²⁹ «Жизнь станет веселей, магазины будут полны всевозможными ассортиментами продуктов широкого потребления. Синтетическая обувь и ткани будут соперничать с натуральными. Сельское хозяйство обеспечит население виноградом, фруктами, вином, мясом, маслом, молоком и другими продуктами» (Там же. С. 10).

³⁰ Второе предложение в предисловии: сразу после констатации факта победы советской власти в Армении Пирузян отмечает, что древнее государство Урарту находится на территории Армянского Нагорья (Там же. С. 4).

Александра Чебаковская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
аспирантка 2 курса
chebakovskaja@yandex.ru

ДОСУГ ПО-ДЕТДОМОВСКИ: НОРМЫ И ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ «СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ» В СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КАРЕЛИИ В 1920-Х ГГ.

Досуг или свободное от работы (учебы) время является одной из сторон жизни человека, содержание которой исторически изменчиво. Свободное время и взрослого человека, и ребенка выполняет такие функции, как восстановление сил организма и развитие личности. По мере развития государства человек в определенной степени лишается своей свободы, превращаясь в объект пристального внимания со стороны властей, стремящихся включить его в сферу своего влияния, использовать его физические и интеллектуальные ресурсы, оказывая идеологическое влияние на его сознание¹.

В 1920-е г. Советская страна вышла из социальных потрясений, и общество испытывало острую необходимость в физическом и духовном отдыхе, но в то же время изменившиеся условия привели к существенной трансформации самих представлений о свободном времени. В этом контексте досуг детей 1920-х гг. также должен был лишиться личного характера и превратиться в регулируемую государством сферу, которая была призвана способствовать идеологическому воспитанию, формированию «нового человека». В условиях небывалых масштабов детской беспризорности и сиротства требовалось срочное создание сети детских домов со своими «режимами заботы», с особыми подходами к регулированию свободного времени «огосударственных детей».

В историографии выработаны общие подходы к исследованию данной темы. Так, Н. Б. Лебина раскрыла влияние государственной политики на формирование советской повседневности². По высказы-

¹ Корноухова Г. Г. Досуг и проблема формирования социалистического сознания советского народа в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области) // Вестник РУДН. 2006. № 3. С. 1.

² Лебина Н. Б. Советская повседневность: Нормы и аномалии: От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

ванию исследовательницы, свободное время «всегда ассоциируется со сферой приватности, с элементами свободы и неподконтрольности»³, однако реальная ситуация нередко была иной.

Изучение досуга в качестве одного из основных направлений истории повседневности выделяет А. Ю. Поляков, определяя роль улицы в проведении досуга детей⁴. Детскому досугу в Советской России в 1920-е г. посвящена небольшая монография Ю. Г. Саловой⁵. Автор останавливается на вопросах организации свободного времени через детское чтение, постановку театральной деятельности, клубной работы с детьми, а также использование кинематографа. Ю. Г. Салова отмечает, что дети становились важным элементом в процессе создания нового типа государства после Октябрьской революции⁶.

Некоторое внимание исследователи уделяют отдельным формам детского досуга и средствам его наполнения. Так, Л. А. Жукова в своей статье освещает работу клубов для беспризорных, вовлеченных в шайки полукриминального характера⁷. В фокусе статьи Е. А. Жданковой⁸ находится вопрос об организации детского кинематографа как формы досуга, который рассматривается как способ заботы государства о детстве.

А. А. Слезин⁹ в своей статье характеризует игровые практики детей первых лет советской власти. Автор останавливается на «революционных» играх, определяя их влияние на детей¹⁰. Технологию создания

³ *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930-е годы. СПб, 1999. С. 229.

⁴ *Поляков Ю. А.* История повседневности — важное направление науки // Человек в российской повседневности: сборник научных статей. М., 2001. С. 4–17.

⁵ *Салова Ю. Г.* Детский досуг в Советской России: (1920-е годы). Ярославль, 2000.

⁶ Там же. С. 128.

⁷ *Жукова Л. А.* Опыт комплексной ликвидации массовой детской беспризорности в РСФСР в 20–30-е годы // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.: сборник научных статей: В 2 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 9.

⁸ *Жданкова Е. А.* Некоторые аспекты зарождения детского кинематографа в СССР в период нэпа // Труды института Российской истории РАН. 2014. № 13. С. 235–243. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25441252>.

⁹ *Слезин А. А.* Городская повседневность в период революционных преобразований: Детские игры // Урбанистика. 2015. № 2. С. 76–88. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_16189.html.

¹⁰ Там же.

«новых» советских игр педагогами 1920–1930-х гг. путем использования традиционных игровых сюжетов и наполнения их актуальными советскими образами и символами раскрыла М. В. Гаврилова¹¹.

Таким образом, при определенном внимании к теме детского досуга 1920-х гг. в целом, исследователи практически не затрагивают проблематику досуга детей, находившихся в детских домах. Вместе с тем досуг «государственных детей» был наиболее подвержен регулированию, отражающему определенный педагогический идеал.

Задача данной статьи — обозначить особенности организации досуга в детских домах Карелии, работа которых регламентировалась общими для всей страны правилами, но социально-экономические и культурные особенности жизни края вносили свои коррективы в их практическую реализацию. На начало 1920 г. в Карелии действовало 6 детских домов, а к концу 1925 г. на территории АКССР (Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика) работало уже 17 детских домов¹². Внутренняя жизнь этих учреждений была подчинена строгой регламентации. Каждый из них опирался на такие типовые документы, как устав детского дома, план библиотечной и клубной работы¹³. В распорядке дня детей руководители придерживались общего плана, но учреждения и сами создавали документы, связанные с правилами внутренней жизни. Так, на собрании Вытегорского детского дома в 1920 г. была утверждена программа занятий с детьми. Для дошкольной группы, кроме времени на еду, сон и «умственные занятия», отводилось ежедневно три часа на ручной труд, один час на эстетическое и физическое воспитание, прогулки, два часа на игры и отдых. В школьной группе, в отличие от дошкольной, на ручной труд отводилось четыре часа ежедневно, на эстетическое и физическое воспитание — также по одному часу, прогулки должны были занимать два часа и свободные занятия — полтора часа.

Организация досуга в детских домах во многом определялась состоянием материальной базы, которая почти повсеместно не соответ-

¹¹ Гаврилова М. В. Трансформация традиционных русских игр в советской педагогике: (1920–1930-е гг.) // Антропологический форум. 2013. № 19. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/gavrilova_m.pdf.

¹² Отчеты о работе отдела социального воспитания АКССР за 1924–1925 учебный год // Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 98. Л. 14.

¹³ Примерный план библиотечной работы в детских домах. Примерная клубная работа в детских домах // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 1142. Л. 2–5.

ствовала установленным требованиям. Детские дома располагались в приспособленных помещениях, специальные здания для детских домов в Карелии в первой половине 1920-х гг. не строились. Помещения в целом оценивались проверяющими органами как удовлетворительные, но зимой в них было очень холодно. В большинстве случаев зданиям детских домов требовался частичный или полный ремонт. Так, в Девятинском детском доме холод не позволял ребятам заниматься учебой, работать в мастерской. Как отмечал инструктор по дошкольному воспитанию, «холод не дает развернуть детям свои интересы, потребности, а заставляет их искать приюта, тепла в постелях. Холод губит все и мешает выявить ребенку все его потребности»¹⁴. Занятий в детском доме не проводилось, так как «при температуре ниже нуля из рук все валится»¹⁵.

Детские дома были переполнены, что порождало плохие санитарно-гигиенические условия. Часто размер помещений детских домов не соответствовал нормам. Условия жизни в детских домах начала 1920-х гг. были значительно хуже дореволюционных. Осмотр детского дома Паньгина¹⁶ в Петрозаводске в 1923 г. представил такую картину: «Стены грязные, клопы, грязные полы. Спят на 6 кроватях по двое. Постельного и носильного белья не хватает. Обуви недостаточно, у 9 [чел.] нет ее. Кухня, она же прачечная, хлебопекарня. На одной плите одновременно с приготовлением пищи варится щелок и кипятится белье»¹⁷.

Доклад о Вытегорском детском доме подтверждал проблему, с которой сталкивались почти все детские дома — отсутствие комнат для занятий и игр. Целый день дети проводили в спальнях, «слонялись из угла в угол, беспрестанно ссорились, обижали друг друга»¹⁸. В Пудожском дошкольном детском доме имелись комнаты для игр, но они не были достаточно светлыми и теплыми, им требовался ремонт.

¹⁴ Девятинский детский дом // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 469. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Детский дом находился в бывшем доме Паньгина, поэтому за ним закрепилось это название. Был расположен на углу проспекта Ленина и улицы Зиновьева г. Петрозаводске.

¹⁷ Акт осмотра детского дома Паньгина. 10 октября 1923 г. // НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 43. Л. 49.

¹⁸ Доклад о Вытегорском детском доме с 4 февраля по 4 марта 1920 г. // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 4699. Л. 31.

В летних колониях (лагерях) дети получали больше свободы, чем в детских домах. Так, в Марковской колонии группы дошкольников до обеда отправлялись на прогулку к ручью, где сначала они были предоставлены сами себе и занимались «тем, чем хотели». Когда же детям надоело играть одним, они собирались вокруг руководительницы и просили ее что-нибудь спеть¹⁹. После пения дети, как явствует из отчета инспектора, устраивали общую игру, но не все дошкольники принимали в ней участие. Время после обеда и до 16.00–16.30 дети проводили в небольшом саду, где они пили вечерний чай, во время которого проходила игра «гости». После чая дети с руководительницей шли на луг, где они опять же играли и собирали цветы. Организаторы колонии сетовали, что полное отсутствие пособий по рисованию, лепке и вырезыванию не позволяло заниматься этими предметами²⁰. Такое проведение досуга, повторявшееся изо дня в день, трудно назвать разнообразным.

Информацию об играх с детьми можно встретить в отчетах инспекторов, которые обследовали детские дома. Из доклада о Вытегорском доме следует, что дети не любят подвижных игр, больше предпочитают «подражательные», хотя иногда с удовольствием играют «в лошадки». После посещения Девятинского детского дома в 1920 г. инспектор отмечал, что огромные усилия требовались на то, чтобы вовлечь детей в игру: «апатичные ко всему, они со слезами шли в хоровод»²¹. «Бледные, чахлые фигурки, неподвижные, только и заняты мыслью о хлебе», — так характеризует ситуацию инспектор. Во всех действовавших детских домах отмечалось недостаточное питание воспитанников. Часто дети совершали побеги из детского дома для прошения милостыни, это также происходило из-за нехватки пищи. Начиная с 1925 г. проверяющие признавали питание в детских учреждениях удовлетворительным, хотя и однообразным. Рацион детей в ряде случаев улучшался за счет собранного урожая с подсобного огорода. Огород при детском учреждении становился жизненной необходимостью.

Основным подходом в организации детских домов было трудовое начало, которое присутствовало в повседневной жизни во всем. В дет-

¹⁹ Отчет руководительницы детской Марковской колонии группы дошкольников // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 469. Л. 7.

²⁰ Там же.

²¹ Доклад о работе руководительницы в Девятинском детском доме // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 469. Л. 28.

ских домах труд сложно отделить от сферы досуга, поскольку принцип самообслуживания применялся в широком смысле этого слова²². Дети с малых лет приучались исполнять всю посильную работу. На средства Деткомиссии при КарЦИКе в 1924 г. функционировало 19 мастерских: столярные, сапожные, швейные, переплетные, чулочновязальные. В обучение ремеслам было втянуто примерно около трети воспитанников детских домов²³.

Много внимания уделялось общественно-политической организации детской среды, пионерской работе, политкружкам, подготовке гражданских праздников, выпуску стенгазет и журналов. Но в пионерской работе, как и в социальной, ощущался острый дефицит опытных и авторитетных руководителей²⁴. Самоуправление в детских домах реализовывалось в виде общих детских собраний. Велась кружковая работа, повсеместно пытались наладить работу театральных, хоровых кружков, кружков любителей чтения и изучения сельского хозяйства и садоводства. Но отчеты о состоянии детских домов Карелии свидетельствовали, что клубная работа в виде кружковой была поставлена сравнительно слабо.

План клубной работы в детских домах делал эту деятельность обязательной с целью дать детям возможность разумно использовать свой досуг, найти занятие, отвечающее склонностям и интересам каждого отдельного ребенка²⁵. В планах библиотечной работы было указано, что дети выступают помощниками педагога в библиотеке. При этом во многих детских домах библиотеки и читальни отсутствовали.

Общепринятым методом работы с детьми было устройство экскурсий. Это могли быть экскурсии на предприятия или на природу. Для воспитанников детских домов выход за пределы их довольно замкнутого мира был принципиально важен. Поводом для таких «выходов в свет» были также культпоходы в кино и театры. Для этого имелись условия в Петрозаводске, где устраивались бесплатные кинопоказы, спектакли в Летнем театре. Во время экскурсий и прогулок дети должны были держаться все вместе, так прививался коллекти-

²² Инструкции по организации детских домов от 22 апреля 1920 г. // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 19.

²³ Отчет о работе отдела социального воспитания АКССР за 1924—1925 учебный год // НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 98. Л. 57.

²⁴ Там же.

²⁵ Примерная клубная работа в детских домах // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 1142. Л. 5.

визм²⁶. В художественно-эстетическом направлении работа велась слабо. Как следует из отчетов на всем протяжении 1920-х гг., дети пели под аккомпанемент пианино, иногда рисовали, лепили из глины. Показателен отчет Кемского детского дома за 1925 г., согласно которому в учреждении были такие музыкальные инструменты, как расстроенный рояль, три балалайки, мандолина и гитара²⁷, но отсутствие преподавателя пения и музыки приводило к их ненужности.

Особой сферой досуга детей в 1920-х гг. становится быстро развивающийся кинематограф. Вопрос об ограничении детям доступа в кинозалы поднимался еще в дореволюционной России, но в 1920-е гг. ситуация значительно обострилась²⁸. По частоте посещения кино на первом месте стояли беспризорные дети, ставшие завсегдатаями кинозалов²⁹. Для детей из детских домов выделялись билеты на бесплатные места. Вопрос о посещении детьми кинематографа в Петрозаводске обсуждался на заседании Комиссии о несовершеннолетних правонарушителях при Губернском Подотделе охраны детства 19 октября 1920 г., на котором постановили не допускать детей на фильмы, программа сеансов которых не имеет для них воспитательного значения³⁰. Это постановление относилось ко всем детям, в том числе находящимся в детских домах.

План библиотечной работы в детских домах рекомендовал, чтобы при каждом учреждении была организована своя детская библиотека-читальня, или предлагалось создать общую библиотеку для нескольких детских домов³¹. Отсутствие же во многих детских домах библиотек, а также малое количество книг в существующих библиотеках не позволяло занять детей чтением в той мере, в какой это считали оптимальным педагоги и чиновники. В результате сфера чтения, на кото-

²⁶ Протокол № 15. Совещание руководительниц детдомов. 29 марта 1927 г. // НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 283. Л. 107.

²⁷ Годовой отчет по Кемскому детскому дому с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г. // НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.

²⁸ *Жданкова Е. А.* Некоторые аспекты зарождения детского кинематографа в СССР в период нэпа. С. 236.

²⁹ Там же. С. 241.

³⁰ Выписка из журнального постановления Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей, обвиняемых в общественно-опасных деяниях от 19 октября 1920 г. // НАРК. Ф. Р. 282. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

³¹ Примерный план библиотечной работы в детских домах // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 1142. Л. 4.

рую государство делало серьезную ставку в деле внедрения в детское сознание коммунистических норм и принципов жизни, оказалась для детских домов малоэффективной.

Таким образом, досуг детей из детских домов определялся не только и не столько установленными нормами, сколько теми реальными условиями, в которых находились детские дома в 1920-х гг. Плохая материальная база и несоответствие помещений требуемым санитарно-гигиеническим условиям сужали круг возможных занятий в свободное время. Стремление к контролю во всех сферах деятельности ограничивало разнообразие досуга. Не только посещение учреждений зрелищного характера, но и самостоятельное творчество детей, включая клубные формы работы, ставились под жесткий контроль воспитателей и педагогов, которые в свою очередь испытывали давление со стороны разного рода проверяющих инстанций.

Кроме того, уровень квалификации педагогических кадров был препятствием для качественной организации свободного времени детей в детских домах. Проводившиеся с 1920 г. в Петрозаводске двухмесячные курсы по подготовке руководителей детских домов, в программу которых входили дисциплины от организации самих учреждений до знания психологии ребенка³², были явно недостаточной мерой в этом плане.

Система детских учреждений должна была способствовать воспитанию нового человека — активного строителя социализма, но трудности, с которыми сталкивались детские дома, приводили к тому, что они не выполняли возложенных на них задач.

³² Отчет по курсам подготовки руководителей детских домов, детских садов, площадок, бывш. в г. Петрозаводске с 10 мая по 12 июня 1920 г. // НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 677. Л. 35.

Юлия Чернявская

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, магистрантка 2 курса
jchernyavskaya@eu.spb.ru

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГЕРОЯ: ФИЛЬМ «ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ» В ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

Светлана Алексиевич, лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 г., обращаясь к образу Феликса Дзержинского, отмечает противоречие двух ключевых формул — «Железного Феликса» и «Рыцаря революции»: «Столь, казалось бы, разные понятия. Первое — олицетворение стойкости, непримиримости, твердости духа — «ни разу не отступил от большевизма», во втором слышна поэтичность: был чист и свят душой как ребенок»¹. В этой цитате обозначен характерный для всего советского периода способ вспоминать о Дзержинском: он был железным и неумолимым и одновременно человеческим и романтическим героем. Подобную дихотомию было не трудно отразить на бумаге. Но задача оказалось не из легких, когда потребовалось создать образ Дзержинского в биографическом фильме «Феликс Дзержинский». Производство фильма заняло много лет — фильм впервые был упомянут в тематическом плане в 1938 г., выпущен в 1953 и, наконец, показан на экранах в 1957 г. Этот фильм должен был создать канон, отвечающий официальной позиции советской идеологии того периода. В своем докладе я покажу, что образ Дзержинского как первого чекиста был лишь одной из многих идентичностей, которыми он обладал в советской политике памяти позднесталинского периода.

Запрос на создание кинематографического образа Дзержинского впервые появился в 1938 году. Постановление Политбюро от 2 апреля 1938 г. требовало немедленно обеспечить «разработку в частности, следующих историко-революционных тем (сценариев): “Свердлов”, “Дзержинский”, “Киров”, “Куйбышев” и “Серго Орджоникидзе”»². Однако после 1939 г. фильм исчезает из тематических планов. Работа

¹ Алексиевич С. А. Меч и пламя революции // Неман. 1977. № 1. С. 134.

² Кремлевский кинотеатр: 1928–1953: документы / сост. К. М. Андерсон [и др.], ред. Г. Л. Бондарева. М., 2005. С. 493.

над сценарием фильма о Дзержинском начинается в период войны, но к съемкам приступают еще позже — в конце 1940-х гг. Сталинская кинополитика послевоенного времени известна под названием политики «малокартинья». В 1951 г. кинопроизводство достигло низшей точки — было выпущено только девять фильмов. Кинопроизводство оказалось под строгим контролем: киностудии не могли самостоятельно заключать контракты с авторами сценариев, каждый шаг производства фильма должен был быть утвержден чиновниками из Министерства кинематографии. Худсоветы обсуждали сценарии к фильмам (которые было гораздо легче контролировать, чем отснятые эпизоды) годами, прежде чем они могли быть одобрены или не одобрены для дальнейшего производства.

Самая ранняя версия сценария к фильму «Дзержинский», обнаруженная мною в РГАЛИ, была представлена на рассмотрение Евгением Помещиковым в 1943 г. В основу своего сценария Помещиков положил короткий период с 20 июня по 6 июля 1918 г. Автор изобразил Дзержинского исключительно как председателя ЧК, тем не менее отсылки к любви Дзержинского к детям также присутствуют в сценарии, когда тот спасает замерзшего беспризорника и приносит его в ЧК. Поскольку сценарий был представлен в разгар войны с Германией, Помещиков предпринял попытку показать Дзержинского как преданного большевика, который, несмотря на свою болезнь и недоедание, борется с врагами и защищает молодую Советскую Родину и ее вождя Владимира Ленина. «Я — дворняга революции, ее сторожевой пес, — говорит Дзержинский доктору, который безуспешно пытается его осмотреть, — и мне болеть нельзя. Нельзя! Я должен стеречь, лаять, кусать, рвать врагов революции, оберегать ее и ее вождей»³. Такой образ Дзержинского должен был иметь педагогическое значение для советских людей во время Великой Отечественной войны.

В одном из экспертных заключений о фильме критик Иосиф Юзовский недвусмысленно высказал свое мнение о том, что основная идея автора — показать, что ЧК — это не только Дзержинский и его помощники, но также и весь советский народ, который помогает ЧК в борьбе с контрреволюцией, — хоть и соответствует «исторической действительности», не может быть центральной идеей сцена-

³ Комитет по делам кинематографии при СНК СССР. Сценарная студия. «Дзержинский». Литературный сценарий. Автор Помещиков. 1943 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2372. Оп. 7. Ед. хр. 29. Л. 44.

рия. После нескольких негативных заключений относительно образа Дзержинского в сценарии Помещикова он был списан в брак по итогам 1943 г.⁴ Работа над сценарием приостановилась на пять лет.

В 1948 г. сценарист Михаил Берестинский и писатель Лев Никулин начали разработку нового варианта сценария. В 1949 году Михаил Калатозов⁵ был назначен режиссером фильма. В письме в сценарный отдел «Мосфильма» Никулин и Берестинский заявили, что будущий фильм должен быть «о борьбе двух миров — четырнадцати капиталистических держав против молодой, еще неокрепшей страны Советов, о столкновении опытных разведок капиталистических стран с ВЧК — органом партии и диктатуры пролетариата»⁶. Риторика «холодной войны» обязывала к тому, чтобы вся деятельность контрреволюционеров, шпионов и заговорщиков против советского правительства изображались управляемой напрямую лидерами империалистических стран.

Во время обсуждения сценария в Министерстве попытку авторов показать врагов, с которыми боролся Дзержинский, критиковали по двум основным аспектам. «Негативный материал настолько широко привлечен, — сказал один из членов худсовета на заседании в ноябре 1950 г., — что задавил то, во имя чего велась эта борьба... На огромном количестве страниц все эти заговорщики, все эти агенты разведки, и все это задавило основное»⁷. В сценарии враги были повсюду, и где бы не появлялся Дзержинский — везде он должен был их разоблачать. Другой вопрос, который постоянно будет обсуждаться в работе над фильмом, касался образа врагов, которые в свою очередь определяли образ самого Дзержинского. Враги не должны были оказаться слишком глупыми и примитивными, иначе это бросало бы тень на первого чекиста: «Получается, что Дзержинский был такой вот простак, что он не видел всего того, что перед ним происходило. Нельзя же так в самом деле!»⁸

⁴ Комитет кинематографии при СНК СССР. Сценарная студия. Отчет по основной деятельности за 1943 г. // РГАЛИ. Ф. 2372. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 24.

⁵ Лауреат Сталинской премии 1951 года за фильм «Заговор обреченных» (1950), Калатозов прославится своими работами уже после смерти Сталина.

⁶ *Берестинский М. И.* Письма киностудиям «Мосфильм», «Советская Беларусь» // РГАЛИ. Ф. 2827. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 4.

⁷ Госфильмофонд (далее — ГФФ). Ф. 294. Оп. 3. [Обсуждение литературного сценария «Феликс Дзержинский» 9 ноября 1950 г.]

⁸ Там же.

Однако будет ошибкой предполагать, что версия образа Дзержинского периода «холодной войны» сводилась к борьбе с врагами. Одно из требований, характерное для образа вождя в биографических фильмах, касалось показа Дзержинского как друга советского народа, как гуманиста, который что бы ни делал — делал из любви к человечеству. В первых вариантах сценария Дзержинский был изображен романтиком, мечтающим однажды стать учителем, но ему постоянно приходилось откладывать свою мечту, чтобы защищать революцию⁹.

Дзержинский должен был быть показан как преданный друг и соратник Сталина, хотя в фильме, где главным персонажем являлся Дзержинский, было практически невозможно изобразить Сталина на второстепенных ролях. «Мы не можем мириться, что фигуры выдающихся вождей революции могут остаться на втором плане, — было сказано на одном из заседаний худсовета. — Нельзя таких гигантов, как Ленин и Сталин, как Киров, наконец, показывать проходящими фигурами»¹⁰. Дзержинский, в соответствии с каноном биографических фильмов, созданным в конце 1930-х гг., должен был быть показан как вождь, недостижимый для простых людей, который может быть одновременно повсюду и обладать необычайной проницательностью. Такой образ вождя имплицитно увязывался с культом Сталина, как показали Шенк¹¹ и Добренко¹². Оказалось, что было практически невозможно изобразить Дзержинского (как если бы он был Сталиным, подобно Невскому или Кутузову) и Сталина в одном фильме. Таким образом, биографический жанр в кино мог допустить только одного вождя в фильме. На заседании в декабре 1950 г. Михаил Калатозов выразил свое отчаяние: «Если сложить все выступления, которые здесь были, выходит так, что вообще в принципе нельзя сделать сценарий о Дзержинском, ибо Дзержинский непосредственно связан с вождями революции и найти правильное соотношение между всеми этими фигурами невозможно... Дело в том, что все время, начиная с

⁹ Берестинский М. И., Никулин Л. В. «Феликс Дзержинский» («Рыцарь революции»). Литературный сценарий // РГАЛИ. Ф. 2827. Оп. 1. Ед. хр. 14.

¹⁰ Выступление на киностудии «Мосфильм» о сценарии М. И. Берестинского «Феликс Дзержинский: стенограмма обсуждения сценария // РГАЛИ. Ф. 2827. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 17.

¹¹ Шенк Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой: (1263–2000). М., 2007.

¹² Добренко Е. Музей революции: Советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008.

первого обсуждения сценария до последнего, просто не видно про света... как будто товарищи не хотят, чтобы был этот сценарий... Если следовать вашему анализу, то картина не должна быть сделана и ее решить нельзя»¹³.

В июне 1951 г. Берестинский был репрессирован в рамках кампании по борьбе с космополитизмом и общеплановых чисток в киноиндустрии. Вскоре авторскую заявку в «Мосфильм» на киносценарий о Дзержинском прислал сценарист Николай Погодин. Как и предыдущие варианты сценария, этот должен был показать прямую связь империалистов с внутренними контрреволюционными силами¹⁴. Погодин подчеркнул свою цель — показать деятельность Дзержинского в качестве организатора мирного хозяйственного строительства, председателя ВСНХ и Наркома путей сообщения, его роль в индустриализации страны и то, как во всех его делах он пользовался беспредельным доверием и любовью народа. Сценарист предпринял попытку отразить всю биографию Дзержинского от революции вплоть до его смерти в 1926 г. В погодинском варианте была отражена свойственная Дзержинскому дихотомия, о которой я упоминала в начале — непримиримый борец и романтический гуманист. «Дать нашему молодому зрителю представление о рыцаре революции — Феликсе Дзержинском, как человеке неукоснительном и глубоко романтическом, принципиальном большевике и гуманнейшем человеке — большая задача, — было сказано на заседании. — То, что Дзержинский показан не как человек, который все время осуществляет следственные процессы, он показан не как карающая рука, а как высокий гуманист — это самая привлекательная черта этого сценария»¹⁵. Идея гуманного и человеческого образа Дзержинского занимала чиновников не меньше, чем идея непримиримого и беспощадного карателя.

Два критических замечания относительно сценария наглядно показывают, как изменилась риторика по сравнению с более ранними обсуждениями: Дзержинский теперь должен был быть не просто большевистским героем, но также и вождем партии. Если в самом первом сценарии Помещикова 1943 г. Дзержинский был представлен как помощник Ленина, исполнитель его указаний, то сценарий Погодина

¹³ РГАЛИ. Ф. 2827. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 24–25.

¹⁴ Киностудия «Мосфильм». Сценарный отдел. Дело сценария «Феликс Дзержинский» // РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Ед. хр. 264. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 6а.

создавал образ энергичного руководителя¹⁶. Другое замечание относилось к финалу фильма. Феликс Дзержинский умер от разрыва сердца через три часа после своей двухчасовой речи на Пленуме ЦК 20 июля 1926 г. Погодин попытался перевести смерть Дзержинского в художественный образ, закончив сценарий последней речью Дзержинского на Пленуме — бледного, постоянно хватяющегося за грудь. Но этот финал был не подходящим и должен был быть изменен — вождь, даже при всей его показной близости к народу, должен был быть не только выше повседневной или семейной жизни, но и его тело не могло подвергаться действию болезни¹⁷. «Не следует показывать больного Дзержинского, как он с больным сердцем выступает. Нам надо, чтобы в памяти народа Дзержинский остался как нестигаемый борец за революцию», — говорил один из членов худсовета. Теперь образ Дзержинского рассматривался как образ вождя, который не должен был вызывать жалости и сострадания, он должен был быть цельным, неуязвимым и возвышенным.

В конце концов сценарий был утвержден для дальнейшего производства. Первый отснятый материал был представлен на утверждение в августе. После просмотра в министерстве возникла примечательная дискуссия. Эпизоды, в которых Дзержинский должен был предстать человеческим — в подвале у беспризорников и в вагоне поезда, где Дзержинский садится играть на пианино — вызвали серьезные сомнения. «Нужно сказать, что это человеческое существо, это обаяние Дзержинского дано здесь как-то в такой пропорции, — было сказано на заседании после просмотра, — что это не раскрывает его образа, а как-то приземляет его, делает обычным, повседневным»¹⁸. Судя по всему, говорить о Дзержинском как гуманнейшем из людей оказалось проще, чем видеть его таким.

Когда чиновники просмотрели эпизод, где Дзержинский читает Мицкевича по-польски, встал вопрос: «Почему надо было подчер-

¹⁶ Там же. Л. 17.

¹⁷ В своей книге о фильме «Александр Невский» Бенджамин Шенк обращает внимание на то, что эпизод смерти на Куликовом поле был вычеркнут лично Сталиным, поскольку противоречил топосу бессмертного вождя, который выстраивался в советской культуре: *Шенк Б.* Александр Невский в русской культурной памяти.

¹⁸ Обсуждение литературного сценария «Феликс Дзержинский». 16 августа 1952 г. // ГФФ. Ф. 294. Оп. 3.

кнута, что Дзержинский поляк?»¹⁹ Некоторые из чиновников даже усомнились в том, что Дзержинский умел говорить по-польски. К концу 1952 г. «польскость» Дзержинского действительно превратилась в «самый важный политический вопрос»²⁰, учитывая сталинскую послевоенную политику русификации²¹. В результате в монтажных листах так и не выпущенного варианта 1953 г. Дзержинский читает Мицкевича по-русски²². Только после того как фильм был переозвучен в 1956 г., Дзержинский вернул себе свою национальность²³.

К январю 1953 г. фильм был окончательно смонтирован. Чиновники единодушно выразили свое одобрение фильма. Некоторые из них были рады увидеть Дзержинского очень гуманным, другие были довольны тем, что он словно «отлит из бронзы». В целом фильм был оценен как великое достижение²⁴.

19 февраля 1953 г., за две недели до смерти Сталина, министерством было подписано удостоверение, разрешающее фильм к демонстрированию в пределах СССР. За ним последовал ряд инструкций и писем (март–июнь 1953), которые вносили поправки в монтажные листы. Они касались удаления тех эпизодов, где присутствовал или был упомянут Сталин. Было оставлено только два эпизода со Сталиным: один — где Дзержинский назначается председателем ВЧК Лениным и Сталиным, другой — где Сталин и Дзержинский разговаривают о Локкарте²⁵. Скорее всего оба эти эпизода были оставлены, потому что имели значение для логического развития сюжета.

Широко известно, что в период «оттепели» из многих фильмов сталинского времени были вырезаны сцены со Сталиным, чтобы выпустить фильм в прокат. Но довольно примечательно, что это начали делать уже через несколько недель после смерти Сталина. Есть основания предполагать, что фильм создавался не без участия органов безопасности и, вероятно, самого Берии. По-видимому, правки в филь-

¹⁹ ГФФ. Ф. 294. Оп. 3.Л. 392.

²⁰ Там же.

²¹ Аналогичным образом происходила «русификация» Сталина в кино. См.: *Плампер Я.* Алхимия власти: Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. С. 337.

²² Монтажные листы по фильму «Феликс Дзержинский. 1953 г. // ГФФ. Ф. 294. Оп. 3.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

ме были предписаны именно им, потому что до своего ареста только Берия был наделен достаточной властью, чтобы санкционировать такие изменения. Более того, после ареста Берии в июне 1953 г. фильм снимается с проката и кладется на полку до 1956 г. Таким образом, вычеркивание Сталина из фильма в марте–июне 1953 г. явилось одним из первых действий начинающейся десталинизации.

Мое прочтение документов, связанных с созданием фильма «Феликс Дзержинский», показало, что образ Дзержинского был активно вовлечен в сталинскую историческую политику, в которой он был призван олицетворять в первую очередь не образцового чекиста, а выдающегося большевика, гуманиста и партийного лидера. Любовь к детям, скромность и человечность являлись необходимой составляющей мифа о Дзержинском и чекистах в целом. Внимательный анализ фильма «Феликс Дзержинский» и тех документов, которые отразили процесс его создания, показали, что нахождение Дзержинского во главе ВЧК было не самым важным аспектом его жизни для позднесталинской пропаганды. Первоначальное намерение показать Дзержинского в его борьбе с вездесущими врагами вылилось в намерение показать Дзержинского-созидателя, Дзержинского-мыслителя, Дзержинского-государственника. В конце 1930-х гг. был запрос изобразить Дзержинского как одного из ряда героев революционного прошлого. Во время Великой Отечественной войны Дзержинский должен был быть показан преданной «дворнягой», борющейся с врагами, осаждавшими Советскую страну. К началу 50-х гг. Дзержинский стал партийным лидером, принимающим решения и направляющим политику партии, строителем социализма и идеологом индустриализации.

Одна из фундаментальных проблем при создании фильма — найти соотношение между показом Сталина и Дзержинского в одном фильме. Подобные проблемы не возникали в других фильмах, изображавших советских героев²⁶, но в нашем случае дело было в том, что Дзержинский тоже был вождем. В книге, посвященной истории советского кино, есть любопытное предположение, почему фильм о Дзержинском так и не вышел при Сталине: «Возможно, престарелый «кремлевский цензор» после панегирических экранных опусов М. Чиаурели «Клятва», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919-й

²⁶ Например, в фильме «Валерий Чкалов: *Bergman J. Valerii Chkalov: Soviet Pilot as New Soviet Man* // *Journal of Contemporary History*. 1998. Vol. 33. No. 1. P. 135–152.

год» уже не мог согласиться с фильмом о большевистской революции и истории советского государства, где центральной фигурой сюжета не был бы изображен он сам как демиург и триумфатор исторических процессов мирового значения»²⁷. Это предположение интересно тем, что оно показывает некоторую парадоксальность этого фильма — похоже, что он был очень идеологичным и не соответствующим идеологии одновременно.

²⁷ История отечественного кино / отв. ред. Л. М. Будяк. М., 2005. С. 353.

Владислав Яковенко

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Москва
факультет гуманитарных наук, студент 4 курса
v0395@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ В 1919 Г.

В исследовательской литературе о Гражданской войне в России нередко встречается мнение, что ключевым фактором для победы большевиков стало их умение решать проблемы административного характера¹. Соответственно, одной из причин поражения белых армий называют их неудачную политику в этих вопросах. Историки говорят об одинаковом для всех мест «засилье» военных на гражданских должностях и давлении на политиков². Однако в обстановке Гражданской войны нередко все зависело от конкретного случая. На материалах нескольких городов Белого Юга можно увидеть, что военные на гражданских должностях далеко не всегда проводили одинаковую политику, как и местные партийные активисты. Поэтому провал белогвардейской администрации нельзя объяснять лишь специфическим подбором кадров.

Во-первых, ситуация очень сильно зависела от того, где находился город по отношению к фронту. Согласно законам Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), городские думы должны были взять управление в свои руки сразу по окончании военных действий на территории области³. В ряде населенных пунктов даже были проведены переборы, но многие города так полностью и не вышли из театра военных действий. Из этого, в соответствии с законодательством, следовало,

¹ См., например: *Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1989.*

² См., например: *Kenez P. Civil War in South Russia: 1919–1920: The Defeat of the Whites. Berkley, 1977.*

³ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине / под ред. С. В. Мироненко; отв. ред. и сост. Б. Ф. Додонов; сост. В. М. Осин, Л. И. Петрушева, Е. Г. Прокофьева, В. М. Хрусталева. М., 2008. С. 163.

что обязанности дум исполняли городские управы в их последнем составе, избранном по постановлениям Временного правительства⁴.

Пожалуй, наиболее ярким примером в данном отношении можно считать Киев, который никогда не находился на достаточном удалении от фронта. Почти сразу после захвата города белыми в начале осени 1919 г. там была восстановлена городская управа. В целом ее состав был левым: большинством участников были члены социалистических партий и леволиберальной партии кадетов, были также представители польского коло и беспартийные⁵.

Кадеты, составлявшие одну треть управы, были повсеместно настроены на сотрудничество с белыми⁶. Но гораздо более интересным является то, что также и местные левые демонстрировали готовность к сотрудничеству с белой администрацией. Даже эсеры, поначалу настаивавшие на срочном созыве городской думы вопреки законам, смирились с мнением остальных членов управы и продолжили работу в ней⁷.

Наиболее характерным примером компромисса левых с властями ВСЮР можно считать случай, попавший на страницы киевских газет. Во второй половине сентября стало известно, что Всеукраинский комитет партии социалистов-революционеров, последовательно выступавший против денкинцев, постановил отозвать думскую фракцию города Киева⁸. Думские эсеры бойкотировали решение Всеукраинского комитета и остались на своих местах⁹. Более того, городской комитет киевской организации эсеров поддержал действия думской фракции, из-за чего всех его членов исключили из партии¹⁰.

Чиновники Киева не пошли навстречу местным политическим активистам. По закону начальник Управления внутренних дел (УВД)¹¹,

⁴ Журналы заседаний Особого совещания... С. 185.

⁵ Киевская жизнь. 1919. 9 сент.

⁶ *Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party: 1917–1921. Princeton, NJ, 1974. P. 341.*

⁷ Киевское эхо. 1919. 4 сент.

⁸ Политические партии России: Конец XIX — первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996. С. 448.

⁹ Киевская жизнь. 1919. 18 сент.; Киевское эхо. 1919. 18 сент.; Объединение. 1919. 18 сент.

¹⁰ Вечерние огни. 1919. 26 сент.; Объединение. 1919. 26 сент.; Киевское эхо. 1919. 27 сент.

¹¹ Аналог министерства внутренних дел во ВСЮР.

главноначальствующий¹² и губернатор имели право устранять тех членов управ, которые признавались «не соответствующими своему назначению»¹³. Фактически это означало, что любой неугодный представитель управы мог быть устранен без объяснения причин. Именно вокруг этого права в Киеве разгорелся конфликт между членами управы и белой администрацией. Хотя при вступлении в Киев белых городская управа была восстановлена в последнем ее составе, ранее участвовавший в ее работе представитель еврейского блока Лодыженский не был включен в восстановленную управу. Похоже, изначально он сам отказался от участия в работе управы по причине болезни¹⁴.

Список членов городской управы Киева оказался для утверждения на столе у генерала Бредова, который в начале осени 1919 г. был военным губернатором города¹⁵. Неясно почему, но генерал решил, что обязан утверждать состав управы — в законах ВСЮР об этом ничего не было сказано. Список был утвержден без Лодыженского. Позднее, когда он присоединился к работе управы в конце октября, это привело к конфликту между городским головой эсером Рябцовым и помощником главноначальствующего по гражданской части бароном Гревеницем. Последний заявил, что Лодыженский не имеет права участвовать в работе управы в качестве ее члена, поскольку не был утвержден. Главноначальствующий А. М. Драгомиров был солидарен со своим помощником и подписал приказ об удалении Лодыженского¹⁶. Представители управы попытались оспорить решение Гревеница, но им это не удалось. Осознав, что сделать что-либо с этим они не могут, фракции кадетов, эсеров и представитель польского коло подали в отставку, считая невозможным дальше сотрудничать с властью¹⁷. Фактически управа была расформирована.

¹² Должность военного и гражданского руководителя области. Как правило, на нее назначались генералы, командовавшие армией в данной области. Подробнее см., например: *Цветков В. Ж.* Белое дело в России: 1919 г.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009.

¹³ Журналы заседаний Особого совещания. С. 185.

¹⁴ Киевское эхо. 1919. 7 сент.

¹⁵ Вечерние огни. 1919. 8 сент.; Киевская жизнь. 1919. 9 сент.

¹⁶ Вечерние огни. 1919. 28 окт.; Киевлянин. 1919. 28 окт.; Киевская жизнь. 1919. 30 окт.; Киевское эхо. 1919. 28 окт.

¹⁷ Киевское эхо. 1919. 1 нояб.; Объединение. 1919. 1 нояб.

Вскоре власти предложили бывшему товарищу городского головы кадету Бутенко занять должность головы и сформировать новый состав управы. Она была сформирована и, как и предыдущая, включала в себя кадетское большинство, а также беспартийных и представителя польского колола¹⁸. В сущности, в результате давления властей на городскую управу ее состав был изменен в пользу более лояльных белым политиков.

Совсем иначе события развивались в городах, которые оставались в белогвардейском тылу. Так, например, в Харькове, удаленном от линии фронта, были произведены выборы в городскую думу. Организацией выборов занималась специальная комиссия, созданная городской управой, избранной при Временном правительстве¹⁹. Результатом выборов стала победа «Беспартийной деловой группы» и «Национально-демократического объединения», которые состояли из умеренных правых и беспартийных²⁰. Схожая ситуация наблюдалась также в Одессе — выборы выиграл «Христианский трудовой блок» В. В. Шульгина, также включавший умеренных правых и беспартийных²¹. По подобной схеме прошли выборы в Симферополе. На них победу одержал блок, состоявший из кадетов, умеренных правых, народных социалистов и части социалистической группы «Единство»²². В этих городах белые власти в процесс выборов и состав избранных органов не вмешивались.

Однако стоит обратить внимание на явку на выборах. В Симферополе она составила около 60%, что можно считать неплохим показателем, учитывая военное время²³. В Харькове же на выборы пришло лишь примерно 15,5% жителей города²⁴. Маленькой была явка и в густонаселенной Одессе — 25%²⁵. На симферопольских избирательных участках стояла очередь из желавших проголосовать²⁶. Харьковчане же были настолько плохо осведомлены о политической

¹⁸ Киевлянин. 1919. 11 нояб.

¹⁹ Южный край. 1919. 24 сент.

²⁰ Южная газета. 1919. 29 окт.

²¹ Единая Русь. 1919. 6 нояб.; Шульгин В. В. Дни: 1920: Записки. М., 1989. С. 316–317; Южный рабочий. 1919. 5 дек.

²² Южный край. 1919. 13 сент.

²³ Там же.

²⁴ Южная газета. 1919. 29 окт.

²⁵ Великая Россия. 1919. 2 нояб.

²⁶ Таврический голос. 1919. 11 сент.

ситуации в городе, что приходили на избирательные участки в день после голосования, ожидая, что выборы продлятся несколько дней²⁷.

Это ставит под сомнение то, насколько в случаях с Харьковом и Одессой в проблемах тыла были виноваты белые чиновники. Ведь именно местные политики не смогли убедить население принять участие в политической жизни города, хотя и не находились под давлением властей, как киевская управа.

Во-вторых, многое зависело от характера, личности и опыта белых чиновников, работавших в разных городах. Достаточно взглянуть, например, на трех генералов, руководивших Киевской, Новороссийской и Харьковской областями в 1919 г. Так, главноначальствующий Киевской области А. М. Драгомиров принимал относительно активное участие в жизни Киева, именно он вынес окончательное решение по поводу конфликта с управой. К тому же Драгомиров был знаком с подконтрольной ему областью²⁸. Новороссийский²⁹ главноначальствующий Н. Н. Шиллинг, управлявший также Таврической губернией, тоже старался контролировать политическую жизнь вверенной ему территории, но совсем иным образом. Он считал, что необходимо всецело помогать местному самоуправлению и требовал не менее двух раз в месяц докладывать ему о его деятельности³⁰. Руководивший Харьковской областью В. З. Май-Маевский в данном аспекте был полной противоположностью, он гораздо больше интересовался военными вопросами. Из-за этого и проблем с алкоголем он практически не вмешивался в харьковские политические дела³¹.

В-третьих, нередко неполитические события вмешивались в жизнь городов так сильно, что ни белая администрация, ни местные политики не могли их игнорировать. Например, случившийся в октябре 1919 г. киевский погром нанес городу существенный ущерб и унес жизни многих евреев. Главноначальствующему Драгомирову приходилось усиливать патрулирование города и проводить разъяснительную работу с офицерами³². Местная общественность, в свою очередь, организовала «Лигу борьбы с антисемитизмом», куда вошли предста-

²⁷ Южный край. 1919. 29 окт.

²⁸ Вечерние огни. 1919. 26 сент.

²⁹ Область с центром в Одессе называлась Новороссийской.

³⁰ Таврический голос. 1919. 11 дек.

³¹ Критский М. А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 116–117; Наживин И. Ф. Записки о революции. М., 2016. С. 355–357.

³² Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. С. 286–287.

вители левых партии и кадеты. Именно при их поддержке печатались опровержения антисемитских материалов из ряда газет, велась антипогромная агитация³³. Как чиновникам, так и местному самоуправлению пришлось заниматься борьбой с погромщиками и помощью пострадавшим, а не решением своих повседневных задач.

Итак, думается, что говорить об общих причинах провала административной политики на Белом Юге для всех городов и списывать все проблемы на «засилье» военных нельзя. Из представленной информации видно, что в каждом случае проблемы были разными. В Киеве давление на членов городской управы и неспособность белых подавить погром практически свели к нулю все взаимодействие между администрацией и местными политическими активистами. В данном случае можно предположить, что военный чин Драгомирова сыграл ведущую роль в конфликте с общественностью: генерал либо не смог разобраться в законодательстве, либо не захотел сделать этого, опасаясь довериться левым политикам.

В Харькове ситуация была обратной — Май-Маевский и остальные чиновники не влияли на такое ключевое событие в жизни города, как выборы в городскую думу. Здесь отрешенность военного от гражданских дел, наоборот, дала свободу политическим активистам. Но явка на выборах оказалась столь мала, что вряд ли можно считать думу выразителем общественных настроений. Несмотря на совершенно иное отношение к политической жизни генерала Шиллинга, похожая ситуация сложилась и в Одессе. При этом абсентеизм на выборах не был повсеместен, что доказывает достаточно большая явка на выборах в Симферополе, который находился под руководством того же генерала. Харьковский и Одесский случаи заставляют задуматься о том, насколько само население хотело обустроить свою жизнь и влиять на нее, а также о том, насколько местные политики умели заинтересовать население. В то же время ситуация в Симферополе показывает, что даже в городах, находившихся в юрисдикции одного главноначальствующего, политическая жизнь могла быть различна.

Судя по всему, существующий подход к изучению административной политики Белого движения в городах нельзя считать продуктивным. Как видно, «засилье» военных могло играть разную роль в политической жизни отдельного населенного пункта наряду с различным поведением местных политических активистов и неполити-

³³ Киевская жизнь. 1919. 21 окт.

ческими факторами. Для исследования городской политики Белого Юга недостаточно рассмотрения делопроизводственных материалов белых правительств и переписки высших чиновников — необходимо более подробно изучить ситуацию на уровне городских и областных администраций и самоуправленческих структур.

**КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ,
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ,
НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ**
материалы одиннадцатой международной конференции
студентов и аспирантов
14–15 апреля 2017 года, Санкт-Петербург

Корректор — Н. А. Славгородская

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург
ул. Гагаринская, 3А
тел.: +7 812 386 7627
факс: +7 812 386 7639
e-mail: books@eu.spb.ru
Интернет-магазин Издательства:
WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 06.04.17
Формат 60x88 1/16. Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Политехника-Сервис»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д